

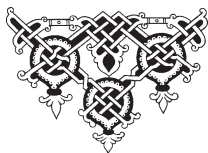
РУСЬ
СОБОРНАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВПЛОСЫ РОССИИ

Исторические вызовы
России

Издательский центр
Новосибирского отделения
Всемирного Русского Народного Собора
Новосибирск
2007

ББК
63.3 (2)
Р-88

Руководитель проекта
П.Я. Добрынин

Составитель
В.В. Тяботин

Координатор проекта
Н.А. Александров

Главный редактор
А.Ф. Косенков

Р **«Русь соборная».** Исторические вызовы России. — Новосибирск: Издательский центр Новосибирского отделения Всемирного Русского Народного Собора. — 2007. — 192 с.

В основу книги «Русь соборная» положены работы великого сына русского народа, историка, философа, богослова митрополита Иоанна (Снычева). Также использованы исследования Л. Лебедева, Е. Поселянина, М. Толстого, П. Жильяр, С. Соловьева, Н. Карамзина, А. Керенского, И. Ильина. В. Лисичкина, Л. Шелепина.

ISBN 5—8402—0237—1

* * *

Историю России нельзя рассматривать как только цепь хронологически выстроенных исторических событий. Всякое исследование будет неверным и неполным без осмысления особенностей духовно-нравственного пути развития России.

Святая Русь была обречена на свою трагическую историю уже тем, что добровольно взяла на свои плечи тяжесть служения нравственным идеалам. Нет более славной истории духовного служения ни у одного государства мира. Нет другой страны, пережившей столько очищающего горя, великих побед, смут и чудесных расцветов. Без исследования ее «духовного тягла» познать, осознать и понять историю нашего Отечества невозможно.

В книге освещены наиболее трудные годы исторического пути России — смутные времена. Причины, действующие силы и исход из политико-экономических кризисов всегда лежали в духовной сфере народной жизни. Отправной точкой исцеления всегда был возврат к нравственным истокам, а инструментом выздоровления служило Соборное решение.

Книга будет легко воспринята людьми верующими, неверующим она откроет иной взгляд на историю Отечества. А осознав истину, пусть ваше сердце возрадуется чести быть кровной частью великого народа.

РУСЬ СОБОРНАЯ

На протяжении многих веков понятие *соборности* было для русского человека столь же естественно, как воздух, как молитва, как крестное знамение. Соборное единство всегда предопределяло крепость и величие России, помогая даже в самые сложные и смутные времена сохранить ее державную мощь и широту русского характера. Это бесценное качество, безумно растрачиваемое ныне в погоне за дьявольскими миражами «общества всеобщего изобилия», еще в древние времена сообщила нашему народу Русская церковь, увидевшая в *соборности* и спасительную возможность сохранения единства страны, и смысл жизни, коренящийся в общем служении вечной правде, в желании посылно приблизиться к Богу и воплотить в себе нравственный идеал православия.

Трагичность русской истории общеизвестна. Причин тому множество, и не последними из них являются наши природные богатства, простор полей и лесов, чистота рек и морей да еще детская доверчивость народа, которую наши завистливые соседи нередко принимают за глупость, считая, что Иванушка — он дурачок не только в сказке, но и в жизни. И потому постоянно пытались и пытаются то запугать нас блеском сабель, мощью своих мортир и ракет, а то и попросту одурачить красивыми, но лживыми теориями о «городах солнца», где каждый человек подобен Богу.

Никогда у России не было легких времен, но особо тяжелым оказалось XX столетие — время огненных, страшных, кровавых испытаний, время сатанинских соблазнов, повелевающих умами и развращающих души миллионов людей, время ревностных подвижников, исповедников и мучеников — бесстрашных воинов Христовых, сберегших на Руси Истину и Веру вопреки всем

усилиям богоборцев и христоненавистников. Жестокая и кровопролитная битва за русское сердце не прекратилась и поныне. Более того, именно сейчас, сегодня, она близка к своей кульминации, к тому решающему моменту, который определит: вернется ли наша истерзанная страна на духовные просторы Святой Руси или, оглушенная и оболганная, пойдет «широким и просторным путем, ведущим в погибель», — путем «цивилизации» и «прогресса», закономерно завершающимся космополитическим царством с Антихристом во главе.

Ныне полуживая Россия из всех сил стремится избежать грозящей пагубы, поэтому ее современная и гражданская духовная жизнь характеризуется мучительным поиском путей восстановления святынь Веры, основ идеологии национального возрождения, способов воссоздания законной преемственности государственной власти. Сегодня, увы, эти поиски происходят в катастрофических условиях ускоряющегося распада тех государственных институтов, которые возникли в «советский» период отечественной истории, став результатом жесткой насильственной ломки многовековой русской державной традиции.

В таких условиях необходимость обращения к богатейшему опыту, доставшемуся нам в наследство от наших великих предков, бесспорна и очевидна. Ответственный гражданин, размышляя о проблемах державного строительства современной России, не может обойти вниманием естественные традиции русского бытия, многократно являвшие себя на тысячелетнем пространстве российской истории. И первой же, наиболее яркой его особенностью нельзя не признать тот факт, что русская государственность всегда мыслила себя, всегда строилась и действовала как государственность христианская, черпая в православном вероучении идеалы и смысл своего существования.

Не раз и не два казалось, что смуты и мятежи, агрессии и войны уничтожат российскую державу. И все же каждый раз Россия возрождалась, ибо духовные механизмы самозащиты хри-

стианской государственности — *механизмы соборности* — несмотря ни на что — обеспечивали «регенерацию» растерзанной Руси, сохранение всенародного, общенационального единства, мировоззренческой целостности общества и его нравственно-религиозного здоровья.

Именно поэтому представляется сегодня столь актуальным подробный и компетентный разговор о христианской соборности — важнейшей основе здорового государственного устройства и общественной организации.

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА — К ПРАВОСЛАВИЮ

Оглядывая русскую историю, где события происходят почти всегда вопреки «объективным закономерностям», непредвзятый наблюдатель повсюду находит несомненные следы Божьего попечения о России. Чудо сопровождает ее сквозь века. В конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели — русский народ, в течение шести веков (с X по XVII) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствование Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении. И все это — вопреки обстоятельствам, условиям, возможностям, выгоде, расчету.

С этого «вопреки» и начинается русская история. Ибо угодно было провидению явить здесь чудо крещения, положившего начало тысячелетнему служению соборного и державного православного народа тогда, когда это казалось невозможным и невыполнимым. Чтобы показать это с ясностью на исторических примерах, обратимся к моменту, когда Русь еще пребывала в язычестве, заблуждении, не догадываясь о своей будущей великой судьбе.

Языческое мировоззрение покоится на утверждении, что *добро* и *зло* есть два самостоятельных, равнозначных начала бытия мира. Эта поистине дьявольская выдумка отрицает всемогущество Божие, лишает человека нравственных опор. Ведь если добро и зло равноправны и равноестественны для человека, то чего же стесняться, что зло действует в нас? Мерилом дел и поступков человеческих в таком случае не может быть нравственный идеал, вопло-

щенный в заповедях Божиих и церковном предании. Человек сам по себе есть мера всего, и естественные человеческие порывы и склонности не подлежат осуждению. В этом случае грехи и страсти обретают «законные» права на существование, а зло становится достойным почитания не менее добра. И религиозные формы этого почитания — неотъемлемая часть любого языческого культа.

Единственной религией мира, со всей полнотой свидетельствующей об абсолютности добра, блага и любви, является христианство, которое произвело настоящий переворот в умах и душах наших предков. Ведь древние славяне рассматривали мир как арену борьбы между добрым Белбогом и злым Чернобогом. И тот и другой требовали соответствующих жертв. Самостоятельность злого начала служила оправданием его неизбежности, рождая культовые формы славянского сатанизма, обретшие позднее свое воплощение в почитании Перуна — верховного языческого божества дохристианской Руси.

Собираясь заложить Новгород, народные старшины по указанию жрецов велели в основание городской крепости замуровать ребенка как «строительную жертву» богам.

Столь же беспощадны были и семейные традиции. Вместе с умершим воином на погребальном костре сжигались и его жены. Этот жуткий обряд подробно описал арабский путешественник Ахмед Ибн-Фадлан, оказавшийся на месте погребения знатного руса.

Закон позволял матери умертвить новорожденную дочь, если ее рождение казалось излишним. В свою очередь, признавалось право детей на убийство родителей, обременяющих семейство старостью или болезнью. Межродовые распри передавались из поколения в поколение, подогреваемые обычаем кровной мести.

Справедливости ради надо сказать, что это были лишь нормы языческой морали, а вовсе не врожденные черты характера древних славян. Историки видели много привлекательного в них, говоря, что они не знали ни хитрости, ни обмана, хранили в себе простодушие и незлобие. Греки, римляне, арабы, и германцы отмечали, что простота нравов восточных славян находилась в противоположности с испорченными нравами тогдашних образо-

ванных или полуобразованных народов. С пленными, оставшимися в живых, славяне обходились великодушно, назначая лишь определенный срок их рабства, по истечении которого пленник мог либо уйти от своих хозяев, либо остаться с ним жить на равных правах, как вольный человек.

Свято соблюдаемый обычай гостеприимства делал славянские земли безопасными для путешественников, и хозяин головой отвечал обществу за безопасность гостя-чужеземца. Купцы охотно посещали славян, где не было ни воров, ни разбойников, хотя и особо выгодной торговли здесь ждать не приходилось. Русичи не знали роскоши, страсти к наживе и не ценили золота. Чрезмерной привязанности к земному благополучию у них не было. И эту неозабоченность жизненными благами отмечали на протяжении многих веков все исследователи русского национального характера.

В прямой связи с этим феноменом находится особое тяготение древних русских людей к движению, к освоению нового пространства — стремление к «воле». А она у русских — это совсем не то, что «свобода» в значении независимости от каких-либо моральных или гражданских законов или от власти. Русь ширилась в основном за счет свободных, незанятых или малонаселенных земель и была подвижна не желанием порабощения и тиранического господства над другими народами, а светлой и мирной жадностью узнавания новых пространств и, по возможности, духовного и культурного освоения их. Братское и дружелюбное отношение русских к любым другим народам — всемирно известная черта. Желание помочь, «пособить», защитить, заступиться за слабых, искреннее уважение к обычаям, живой интерес к нравам и верованиям других были всегда свойственны Руси. Бывали со стороны русских эксцессы насилия, но они всегда являлись исключениями из правил.

Русь часто воевала. Особенно крепко бились с печенегами, половцами, хазарами, волжскими булгарами. Эти войны, как правило, были оборонительными, направленными на защиту своей земли от беспокойных соседей. Но ходили и на Византию. В этих походах явно просматривалось желание не столько пограбить (хотя, конечно, и грабили, и обогащались здесь княжеские дру-

жины), сколько завязать особые отношения с этой могучей, загадочной и чем-то очень притягательной страной.

Рослые, крепкого телосложения, светловолосые русичи удивляли путешественников как внешностью своей, так и веселым, жизнерадостным нравом. Праздники у них сопровождались шумными играми, плясками, хороводами. Любили хмельное. Приготовленный особым образом из меда пьянящий напиток прославился далеко за пределами Руси. Крепких, одурманивающих напитков здесь не знали.

Находясь на перекрестке дорог, там, где переплетались и сталкивались интересы мусульманского Юга, православного Востока, католического Запада и хищного иудейского Хазарского каганата, Русь должна была ради спасения своей целостности хранить и свою религиозную самобытность. Казалось, ей судьбой предназначалось стать языческой империей. Любые уступки соседям привели бы к неминуемому разделу Руси на «зоны влияния» мусульманства, иудаизма и христианства с последующей утерей государственного, религиозного и национального единства. История южных славян подтверждает это: когда-то единый народ разделился на православных сербов, католиков-хорватов и даже славянских мусульман, ожесточенно враждующих до сих пор между собой. Не менее поучителен и пример Золотой Орды. Ее распад после принятия ислама показывает, какова оказалась бы судьба России, если бы все текло «естественным» образом. Похожесть событий необычайна. И там и тут — новая идеология распространяется верховной властью. И там и тут — воинственный народ, отсутствие жесткого государственного единства, наличие как сторонников, так и противников новой религии. Совпадения можно перечислять и дальше. Тем более примечательно то, что святой равноапостольный князь Владимир с принятием православия возвеличил Русь, а хан Узбек, объявивший в 1313 году ислам государственной религией Золотой Орды, свою могучую державу погубил.

ТРИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Ученые много спорят о достоверности летописного известия о «призвании варягов» на Русь. Было ли оно в действительности, сказать трудно, да и не в этом дело, ибо сам факт появления в середине IX века на Русской земле новых государственных образований не подлежит сомнению. Рюрик стал основателем единого княжества и родоначальником династии в 862 г. На протяжении более 700 лет Рюриковичи вели Россию путем исповеднического служения. Хотя сам Рюрик и был, вероятно, язычником, но первое крещение Руси состоялось еще при нем.

Киевские князья Аскольд и Дир, собрав дружину, на двухстах ладьях по Днепру вышли в Черное море, опустошили на своем пути побережье и осадили Константинополь. Нападение оказалось неожиданным и стремительным. Царьград спасся чудом. После молебна о спасении патриарх Фотий погрузил в море одну из главных святынь города — ризу Божией Матери, хранившуюся во Влахернской церкви. Налетевший после этого шторм разметал корабли русов, уничтожив большую часть флота и сделав дальнейшую осаду города невозможной. Пораженные русские князья прислали в Константинополь посольство с просьбой о принятии их в христианскую веру. Это и было первое «Аскольдово» крещение Руси, которая стала числиться 60-м архиепископством среди епархий Константинопольского патриархата. Казалось бы, крещение Руси состоялось. Но, увы — оно не оставило заметного следа в русской истории. Более того, сохранилось предание, согласно которому Аскольд и Дир, по возвращении в Киев, вызвали недовольство горожан-язычников, которые выдали их подошедшему с дружиной к Киеву князю Олегу, а тот умертвил новоявленных христиан.

Почти одновременно с походом киевских князей на Царьград, в южных русских областях святой Кирилл, просветитель славян, крестил двести семейств. Для обращения был послан митрополит Михаил, крестивший все племя во главе со старейшинами. И этому крещению предшествовало чудо — брошенное по требованию язычников в костер Евангелие не сгорело. «И сим чудом, — повествует летописец, — ужас охватил Русь и многие крестились». Но и это крещение Руси не оказало влияния на ее судьбу. Очаг православия на юге земли Русской со временем то ли угас, то ли оказался столь слабым, что не смог просветить окрестную языческую тьму.

Наконец, третий раз Русь была окрещена в 957 году в лице святой равноапостольной княгини Ольги, приехавшей для этого в Константинополь. Крестил ее сам патриарх, благословивший Ольгу по совершению таинства дарственным крестом с надписью: «Земля русская воздвигнута для жизни в Боге крещением блаженной Ольги».

Что же побудило княгиню Ольгу — уроженку Псковской земли, дочь перевозчика через реку Великую, которую на радость себе и народу русскому встретил и полюбил князь Игорь, креститься? Как обратилась ее душа ко Христу? Оказывается, с христианством Ольга была знакома с детства. Врожденная мудрость заставила ее интересоваться этой верой. «Эта же блаженная Ольга, — гласит летопись, — с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом. И нашла многоценный жемчуг — Христа». Промыслом ли Божиим случилось так, что это озарение совпало с приглашением в Константинополь, или такое приглашение явилось следствием продуманных дипломатических маневров самой Ольги — сегодня трудно сказать. Но одно ясно: мудрая княгиня решила принять крещение в торжественной обстановке от самого Патриарха, чтобы добыть своей родине широкое признание в мире могущественных христианских государств и обеспечить своей собственной апостольской миссии на Руси духовную поддержку и особый авторитет в глазах русских людей!

Вернувшись из Константинополя в Киев, она начала христианскую проповедь. Но опять, несмотря на то, что в отсутствие сына — воинственного Святослава — Ольга была фактической

правительницей страны, христианство на Руси, даже пользуясь ее покровительством, в должной степени не прививалось. Были и церкви, и христианские общины, но лишь в больших торговых городах, где всегда собирались люди самого разного вероисповедания. Народ же продолжал коснеть в язычестве.

Более того, русское язычество крепло. В 945 году по Рождестве Христовом на киевский престол взшел молодой Святослав — первый великий князь, о славянском происхождении которого мы знаем несомненно. Пока он был ребенком, за него сильной рукою правила мать — мудрая и властная Ольга, жестоко покарывшая древлян за убийство мужа и удивившая походом на север для присоединения к своему княжеству земель по Мсте и Луге. Сын ее Святослав вырос, стал воином и, вдохновляемый жрецами, провел ряд блестящих походов, освободивших Русскую землю от остатков влияния Хазарского каганата, заложив тем самым прочное основание русской государственности.

Хазарский каганат встал на пути молодой русской державы в IX веке, когда еврейская община Хазарии добилась господствующего политического и экономического положения в этой стране, объединявшей под своей властью тюркские и кочевые племена. Иудеи с помощью наемных мусульманских войск сумели подавить всякое сопротивление коренного населения и сделать Хазарию опорным пунктом своего экономического могущества. Политика каганата осуществлялась в интересах торговой еврейской диаспоры, извлекавшей огромные прибыли из работорговли и Великого шелкового пути, пролежавшего через земли Хазарии.

Начавшийся в VIII веке развал арабского халифата открыл торговые пути с Запада на Восток, и этим не замедлили воспользоваться иудейские дельцы, видевшие в своем финансовом могуществе путь создания вожделенного всемирного еврейского государства, о котором учили талмудисты-раввины. Основу этого торгового клана, оказавшего сильнейшее влияние на всю мировую политику того времени, составили выходцы из Вавилонской общины, изгнанные из Ирана, и евреи из Византии. Несмотря на то, что иудейской была вся верхушка Хазарского каганата, иудаизм стал не государственной религией, а тайной верой правящих кругов и торгово-ростовщического класса. Императоры из динас-

тии Каролингов на Западе получали средства для финансового обеспечения своих планов от иудеев-рахдонитов. Мусульманские властители Испании воевали с христианами на еврейские деньги.

Славянские земли в IX — X веках стали для иудейских купцов источником «живого товара». По свидетельству Ибрагима Ибн Якуба, они вывозили из славянских стран не только воск, меха и лошадей, но, главным образом, славян-военнопленных для продажи в рабство, а также юношей, девушек и детей для разврата и гаремов. Практиковалась торговля кастрированными славянскими юношами и детьми. Для этих целей в Каффе (Феодосии) оборудовали специальные заведения. Организованная иудеями массовая торговля рабами привела к тому, что в языках самых больших народов мира того времени (английском, немецком и французском) слово «славянин» стало синонимом слова «раб».

Но главная цель славянской политики Хазарского каганата была иной. Собственно, этих целей было две. Ближайшая — ослабление русского государства и превращение его в младшего партнера, чьи войска можно было бы с успехом использовать против ненавистной православной Византии. Конечной же целью было полное разрушение Киевского славянского княжества с последующим включением его земель в состав каганата. Такой исход сделал бы евреев финансовыми и торговыми господами всего евроазиатского пространства — от границ Китая до Пиренейского полуострова. Дело было за малым — уничтожить нарождавшуюся молодую и неопытную Русь. В это тревожное время у кормила Русской земли оказались два человека, чья деятельность и определила неудачный исход всемирного еврейского предприятия. Это был язычник — князь Святослав, который своими дерзкими походами уничтожил Хазарию, и его мать — христианка княгиня Ольга, не давшая угаснуть в народе слабой искре христианства, всеянной тремя «неудачными» крещениями, которая вспыхнула ярким светом на Святой Руси в результате чудесного обращения ее внука — князя Владимира.

Но до того как Святослав сел на киевском престоле, перспективы Русской державы казались весьма мрачными. Происками Хазарии она оказалась втянутой в войну с Византией, совершен-

но чуждую русским интересам. К середине X века киевский князь стал вассалом иудейского царя. Произошло это после карательного похода еврейского полководца Песаха, руководившего наемной армией, которая отбросила русов от берегов Азовского моря. Затем от Киева отпало Днепровское левобережье. Земли угличей и тиверцев попали в руки печенегов. Кривичи создали свое независимое Полоцкое княжество. Под мощным воздействием хазарских евреев Русь разваливалась на глазах и была вынуждена платить им не только дань, но и воевать за их интересы. Этим, возможно, и объясняются два похода князя Игоря на Царьград, совершенные в 941 и 944 годах.

Святослав почти всю жизнь провел в походах, воюя с Хазарией. Война шла поначалу с переменным успехом. Но в 964 году русичи совершили удачный поход на Оку в земли вятичей, где освободили народ от власти хазар. Там же для киевской дружины были срублены ладьи, и весной следующего, 965 года Святослав со своим войском спустился вниз по Волге к Итилю — главному городу иудейской Хазарии и взял его. Эта победа решила судьбу войны и определила распад каганата.

КРЕСТИТЕЛЬ ВЛАДИМИР

После смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег у древлян, а Владимир в Новгороде. Олег вскоре умер, и его владения отошли Ярополку. Изгнанный братом Владимир бежал к варягам. Через два года он вернулся в Новгород с варяжской дружиной, взял город и объявил, что будет вести войну за великое княжение. Начал он ее с того, что отобрал у брата его жену Рогнеду, затем взял Полоцк и двинулся к Киеву. После этого будущий благоверный святой князь, а в ту пору ярый язычник, склонил киевского воеводу к измене, выманил к себе брата Ярополка и убил его. Таким образом, Владимир утвердил в Киеве свою власть.

Во время приверженности язычеству буйная натура князя безоглядно отдавалась порывам самых разрушительных страстей. Публичное насилие над пленной Рогнедой, предательское убийство брата Ярополка, участие в человеческих жертвоприношениях, необузданная похоть, для удовлетворения которой Владимир содержал в трех гаремах 800 наложниц, — вот далеко не полный перечень, позволяющий судить о его жизни и характере.

Тем разительнее перемена, произведенная в князе крещением. Преподобный Нестор-летописец указывает, что еще до обращения ему было какое-то видение. Внутренняя духовная причина перемен, происшедших с Владимиром, осталась тайной его души. Между тем, по воле Божией, сами внешние события вели князя к ближайшему соприкосновению с православной верой и церковью.

Греческие императоры македонской династии, занимавшей в то время престол Византии, — Константин и Василий — обратились к Владимиру с просьбой помочь подавить бунт своего воево-

ды Фоки. Князь согласился помочь, но поставил условие для империи неслыханное — руку сестры императоров, царевны Анны. Блестящая Византия никогда не отдавала своих царевен в жены варварам. Но безвыходная ситуация заставила Константина и Василия согласиться на это. Впрочем, выполнять договоренность, особенно после того, как русский отряд помог разгромить легионы Фоки, они не спешили.

Возмущенный Владимир взял Корсунь — важнейший опорный пункт Византии в Причерноморье — и повторно потребовал Анну в жены. С великой неохотой империя уступила, и царевна отправилась в варварскую Скифию как в тюрьму, не забыв, конечно, взять с собой духовенство и церковную утварь. Для православного взгляда последовательность этих событий являет собой сплошную цепь чудес.

Владимир трижды собирался принять обряд обращения в веру. Первый раз, выслушав проповедников, каждый из которых склонял его к своей религии, князь решил отправить посольство в мусульманские и христианские страны, дабы на месте выяснить, какая вера лучше. Вернувшись, послы рассказали князю, что ни мусульманство, ни католичество им не приглянулись. Иное дело — православие.

Владимир стал думать. В мусульманстве, согласно летописи, ему как будто нравилось многоженство и в этой, и в будущей жизни. Магометане не случайно упирали именно на этот пункт своего вероучения. Они явно пытались приспособиться к нравам князя-язычника, о которых, конечно, хорошо знали. Но они не знали другого: от язычества Владимир в глубине души уже отворотился. К тому же «предаваться всякому блуду» он мог и не переходя в иную веру... Проповедники ислама просчитались. Они не открыли Владимиру ничего нового о Боге. Заповеди ислама об обрезании, воздержании от свинины и вина были использованы киевлянином как предлог, чтобы отвергнуть эту веру. И он сказал послам полусхотливые слова: «Руси есть веселие пити, не можем без этого быть».

Остроумен отказ Владимира и от иудаизма. Проповедники этой религии, судя по всему, главный акцент сделали на «презренности» христианства по сравнению со своей верой: «Христи-

ане же веруют в Того, Кого мы распяли...» Владимир стал сначала спрашивать о «законе» иудеев, а затем задал неожиданный и коварный для них вопрос: «А где земля ваша?» Дело в том, что Хазария была недавно разгромлена, а Палестина не принадлежала иудеям. Вынудив проповедников ответить, что «разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши...» Тогда Владимир резонно заметил: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны?.. Или и нам того же хотите?»

Очень интересно летописное свидетельство о беседе Владимира с «иноземцами из Рима», «посланными папой». Сперва они строили свою проповедь на противопоставлении истинного Бога, сотворившего небо и землю, звезды и месяц, и «всякое дыхание», языческим истуканам, подчеркивая, что христианство — свет, а язычество — тьма. Владимир спросил их: «А в чем заповедь ваша?» И получил знаменательный ответ: «Пост по силе, если кто пьет или ест, то все это во славу Божию». И ни слова о необходимости духовного преображения, перерождения человека во Христа и во образ Христов, об отвержении себя с необходимостью, «взяв крест», следовать за Христом! Трудно сказать, чего было больше в этой проповеди «иноземцев из Рима», смысл которой отчетливо отражен в кратких словах летописи, — попытки приспособиться к распущенным нравам Владимира-язычника или свойственной вообще западному христианству обмирщенности... Во всяком случае суть ответа римских посланцев — в призыве переменить веру без особой перемены образа жизни. А вот это как раз и должно было оттолкнуть Владимира. «Идите, откуда пришли, — сказал он посланцам Римского Папы, — ибо и отцы наши не приняли этого».

Кроме того, рассудивши дело, советники-бояре решили, что креститься стоит, что если бы плох был закон греческий, то бабка его Ольга не стала бы православной. И князь, наконец, решился. Но эта внешняя решимость, не подкрепленная живым церковным опытом, оказалась недолговечной — он так и остался тогда язычником.

Второй раз Владимир собрался креститься, когда на требование отдать ему в жены Анну, императоры ответили так: «Не

пристало христианам отдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя».

«Услышав это, — говорит летописец, — сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». Но и в этот раз князю не суждено было принять святое крещение. Владимир затеял с императорами спор, что должно состояться в первую очередь — крещение или приезд невесты. Время шло, а уступать никто не хотел. Вот тогда-то князь и осадил Корсунь. Взять хорошо укрепленный город было почти невозможно, но... «некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется — крещусь!» И тотчас повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались», — свидетельствует летопись.

Ожидавший в Корсуне прибытия невесты Владимир внезапно заболел глазной болезнью, завершившейся полной слепотой. Прибывшая Анна в который раз потребовала его крещения, без чего не могло быть и речи о браке. Князь согласился, и в момент совершения Таинства в купели — прозрел. Излечение телесное сопровождалось и благодатной душевной переменой, плоды которой не замедлили сказаться.

В 988 году князь возвратился в Киев совсем иным человеком. Совершенно изменилась его нравственная жизнь. Он распустил свои гаремы. Рогнеде, своей первой жене, послал сказать: «Я теперь христианин и должен иметь одну жену. Ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами». Замечателен ответ Рогнеды: «Я природная княжна, — велела она передать Владимиру. — Ужели тебе одному дорого царствие небесное? И я хочу быть невестой Христовою». С именем Анастасии княжна постиглась и кончила свои дни смиренной монашенкой в одной из обителей. Так крещение Владимира отозвалось благодатной переменой и среди людей, его окружавших.

Вернувшись в Киев, он, руководствуясь благодатным внушением Божиим, велел жителям города собраться на берегу Днепра, подкрепив призыв весом своей княжеской власти: «Кто не придет, тот не друг мне!». И когда горожане собрались, на глазах обомлевшей толпы были сокрушены идолы. Деревянные статуи «богов» рубили и жгли. И... вместо неминуемого, казалось бы, мятежа произошло всеобщее Крещение, которое святой Владимир предварил своей горячей молитвой к Богу.

Вскоре в Киеве появились возы, наполненные мясом, рыбой, хлебом, медом и всякой другой снедью. «Нет ли где больного и нищего, который не может сам идти ко князю во двор?» — кричали возницы. В год Крещения Руси Владимиру исполнилось 25 лет. Со всем пылом юности отдался он осуществлению Христовых заповедей. Православие распространялось неимоверно быстро. Уже при жизни князя Владимира в Киеве были возведены сотни церквей. На севере — в Новгороде, Ростове, Мурмане — язычество держалось дольше и крепче, но и там постепенно православие безоговорочно восторжествовало.

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Крещение в корне изменило всю русскую жизнь. В это время появились первые письменные пастырские поучения, на века определившие самосознание народа. Особое место в их ряду занимает «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона, поставленного на митрополию в 1051 году собором архиереев по воле великого князя Ярослава Мудрого. «Слово» явилось одной из первых попыток христианского осмысления русской истории, а главным прозрением Иллариона стало его утверждение о духовной природе той силы, которая соединила разрозненные славянские племена в единый народ, объединенный под властью Божией вокруг религиозного христианского начала. Его идеал воплощен в Православной церкви. В этом — истоки русской соборности. Само «Слово» является едва ли не единственным памятником XI века, в котором употреблено словосочетание «русский народ», а не обычное для того времени понятие «Русская земля».

Древнее самосознание народа и прежде находило свое яркое художественное выражение в былинах, сказках, пословицах и поговорках. Каждому, кто знаком с русским фольклором, хорошо известно, что даже в самых ранних слоях народного творчества содержатся очень устойчивые оценочные характеристики личных качеств, отношений людей между собой, отношения их к жизни, к окружающему миру. В личных качествах особо ценятся мудрость, праведность, мужество, верность долгу и слову, верность родной земле, смекалка, умение метко и кратко говорить. Любовь должна быть только одна, к одной возлюбленной или жене. В отношениях между людьми всегда поощряются неличное братолюбие, почтение к старшим, особенно к родителям, верность в дружбе, отзывчивость к чужому горю, готовность,

рискуя головой, прийти на помощь страдающему, защитить невинного и слабого.

Во всем этом присутствует представление о чистой совести, которая настолько превыше всего, что никакие соблазны или сама смерть не должны заставить человека изменить ей. Земные блага и ценности у русских людей отступают на второй план потому, что важнее их, превыше их ценность духовная — *совесть*. И это не случайно. Ведь Древняя Русь постоянно пребывала в кольце враждебных сил, и потому чувство долга перед землей и народом у русских преобладало над личными эгоистическими интересами. А все многообразие общественных, хозяйственных и иных отношений регулировалось совокупностью представлений, связанных с понятием «правда». Это не значит, что правда побеждала во всем и всегда. Это значит лишь, что к ее осуществлению стремились, что жажда правды порождала положительные духовно-нравственные усилия. Правда — это истина любая, но прежде всего — о смысле бытия. Правда — это закон как юридическое установление, это и справедливость как основание закона, его регулирующее воздействие на отношения между людьми. Правда — это праведность, благочестивая личная жизнь человека.

Первый свод законов на Руси получил название «Правда Роськая» и тем самым уже свидетельствует об особенном, очень своеобразном характере правового (юридического) начала в русском обществе. Здесь «право» — не только свод правил, механически регулирующих разнообразие отношения людей. Закон и право у русских людей укоренены в правде. Она — основное в законе, она его дух и поэтому выше закона. Если закон принят, но правде не соответствует, то это несправедливый, негодный закон, нуждающийся в отмене или исправлении.

На чем же основано такое восприятие вещей? Вспомним характерные русские выражения: «поступать по правде», «жить по правде», «судить и рядить по правде». Если в этих выражениях слово «правда» заменить словом «совесть», то смысл не изменится! Следовательно, духовным центром, ядром всех законов и нравственных установок Древней Руси оказывается *совесть*.

С богословской точки зрения, совесть — это глас Божий в душе человека, созданного «по образу и подобию Бога», «закон»

Творца, начертанный на скрижалях сердца человеческого. А если это так, то любая обида, наносимая другому человеку, — это одновременно преступление и против Бога, и против себя. В этом заключен духовный закон жизни.

Крещение Руси и эпоха святого равноапостольного князя Владимира стали ядром обширного былинного цикла, в основании которого лежит и этот духовный закон, и вполне достоверные исторические события. Главными действующими лицами киевских былин явились воины-богатыри, защищающие Святую Русь от посягательств иноверцев. Центральной фигурой этого цикла (да и всего русского эпоса) стал Илья Муромец, мощи которого вплоть до революции лежали нетленно в ближней Антониевой пещере Киево-Печерской лавры.

Среди множества былин, посвященных подвигам Ильи, абсолютное большинство имеет самое непосредственное отношение к защите православия. Да и в самом характере и поведении Муромца, получившего «силушку богатырскую» чудесным образом от «калики перехожего», есть черты странничества и юродства о Христе. У него нет ни постоянного дома, ни хозяйства. Он не связывает себя никакими житейскими попечениями и заботами, презирая богатство и славу, отказываясь от чинов и наград. В одной из былин, недовольный равнодушием князя к своему богатырскому служению, он уходит из дворца, собирает по всему Киеву «голи кабацкие», сшибает стрелами золоченые маковки киевских церквей и на выручку от них поит «зеленым вином» собранную им по кабакам толпу.

В сюжете об исцелении преподобного Ильи Муромца несомненно присутствует мотив преемственной передачи благодатного дарования — «харизмы». Дар получен для служения «Святой Руси» и народу «святорусскому», для сохранения в стране православной государственности и чистой веры. И если в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона особенно отчетливо отражено начинающееся сознание православной соборности как народного русского качества, то в былинах об Илье Муромце отражается начавшееся осмысление второго драгоценного качества народа «святорусского» — его державности.

Все это говорит о том, что богатырство на Руси являло особый вид церковного служения, необходимость которого диктовалась заботой о защите веры. Вспомним события, предшествовавшие Куликовской битве в 1380 году. Святой благоверный князь Дмитрий Донской приехал в Троицкий монастырь за благословением преподобного Сергия Радонежского. Великий старец не только благословил князя на битву за Святую Русь, не только пророчествовал победу, но сделал, казалось бы, невозможное для монаха. Кроткий подвижник послал на бой двух смиренных иноков, Пересвета и Ослябю, «за послушание» отправив их с великим князем на Куликово поле. Именно Пересвет, монах-воин, и был богатырем, сразившимся перед началом битвы с татарским великаном Темир-Мурзою.

Но нам важны не только исторические параллели былинных событий. Важно, что былины отразили истинно народный взгляд на вероисповедный характер русской национальности и государственности. Мысль о неразделимости понятий «русский» и «православный» стала достоянием народного сознания и нашла свое отражение в действиях былинных героев. И не только Ильи Муромца, но и Добрыни Никитича, Алеши Поповича, новгородцев Садко и Васьки Буслаева, каждый из которых имел своих реальных прототипов. Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что былины являются яркими и достоверными свидетельствами добровольного и безоговорочного воцерковления русской души, что было особенно важно в канун серьезнейших испытаний, которые вскоре обрушились на Русь.

МЕЖ МОНГОЛАМИ И ЛАТИНАМИ

Впервые Русская земля услышала о татаро-монголах в 1223 году. Казалось, предчувствуя что-то страшное, сама природа исполняла слова древнего пророка. Летом сделалась необыкновенная засуха, горели леса и болота, а за дымом меркло солнце, и птицы падали на землю под ноги изумленным, напуганным людям. На западе появилась комета небывалой величины с хвостом в форме копья, обращенного на юго-восток.

В этом году из глубин Средней Азии на Русь накатила первая волна этого страшного движения народов, которое, сокрушив разрозненные русские княжества, на полтора столетия ввергло Россию в бездну государственного унижения.

В 1206 году на великом курултае племен далекой Монголии хан Темучин был провозглашен Чингисханом — Великим ханом всей монгольской степи. А в следующие два года его огромное войско покорило уйгуров, бурят и киргизов. В 1211 году он вторгся в пределы Северного Китая и к 1215 году захватил значительную часть империи Цзинь. Столица Пекин и десятки других городов были разрушены и сожжены.

В 1219 году 150-тысячная орда ворвалась во владения хорезм-шаха Мухаммеда. Под яростным натиском монголов пали крепости Отрар, Ургенч, Бухара, Самарканд, а затем и сам Хорезм. Войска Чингисхана вторглись в Делийский султанат и достигли реки Инд. Одновременно 30-тысячный корпус татаро-монгольского войска двинулся на запад и, обогнув с юга Каспийское море, опустошил Грузию и Азербайджан, проникнув к 1222 году на Северный Кавказ. В 1223 году на реке Калке впервые встретились в бою с татарами русские войска.

В изумлении, с тревогой гадали русичи: кто эти свирепые пришельцы, не слыханные никогда ранее? «Из-за грехов наших

пришли народы неизвестные, безбожные, — записал летописец, — о которых никто не знает: кто они и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры».

Южнорусские князья на совете решили встретить противника в степях совместно с половецкими отрядами. Но лучше бы они этого не делали. Бегство половцев погубило союзников. После страшной сечи татары погналы отступившие в беспорядке русские дружины, завладели укрепленным станом, умертвили всех пленных, а трех князей задушили под досками, на которых устроили праздничный пир в честь победы.

Татары шли за остатками русского войска до самого Днепра, истребляя все на своем пути. Южная Русь замерла в ожидании невиданного погрома. Народ молился в храмах с воплями отчаяния. Но не исполнились еще сроки, положенные Богом для мирного вразумления России: татары вдруг повернули на восток и ушли обратно в Среднюю Азию.

В 1227 году умер Чингисхан, одно имя которого наводило ужас на пространстве от Амура до Каспия. Новый этап татарских завоеваний начался осенью 1236 года, когда 150 тысяч всадников разгромили Волжскую Булгарию. В конце 1237 года хан Батый напал на Северо-Восточную Русь. 21 декабря в результате шестидесятидневного штурма была взята и полностью разрушена Рязань. Затем орда захватила и разрушила Коломну, Москву, Владимир, Суздаль. 4 марта 1238 года потерпело поражение объединенное войско владими́ро-суздальских князей. Не дойдя до Новгорода 100 километров, татары вернулись в приволжские степи.

В 1239 году Батый обрушился на Южную Русь. В результате двухлетней ожесточенной борьбы он взял и разграбил Переяславль, Чернигов, Киев, Владимир-Волынский и другие южнорусские города. Русь была повержена окончательно. На огромных пространствах от Новгорода до Галича дымились груды развалин да лежали неубранными тела русских ратников и крестьян, отмечая места наиболее яростных стычек завоевателей с мирными жителями.

Весной 1241 года монголо-татарское войско двинулось в глубь Европы. Блеск татарской сабли уже несколько лет приводил в

ужас западноевропейских государей. В конце года, сосредоточив свои войска в Венгрии, Батый направился к Адриатическому морю. Но овладеть побережьем орде, изрядно потрепанной в боях на Русской земле, не удалось. Вскоре монголы отступили через Боснию, Сербию и Болгарию обратно на восток, в низовья Волги. Западная Европа была спасена. Нашествие захлебнулось русской кровью.

В 1243 году Батый основал на захваченных землях новое государство — Золотую Орду, простиравшуюся от Иртыша до Дуная, со столицей Сарай-Бату в низовьях Волги. Русские князья были превращены в данников хана, ограниченных в своей военной, экономической и государственной самостоятельности. Налоги и подати тяжким грузом легли на плечи крестьян. «У кого денег нет — у того дитя возьмет, у кого дитя нет — у того жену возьмет, у кого жены нет — сам головой пойдет», — скорбел народ о всевластии ханских баскаков.

Не менее унижительной и тягостной для русских князей стала процедура получения ханского ярлыка на княжение. Кроме того, русские князья по приказу хана обязаны были присылать войска для участия в походах татар. К тому же покорность завоеванных областей поддерживалась постоянными опустошительными набегами завоевателей, предпринимавшимися с целью устрашения и грабежа.

Посреди такого сокрушительного бедствия, охватившего всю страну, лишь одна сторона русской жизни, по воле Божией, уцелела от разгрома. Непоколебимо устояла Православная церковь. Монголы вообще были достаточно веротерпимы. Народы, составлявшие основу их войска, исповедовали самые разные религии. В Орде свободно отправлялись всякие богослужения, и сами ханы присутствовали при совершении и христианских, и мусульманских, и буддистских, и иных обрядов.

В 1267 году митрополит Кирилл сумел получить от хана Менгу-Темира ярлык в пользу Церкви, в котором тот освобождал духовенство от дани и других поборов. Этим же указом хан под страхом казни воспрещал надругательство над православием. «Кто будет хулить веру русских, — сказано в ярлыке, — или ругаться над нею, тот ничем не извинится, а умрет злою смертью». Более

того, с позволения хана Кирилл основал в самом Сарае православную епархию.

Сто лет спустя другой знаменитый святитель — святой митрополит Алексий — еще более укрепил влияние Церкви в Сарае, вылечив христианской молитвой жену хана Чанибека. Прозревшая и благодарная Тайгула выкупила и подарила святителю участок земли в Москве, на котором в память об этом чуде основана была обитель, получившая название Чудова монастыря.

Народ русский воспринял татарское иго как наказание за грехи и страсти, как вразумление Божие, направленное на то, чтобы, видя в Церкви единую опору, Русь, хотя бы поневоле, отступила от бесконечных усобиц, поняв свое высокое предназначение.

Подвиг терпения — подвиг по преимуществу русский. Русь молилась, каялась, терпела и ждала, когда благоугодно будет Богу изъять народ из пучины унижения, даровать ему вождей отважных и искусных, возродить страну, для предстоящего ей славного христианского служения.

И вот что характерно: каждый раз, когда Россия переживала смутные и тяжкие времена, рука Ватикана протягивалась для осуществления заветной мечты: подчинить Восточную церковь папе, повергнув в прах русскую православную государственность. Не брезговал Рим и антирусскими интригами при дворе Батыея. Когда же провалились попытки вновь натравить на Русь татар, папа, ничтоже сумняшеся, предложил в 1248 году святому Александру Невскому помощь западных народов против хана. Но с условием, конечно, что князь признает главенство Ватикана.

И вот так постоянно то ложью, то лестью и насилием Рим пытался искоренить православие на Руси. Ибо оно стало в глазах латинян рассматриваться чуть ли не как главный враг. Во врагах оказалась и Русь, не имевшая к Западной Европе ни политических, ни территориальных, ни каких-либо иных претензий.

В XII и XIII веках вся Западная Европа превращается в огромный вооруженный лагерь, высылающий на Восток многочисленные армии крестоносцев. Первоначально они двинулись против арабов и турок с целью освобождения Святой Земли и Иерусалима. Когда же выяснилась вся трудность этой задачи, то

движение крестоносцев перенацелилось против православного Востока.

Огнем и мечом утверждая владычество папы в православных землях, крестоносцы не останавливались ни перед чем. На острове Кипр латинские прелаты жгли православных на кострах, распинали на крестах священников, не желавших поступиться совестью и покориться папе. Ужасны были неистовства латинян при взятии в 1204 году Константинополя: православных греков избивали, не разбирая ни звания, ни пола, ни возраста. Грабили имущество, оскверняли храмы — в Софийском соборе пьяная солдатня пировала с блудницами, плясала в священных одеждах, кощунствовала и ругалась над святынями.

Вслед за покорением Византии та же участь готовилась и для Руси. Еще в 1147 году папа Евгений III благословил «первый крестовый поход германцев против славян». С IX века, со времен Карла Великого, германские племена непрерывно теснили славян к востоку. В начале XIII века католическая агрессия усиливается. Папский престол занимал к тому времени Иннокентий III, один из самых могущественных римских первосвященников за всю историю Римской кафедры. Распоряжаясь по своему произволу царскими венцами почти по всей Европе, он с полным правом мог считать себя верховным владыкой Запада. Утвердив после падения Константинополя свою власть на православном Востоке, папа в случае победы над Россией становился полновластным хозяином всего христианского мира.

В 1204 году он отправил торжественное посольство к знаменитому из тогдашних русских князей Роману Галицкому. В награду за вероотступничество папа предлагал королевский венец и военную помощь против врагов. Князь Роман, соединявший в себе, по выражению летописца, «мудрость Соломонову, дерзость львиную, быстроту орлиную, ревность Мономахову», обнажив перед послами меч, спросил: «Такой ли у папы? Доколе ношу его при бедре, не нуждаюся в чужом мече, по примеру дедов моих, возвеличивших землю Русскую».

Через три года, все еще надеясь соблазнить или обольстить Русь, папа отправляет новое посольство ко всем русским архиепископам, священникам и народу. Однако все увещевания остались

тщетными. Православие оставалось непоколебимым. Тогда, по мановению Рима, на границах Руси явились многочисленные полчища монахов-рыцарей, готовых бороться за власть папы. Борьба приближалась к решающему моменту. Истощенная татарским нашествием Россия оказалась на волосок от гибели.

Ангелом-хранителем явился для Руси в середине XIII столетия Александр Невский. Обстоятельства, в которых ему пришлось княжить, требовали незаурядных способностей и качеств по слову Писания: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби».

Труднейший подвиг выпал на долю святого Александра: для спасения России он должен был одновременно явить доблесть воителя и смиренного инока. Подвиг брани предстоял князю на берегах Невы и на льду Чудского озера. Святыня русского православия требовала защиты от латинского поругания. А подвиг смирения ожидал святого Александра в его отношениях с надменной и пресыщенной победами Ордой.

«Не бойтесь убивающих тело, — провозглашает Слово Божие, — бойтесь того, кто может и тело, и душу погубить в геенне». Душа России жила и дышала православием. Монгольское рабство не грозило ей, неся смерть лишь государственному телу раздробленной удельной Руси. Смертельным повреждением угрожало русской жизни еретичествующее латинство. Благоверный князь знал это, и потому делом его жизни стала забота о сохранении мира с Ордой, под прикрытием которого он мог бы все силы бросить на отражение агрессии Рима. Исполняя призыв католического первосвященника Григория IX, в 1240 году шведский король отправил в русские земли многочисленное войско под командованием своего зятя — ярла Биргера. Тот послал сказать святому Александру: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться. Я уже здесь и пленяю землю твою». При войске состояли священники, предназначенные для «крещения» русских «дикарей». Летом шведские отряды на ладьях вошли в Неву, к устью Ижоры, и стали станом. Святой Александр вышел навстречу с малой дружиной, но с твердой надеждой на Бога. Битве предшествовало чудесное видение, бывшее ижорцу Пелгусию. Тот созерцал ладью с гребцами, овеванными мглой, и двух лучезарных витязей, стоявших, обнявшись, в этой ладье. Это были святые

князя-страстотерпцы Борис и Глеб. «Брате Глебе, — сказал Борис, — вели грести, да поможем мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!»

Шведы не ожидали близкого отпора, и победа русских была полной и решительной. Лишь наступившая ночь спасла пришельцев от полного разгрома.

Однако охотники расширить свои владения за счет русских земель не переводились. Папы всеми силами старались ускорить завоевание Прибалтийского края. В промежуток между 1216 и 1240 годами можно насчитать до сорока папских посланий, выражающих большую заботливость о тех, кто шел с мечом на Русь. В 1240 году немцы изменой взяли Псков, но святой Александр освободил город внезапным походом. Немецкие наместники были закованы в цепи и отправлены в Новгород. Весть об этом поразила ливонских немцев, и в поход выступили главные силы ордена. Их-то и разбил Александр Невский в знаменитой битве, состоявшейся на льду Чудского озера и получившей название Ледового побоища.

Этой победой был положен конец притязаниям крестоносцев, что, однако, не означало прекращения многолетней вражды. За год до своей кончины святой князь опять воевал против Запада.

ДЕРЖАВНАЯ ЮНОСТЬ РОССИИ

К концу XII века Киев утратил значение общерусского центра. Южная Русь надолго увяла, завещав Северной, Верхневолжской продолжить дело державного строительства. Постепенно прекратилась и «владельческая» передвижка князей, заставлявшая их смотреть на свой удел как на временное пристанище, не требующее особой заботы. Князь стал наследственным владельцем — хозяином и строителем. Он осознал свою связь с народом и ответственность за него.

Усыпляя татар безусловной покорностью и данью, князья не упускали из виду и забот по организации народных сил — стремление вернуть былую независимость росло и крепло. Необходим был могучий подъем народного духа, но еще не появился на Руси единодержавный властелин, способный объединить усилия всего общества.

Трудности, стоявшие на пути обретения Русью государственного единства, казались непреодолимыми. Кто мог заставить удельных князей отказаться от своих прав и сделаться пусть высшим, но подчиненным сословием? Кто мог заставить города и волости слиться в одно политическое тело? Кто мог принудить простой народ нести тяжкие жертвы во имя грядущего и не всем понятно го блага государственного единства?

Этой силой стала Православная церковь. Тягостное иноверческое иго обратилось в школу религиозно-исторического воспитания, выйдя из которой, народ обогатился твердым пониманием своего вселенского призвания и державного долга. Под игом монголов Русь постепенно стала собирать силы, центром которых явилась Москва. «Великий во святителях» святой митрополит Петр положил прочное основание будущего величия этого города, перенеся туда первосвятительский престол из Владимира.

Помимо соображений церковного управления, его влекла в Москву любовь к Иоанну Даниловичу Калите — князю, известному своим миролюбием, набожностью, щедростью к бедным. (Свое прозвище «Калита», что значит «кошель», он приобрел потому, что всегда носил с собой кошелек, из которого подавал богатую милостыню.)

«Если послушаешься меня, сын мой, — говорил святой старец князю, убеждая его в особой роли Москвы для будущего России, — то и сам прославишься с родом своим паче иных князей, и град твой будет славен пред всеми градами русскими, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плещи врагов его, и прославит Себя Бог в нем».

Именно превращение Москвы в центр русского православия определило ее судьбу, до того ничем не отличавшуюся от судьбы других русских городов. Москва впервые упоминается в летописях под 1147 годом как пограничный пункт между Суздальской и Чернигово-Северской областями. Сюда Юрий Долгорукий пригласил на переговоры новгород-северского князя Святослава Ольговича, послав сказать ему: «Приди ко мне, брате, в Москву». Москва эта была столь крохотной деревушкой, что когда на ее месте в 1156 году Юрий решил построить городок, летопись отмечает это как рождение Москвы — князь «заложил град». И лишь в конце XIII столетия Москва становится самостоятельным маленьким княжеством, родоначальником династии которого явился младший сын благоверного князя Александра Невского — святой Даниил. Так преемственно от одного благоверного князя к другому передано было и святое дело собирания Руси.

С начала XIV века город начал быстро расти. Этому росту — разумной и осторожной политикой — положил основание Иван Калита, а далее «калитно племя» в союзе с Церковью, митрополитий престол которой утверждается с 1325 года в Москве, продолжает дело.

Начиная со святого Дмитрия Донского, князья окончательно усвоили взгляд на себя как на общеземских защитников православия. Он ясно проявился в решимости князя перед лицом Мамаева нашествия. Почему Дмитрий, как и все московские князья, любивший мир и тишину, решился все же в сентябре 1380 года

на одно из кровопролитнейших в истории сражений? Все современники согласно утверждают — потому, что чувствовал себя защитником веры. Его вдохновляло «мужество и желание за землю Русскую и за веру христианскую» вступить, — свидетельствует автор «Задонщины», повести о Куликовской битве, написанной через считанные дни после нее.

Кроме того, московский князь был хорошо осведомлен о начавшемся ослаблении Орды. Смуты и разделения в ней внушали смелость не обращать уже большого внимания на ханские ярлыки.

«Есть любопытное известие, — сообщает в своей «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев, — будто советники Мамай говорили ему: «Орда твоя оскудела, сила твоя изнемогла. Но у тебя много богатства, пошли нанять генуэзцев, черкес, ясов и другие народы». Мамай послушался этого совета, и когда собралось к нему множество войска со всех сторон, то летом 1380 года он перебрался за Волгу и стал кочевать при устье реки Воронеж. Ягайло литовский вступил в союз с Мамаем и обещал соединиться с ним 1 сентября. Узнав об этом, князь Дмитрий стал немедленно собирать войска — послал за полками к князьям подручным — ростовским, ярославским, белозерским. Есть известие, что и князь тверской прислал войско во главе с племянником своим Иваном Всеволодовичем. Не соединился с Москвою лишь князь рязанский Олег, княжество которого еще совсем недавно подверглось страшному опустошению со стороны татар.

Дмитрий назначил всем полкам собираться 15 августа, отправив наперед сторожей в степь, чтобы знать о движении войск Мамайя. Оставя в Москве при жене и детях воеводу Федора Андреевича, князь выехал в Коломну, где собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси, — 150 000 человек! Весть о сильном вооружении русских, должно быть, достигла Мамайя, и он попытался было дело кончить миром. Послы его явились в Коломну с требованием дани, какую великие князья платили прежде, но Дмитрий отверг это требование.

20 августа великий князь выступил из Коломны и, пройдя границы своего княжества, стал на Оке, осведомляясь о движении неприятеля. За неделю до Семенова дня (1 сентября) русские

войска перешли через Оку и 6 сентября достигли Дона. Тут приспела грамота от преподобного игумена Сергия, благословение от святого старца идти на татар. 7 сентября войско начало переправляться за Дон. Утром на другой день на солнечном восходе был густой туман, и когда в третьем часу просветлело, то русские полки уже устроились при устье Непрядвы. Часу в двенадцатом стали показываться татары. Они спускались с холма на широкое поле Куликово. Русские также сошли с холма, и передовые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси. Летописи сообщают, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст. Лошади не могли ступать по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала, как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли свежие русские полки под начальством серпуховского князя Владимира Андреевича, двоюродного брата князя Дмитрия, и московского воеводы Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка. Появление свежих сил на стороне русских решило участь битвы. Мамай, стоявший на холме с пятью своими знатнейшими князьями, увидел, что победа склонилась на сторону русских, и обратился в бегство.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич велел трубить в трубы. Все оставшиеся в живых ратники собрались на эти звуки, но среди них не было великого князя Дмитрия. Но вскоре и он был найден едва дышащий. Панцирь его весь был избит, но на теле не было ни одной смертельной раны.

Разгром полчищ Мамай положил начало освобождению страны от ненавистного татаро-монгольского ига, длившегося более чем полтора столетия. И Русь, словно весенняя река, набравшая силу, двинулась вперед, решив сбросить с себя опостылевший ей ледяной панцирь. До настоящего половодья с его мощным, радостным и всеокрушающим движением оставалось уже совсем немного.

ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» — это евангельское изречение, пожалуй, точнее всего передает суть многовекового спора, который ведется вокруг событий царствования Иоанна Грозного. С «легкой» руки Карамзина и его «Истории государства Российского» даже самые консервативные историки-монархисты считали своим долгом отдать дань русофобской риторике, говоря о «дикости», «свирепости», «невежестве», «терроре» как о само собой разумеющихся чертах эпохи. И все же правда рвалась наружу. Свет беспристрастности время от времени вспыхивал среди тьмы предвзятости, разрушая устоявшиеся антирусские и антиправославные стереотипы.

Решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений «исторической науки» оказали свидетельства иностранцев. Это с их слов русские историки воспроизводили затем в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми обливали Россию заграничные «гости», не делая ни малейших попыток объективно и непредвзято разобраться в том, где добросовестные свидетельства очевидцев превращаются в целенаправленную и сознательную ложь по религиозным, политическим или иным мотивам. Чего стоит одно лишь заявление Карамзина о том, что во время пожара Москвы, подожженной воинами Девлет-Гирея в ходе его набега в 1571 году, «людей погибло невероятное множество... около осьмисот тысяч», да еще около ста тысяч пленников хан увел с собой. Эти утверждения не выдерживают никакой критики — во всей Москве тогда не нашлось бы и половины «сгоревших», а число пленных Девлет-Гирея вызывает ассоциации со Сталинградской операцией в годы Великой Отечественной войны.

Столь же сомнительно выглядят сообщения о «семи женах» царя и его необузданном сладострастии, обрастающие, в зависимости от фантазии обвинителей, самыми невероятными подробностями.

Один из наиболее известных иностранцев, писавших о России времен Иоанна IV, — монах-иезуит Антоний Поссевин. Он же — один из авторов мифа о «сыноубийстве», то есть об убийстве царем своего старшего сына. Будучи посланцем папы Григория XIII, Поссевин надеялся с помощью иезуитов добиться уступок от царя в деле подчинения Русской церкви папскому престолу. «Но эти надежды и старания, — пишет известный историк М. В. Толстой, — не увенчались успехом. Иоанн оказал всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразумие, отринув домогательства о позволении строить на Руси латинские храмы, отклонил все споры о вере и не увлекся мечтательными обещаниями приобретения... всей империи Византийской, утраченной греками будто бы за отступление от Рима».

Провал миссии сделал Поссевина личным врагом царя. К этому можно добавить и то, что происки Рима в отношении России имеют многовековую историю, что само слово «иезуит» из-за бессовестности и беспринципности членов ордена уже давно делалось у нас резко отрицательным. К тому же посланец папы приехал в Москву в 1581 году, через несколько месяцев после смерти царевича, и ни при каких условиях не мог быть свидетелем происшедшего.

Нелепость версии (будто царь рассердился на свою невестку, жену царевича, и во время вспыхнувшей ссоры убил его) была так очевидна, что потребовалось найти более «достоверный» повод и «мотив убийства». Так появилась сказка о том, что царевич возглавил политическую оппозицию курсу отца и был убит по подозрению в причастности к боярскому заговору. Обе эти версии совершенно голословны и бездоказательны. Во всей массе дошедших до нас документов и актов, относящихся к тому времени, невозможно найти даже намека на это.

А вот предположения о естественной смерти царевича Ивана имеют под собой документальную основу. Еще в 1570 году болезненный и благочестивый царевич, благоговейно страшась тягот

предстоящего ему царского служения, пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь огромный по тем временам вклад — тысячу рублей. Предпочитая мирской славе монашеский подвиг, он сопроводил вклад условием, чтобы «ино похочет постричься, царевича князя Ивана постригли за тот вклад, а если, по грехам, царевича не станет, то и поминати».

Косвенно свидетельствует о смерти Ивана от болезни и то, что в «доработанной» версии о сыноубийстве смерть его последовала не мгновенно после «рокового удара», а через четыре дня, в Александровской слободе. Эти четыре дня, скорее всего, время предсмертной болезни царевича.

В последние годы жизни он все дальше и дальше отходил от многомятежного бурления мирской суеты. Впрочем, это не мешало ему заниматься государственными делами, воспринимавшимися как «Божие тягло». Но душа царевича Ивана стремилась к Небу. Документальные свидетельства подтверждают силу и искренность этого стремления. Высота духовной жизни наследника престола была столь очевидна, что после церковного собора духовенство обратилось к нему с просьбой написать канон Антонию Сийскому, которого царевич знал лично. В свете этих фактов недобросовестность версии о «сыноубийстве» и о жестокости царевича («весь в отца») кажется несомненной.

Следующий «свидетель» и современник эпохи, о писаниях которого стоит упомянуть, это — Генрих Штаден, вестфальский искатель приключений, занесенный судьбой в Москву времен Иоанна IV. «Общим смыслом событий и мотивами царя Штаден не интересуется, — замечает советский историк, академик Степан Борисович Веселовский, — да и по собственной необразованности он не был способен их понять... По низменности своей натуры, Штаден меряет все на свой аршин». Однако, как показали последующие события, «аршин» этот был дан ему еще при засылке в Россию, где он очутился совсем не случайно.

В 1576 году, вернувшись в Европу, Штаден засел в эльзасском имении Люцельштейн в Вогезах, принадлежавшем пфальцграфу Георгу Гансу. Там в течение года он составил свои записки о России, состоявшие из четырех частей: «Описание страны и управления московитов», «Проект завоевания Руси», Автобиоог-

рафия и Обращение к императору Священной Римской империи. В записках, в частности, говорилось: «Ваше римско-кесарское величество должны назначить одного из братьев Вашего величества в качестве государя, который взял бы эту страну (Россию. — *Прим. ред.*) и управлял бы ею. Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей...» Далее вражеский стратег дает подробный план захвата и оккупации Руси при движении на Москву с севера: «Отправляйся дальше и грабь Александровскую слободу, заняв ее отрядом в 2000 человек. За ней грабь Троицкий монастырь». Затем, по его мнению, окруженная «Москва может быть взята без единого выстрела». Чтобы закрепить победу и лишить русских людей традиционного харизматического руководства, царя Иоанна «вместе с сыновьями, связанных как пленников, необходимо увезти» подальше от родной земли.

Не правда ли, у гитлеровских создателей плана «Барбаросса» были весьма достойные предшественники? Впрочем, призыв «дранг нах Остен» традиционно грел сердца германских венценосцев и католических прелатов. Странно лишь то, что «творческое наследие» таких людей, как Генрих Штаден, может всерьез восприниматься в качестве свидетельства о нравах и жизни русского народа и его царя.

Русское государство в те годы вело изнурительную войну за возвращение славянских земель в Прибалтике, и время было самое подходящее, чтобы убедить европейских государей вступить в антимосковскую коалицию. Штаден, вероятно, имел задание на месте разобраться с внутривосточной ситуацией в Москве и определить реальные возможности и перспективы антирусского политического союза.

Само собой разумеется, его записки кишат «свидетельствами» об «умерщвлениях и убийствах», «грабежах великого князя», «опричных истязательствах» и тому подобными нелепостями. Причем Штаден не постеснялся и себя самого объявить опричником и чуть ли не правой рукой царя Иоанна.

О недобросовестности иностранных «свидетелей» можно говорить долго. Желание показать эпоху в наиболее мрачном свете превозмогло даже доводы здравого смысла, не говоря о полном

забвении той церковно-православной точки зрения, с которой лишь и можно понять в русской истории хоть что-нибудь. Стоит встать на нее, как отпадает необходимость в искусственных выводах и надуманных построениях. И тогда не придется вслед за Карамзиным гадать: что вдруг заставило молодого добродетельного царя стать «тираном». Современные историки обходят этот вопрос стороной, ибо нелепость деления царской биографии на два противоположных по нравственному содержанию периода — добродетельный (до 30 лет) и «кровожадный» — очевидна, но предложить что-либо иное не могут. А между тем это так просто. Не было никаких «периодов», как не было и «тирана на троне». Был первый русский царь, строивший, как и его многочисленные предки, Русь — Дом Пресвятой Богородицы и считавший себя в этом доме не хозяином, а первым слугой.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

Фигура царя Иоанна IV Васильевича Грозного (1530—1584) и эпоха его царствования как бы венчают собой период становления русского религиозного самосознания. Именно к этому времени окончательно сложились и оформились взгляды русского народа на самого себя, на свою роль в истории, на цель и смысл существования, на государственные формы народного бытия.

Царствование Иоанна IV протекало бурно. Со всей возможной выразительностью ее течение обнажило особенности русской истории, состоящей в том, что ее ход имеет в основе не «баланс интересов» различных сословий, классов, групп, а понимание общего дела, религиозного долга и всенародного служения Родине.

Началось царствование *смутой*. Будущий «грозный царь» вступил на престол, будучи трех лет от роду. Реальной властительницей Руси стала его мать — Елена, «чужеземка литовского, ненавистного рода». Ее четырехлетнее правление было ознаменовано развратом и жестокостью, не столько личными, сколько простиравшимися из нравов и интриг ближайших бояр — бывших удельных князей и их приближенных.

По старой удельной привычке каждый из них «тянул на себя», ставя личные интересы власти и выгоды выше общенародных и государственных нужд. Численно эта беспринципная прослойка была ничтожна, но после смерти Елены, лишившись последнего сдерживающего начала, ее представители учинили между собой в борьбе за власть погром, совершенно расстроивший управление страной. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре, по словам Ключевского, «повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных фамильных счетов, а не за какой-нибудь государственный порядок».

В 1547 году сторела Москва. Пожар и последовавший за ним мятеж потрясли юного Иоанна. В бедствиях, обрушившихся на Россию, он увидел мановение десницы Божией, карающей страну и народ за его, царя, грехи и неисправности. Пожар почти совпал по времени с венчанием Иоанна на царство. Церковное таинство миропомазания открыло юному монарху глубину мистической связи царя с народом и связанную с этим величину его религиозной ответственности. Иоанн осознал себя «игуменом всея Руси». И это осознание с того момента руководило всеми его личными поступками и государственными начинаниями до самой кончины.

Чтобы понять впечатление, произведенное на царя помазанием его на царство, надо несколько слов сказать о происхождении и смысле чина коронации, который известен с древнейших времен. Первое литературное упоминание о нем дошло до нас из IV века, со времени императора Феодосия Великого. Божественное происхождение царской власти не вызывало тогда сомнений. Это воззрение на власть подкреплялось у византийских императоров и мнением о Божественном происхождении самих знаков царственного достоинства. Константин VII Порфирогенит (913—959) пишет в наставлениях своему сыну: «Если когда-нибудь хазары, или турки, или росы, или какой-нибудь другой из северных и скифских народов потребует в знак рабства и подчиненности присылки ему царских инсигний: венцов или одежд, то должно знать, что эти одежды и венцы не людьми изготовлены и не человеческим искусством измышлены и сделаны, но в тайных книгах древней истории написано, что Бог, поставив Константина Великого первым христианским царем, через ангела Своего послал ему эти одежды и венцы».

Исповедание веры составляло неперемнное требование чина коронации. Император сначала торжественно возглашал его в церкви и затем, написанное, за собственноручной подписью, передавал патриарху. Оно содержало Православный Никео-Царьградский Символ Веры и обещание хранить апостольское предание и установления Церковных соборов.

Богу было угодно устроить так, что преемниками византийских императоров стали русские великие князья, а затем цари.

Первые царские инсигнии получил Владимир Святой «мужества ради своего и благочестия». Сам Иван Грозный полностью разделял этот взгляд на преемственность Русского царства. Он писал о себе: «Государь наш зоветца царем потому: прародитель его великий князь Владимир Святославович, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческий и патриарх венчали его на царство, и он писался царем».

Чин венчания Иоанна IV на царство не сильно отличался от того, как венчались его предшественники. И все же воцарение Грозного стало переломным моментом. *Соборность народа* и *его державность* слились воедино, воплотившись в личности Русского Православного Царя.

Дело в том, что Грозный стал первым русским государем, при венчании которого на царство над ним было совершено церковное Таинство Миропомазания. Приняв на себя груз ответственности за народ и державу, юный царь с ревностью приступил к делам государственного, общественного и церковного устроения. «Мятежное господство бояр, — писал Карамзин, — рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы, созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился Святых Тайн. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя перед лицом России. Он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных всякого чина или состояния для важного дела государственного. Они собрались — и в день воскресный, после обедни, царь вышел из Кремля с духовенством, с крестами, с боярами, с дружиною воинскою, на Лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к митрополиту и сказал: «Святой владыко! Знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству, будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери, а вельможи не радели обо мне. Хотели быть самовластными. Моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим

и немым, не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали, что хотели, злые крамольники, судии неправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А вы ждите суда небесного!»

Тут государь поклонился на все четыре стороны и продолжал: «Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасти вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет. Оставьте ненависть, вражду. Соединимся все любовию христианскою. Отныне я судия ваш и защитник».

В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на Лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного венценосца жить для ее счастья, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным боярам. Хотел, чтобы митрополит и святители также их простили именем Судии небесного. Хотел, чтобы все россияне братски обнялись между собою, чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока...»

Повелением царским был составлен и введен в действие новый Судебник. Для упорядочения жизни Церкви Иоанн созвал подряд несколько церковных соборов, к которым самолично составил список вопросов, требовавших соборного решения. В делах царя ближайшее участие принимали его любимцы — иерей Сильвестр и Алексей Адашев, ставшие во главе «Избранной рады» — узкого круга царских советников, определявших основы внутренней и внешней политики.

В 1552 году успешно закончился поход против казанских татар. Были освобождены тысячи христианских пленников, взята Казань, обеспечена безопасность восточных рубежей. «Радуйся, благочестивый Самодержец, — прислал гонца Иоанну князь Михаил Воротынский, — Казань наша, царь ее в твоих руках. Народ истреблен, кои в плену. Несметные богатства собраны. Что прикажешь?» «Славить Всевышнего», — ответил Иоанн. Тогда же он обрел прозвище «Грозный» — то есть страшный для иноверцев, врагов и ненавистников России. «Не мочно царю без

грозы быти, — писал современный автор. — Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы».

Счастливое течение событий прервалось в 1553 году тяжелой болезнью молодого царя. Но страшнее телесного недуга оказались душевные раны, нанесенные теми, кому он верил во всем, как себе. У изголовья умирающего бояре спорили между собою, деля власть, не стесняясь того, что законный царь еще жив. Наперсники царские Сильвестр и Адашев, из страха или по зависти, отказались присягать законному наследнику, малолетнему царевичу Дмитрию. В качестве кандидатуры на престол называли двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича.

Россия оказалась на грани нового междоусобного кровопролития. «В каком волнении была душа Иоанна, когда он на пороге смерти увидел непослушание, строптивость в безмолвных дотол подданных, в усердных любимцах, когда он, государь самовластный и венчаный славою, должен был смиренно молить тех, которые оставались ему верными, чтобы они охраняли семейство его, хотя бы в изгнании», — говорит М.В. Толстой. И все же — «Иоанн перенес ужас этих минут, выздоровел и встал с одра... исполненный милости ко всем боярам». Царь всех простил! Царь не помнил зла. Царь посчитал месть чувством недостойным христианина и монарха.

Выздоровление Иоанна, казалось, вернуло силы всей России. В 1556 году русское войско взяло Астрахань, окончательно разрушив надежды татар на восстановление их государственной и военной мощи на востоке. Взоры царя обратились на Запад. Обеспечив мир на восточной границе, он решил вернуть на Западе древние славянские земли, лишив Ватикан плацдарма для военной и духовной агрессии против Руси. Но здесь его поджидало новое разочарование. Измена приближенных во время болезни, как оказалось, вовсе не была досадной случайностью, грехопадением, искупленным искренним раскаянием и переменной в жизни.

«Избранная рада» воспротивилась планам царя. Вопреки здравому смыслу, она настаивала на продолжении войны против татар, на этот раз в Крыму, не желая понимать, что само географическое положение Крыма делало его в те времена неприступной для русских полков крепостью. Сильвестр и Адашев надея-

лись настоять на своем, но царь на этот раз проявил характер. Он порвал с «Избранной радой», отправив Адашева в действующую армию, а Сильвестра — в Кирилло-Белозерский монастырь, и начал войну на Западе, получившую впоследствии название Ливонской.

«И россияне современные, и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, — писал Карамзин, — изображают юного тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных ко славе и счастью государства. Так изъясняются первые: «Обычай Иоанна есть соблюдение себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: «Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целостность порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя его дума».

Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность. Не хочет обыкновенных прохлад царских... Ласковый к вельможам и народу — любя, награждая всех по достоинству — щедростию искореняя бедность, а зло — примером добра, сей Богом урожденный царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» И отвечать с умилением: «Се аз и люди я же дал ми еси Ты!».

Не менее хвалят его и англичане, приезжавшие в Россию для торговли. «Иоанн, — пишут они, — затмил своих предков и могуществом, и добродетелью. Имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив. Любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным. Скажет боярину: «Иди!» — и боярин бежит. Изъявит досаду вельможе — и вельможа в отчаянии — скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока царь не объявит ему прощения.

Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся и любят.

Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит. Не скучает делами и не веселится ни звериною ловлей, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!»

Честно говоря, трудно понять, как после подобных описаний тот же Карамзин мог изобразить дальнейшее царствование Иоанна в виде кровавого безумия, а самого царя рисовать настоящим исчадием ада?

С высылкой предводителей боярской партии интриги не прекратились. В 1560 году при странных обстоятельствах умерла супруга Иоанна — кроткая Анастасия. Возникли серьезные опасения, что царицу отравили, боясь ее влияния на царя, приписывая этому влиянию неблагоприятное (для бывших царских любимцев) развитие событий. Кроме того, смерть царицы должна была по замыслу отравителей положить конец и высокому положению при дворе ее братьев, в которых видели опасных конкурентов в борьбе за власть.

Произведенное дознание показало, что нити заговора тянутся к опальным вельможам — Адашеву и Сильвестру. И снова Иоанн, вопреки очевидности, пощадил жизнь заговорщиков. Сильвестр был сослан на Соловки, а Алексей Адашев взят под стражу в Дерпте, где и умер вскоре естественной смертью от горячки, лишив будущих историков возможности лишней раз позлословить о «терроре» и «жестокости царя».

Позднее Иоанн так описывал эти события: «Ради спасения души моей приблизил я к себе иерея Сильвестра, надеясь, что он по своему сану и разуму будет мне поспешником во благе. Но сей лукавый лицемер, обольстив меня сладкоречием, думал единственно о мирской власти и сдружился с Адашевым, чтобы управлять царством без царя, ими презираемого. Они снова вселили дух своевольтства в бояр, дарили единомышленникам города и волости, сажали, кого хотели в думу. Заняли все места своими угодниками... Царю запрещают ездить по святым обителям, не позволяют карать немцев... К сим беззакониям присоединяется измена. Когда я страдал в тяжелой болезни, они, забыв верность и клятву, в упоении самовластия хотели, помимо сына моего, взять себе иного царя, и не тронутые, не исправленные нашим великодуши-

ем, в жестокости сердец своих чем платили нам за оное? Новыми оскорблениями. Ненавидели, злословили царицу Анастасию и во всем доброхотствовали князю Владимиру Андреевичу. И так удивительно ли, что я решился, наконец, не быть младенцем в летах мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавым попом и неблагодарным слугою Алексием?»

Верный привычке решать дело по возможности миром, царь ограничился ссылкой Сильвестра и Адашева, не тронув более никого из их приверженцев. Надеясь разбудить совесть, он лишь хотел от «всех бояр и знатных людей» клятвы быть верными государю и впредь не измышлять измен. Все присягнули. И что же? Князь Дмитрий Вишневицкий, воевода юга России, бросил ратников и перебежал к Сигизмунду, врагу Иоанна. Не ужившись с литовцами, переметнулся в Молдавию, вмешался там по привычке в интриги вокруг молдавского господаря Стефана, был схвачен и отправлен в Стамбул, где султан казнил его как смутьяна и бунтовщика. Так отплатил князь за доверие своему царю. Да если бы он один!

В 1564 году доверенный друг Иоанна, князь Андрей Курбский, наместник царя в Дерпте, тайно, ночью, оставив жену и девятилетнего сына, ушел к литовцам. Мало того, что он изменил царю — Курбский предал родину, став во главе литовских отрядов в войне с собственным народом.

Удивительное дело: история, развиваясь по спирали, тем не менее то на одном, то на другом своем витке вдруг так замкнет известные лишь ей соединения, что мощной вольтовой дугой вдруг выхватит из темноты и людей, и события, которые с удивительной точностью повторяют то, что уже было когда-то. Меняются лишь имена и эпохи, но суть происходящего так причудливо совпадает, будто кто-то, ведущий по жизни, все дает и дает нам уроки, но мы, посредственные ученики, их очень быстро забываем.

Вот и метания Андрея Курбского, приведшие его к откровенному предательству в дни борьбы россиян с Ливонским орденом, основанным немецкими рыцарями-крестоносцами, так поразительно схожи с изменой сталинского генерала Андрея Власова, перешедшего в стан гитлеровцев в годы Великой Оте-

чественной войны. И тот и другой были доверенными людьми верховных правителей, имели большие чины и награды. И тот и другой в дни мира рядились в тогу защитников Отечества, на деле мечтая лишь о личной власти. Оба предателя, стараясь обелить себя в глазах современников и будущих поколений, претендовали на роль «освободителей народов России». Но удивительно не это — ведь выверты отступников всегда похожи. Удивительно то, что у предателей и в прошлом, и в настоящем находится немало покровителей и лукавых толкователей, перелицовывающих черное в белое, а зло в добро. Были такие защитники и у генерала Власова, и у князя Курбского. Да он и сам, являясь автором многочисленных сочинений, отнюдь не брезговал слухами и подтасовкой фактов. Впрочем, подлость всегда ищет оправдания, стараясь изобразить себя стороной пострадавшей.

Член королевской рады и участник войны с Россией, Курбский не постеснялся написать царю письмо, оправдывая свою измену «смятением горести сердечной» и обвиняя Иоанна в «мучительстве». Но насколько «правдивы» его обвинения, видно хотя бы на примере взаимоотношений царя и святого Германа Казанского. Курбский рассказывает, что Герман был соборно избран митрополитом, но между ним и Иоанном произошел разрыв по поводу опричнины. В беседе с царем святитель якобы обличил царя, и тот двумя днями позже велел его то ли удушить, то ли отравить. На самом деле в современных событиях источниках нет никаких следов избрания Германа на митрополию. Наоборот, 25 июля 1566 года Казанский святитель участвовал в поставлении святого Филиппа митрополитом. А умер он (Герман) 6 ноября 1567 года, благополучно прожив в мире и покое полтора года после своего «удушения».

Клеветой оказывается и утверждение о том, что по указанию царя был раздавлен с помощью какого-то ужасного приспособления преподобный Корнилий Псковский со своим учеником Василианом Муромцевым. На все эти ужасы нет и намек ни в одном из дошедших до нас письменных свидетельств, а в «Повести о начале и основании Печерского монастыря» о смерти преподобного (случившейся, вероятно, в присутствии царя) сказано: «От

тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю вечное жилище». Надо обладать буйной фантазией, чтобы на основании этих слов сделать выводы о «казни» преподобного Иоанном IV.

Мало того, из слов Курбского вытекает, что Корнилий умерщвлен в 1577 году. Надпись же на гробнице о времени смерти его указывает дату — 20 февраля 1570 года. Известно, что в этот самый день святой Корнилий встречал царя во Пскове и был принят им ласково. Но для Курбского действительное положение дел не имело значения. Ему важно было оправдать себя и унижить Иоанна.

Царь ответил изменнику так: «Во Имя Бога Всемогущего, Того, Кем живем и движимся, Кем цари царствуют и сильные глаголют, смиренный христианский ответ бывшему российскому боярину, нашему советнику и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому... Почто, несчастный, губишь душу изменою, спасая брэнное тело бегством? Я читал и разумел твое послание. Яд аспида в устах изменника — слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения, но ты не уехал бы к врагу нашему, если бы не излишно миловали вас, недостойных... Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим «сильных во израиле», их кровью не обагрняем церковью Божиих. Сильные, добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников — и где же щадят их?.. Имею нужду в милости Божией, Пречистые Девы Марии и святых угодников: наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует... Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти Божией? Вот ересь манихейская! Вы думаете, что Господь царствует только на небесах, диавол — во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! Везде Господня держава, и в сей, и в будущей жизни!.. Положи свою грамоту в могилу с собою: сим докажешь, что и последняя искра христианства в тебе угасла: ибо христианин умирает с любовию, с прощением, а не со злобою».

История рассудила, кто прав в этом споре царя со своим бывшим советником. Труды Иоанна Васильевича завершили сложение России — сложение столь прочное, что и девять лет злопо-

лучной Смуты (1605 — 1613), новые измены боярские, походы самозванцев, католическая интервенция и раскол церковный не смогли разрушить его.

Обласканный Сигизмундом Курбский, «предал ему свою честь и душу. Советовал, как губить Россию, убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против своей родины крымского хана». И скоро узнали в Москве, что 70 тысяч литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волхвов с изменником Курбским идут к Полоцку, что хан Девлет-Гирей с 60 тысячами своих воинов вступил в Рязанскую область.

Терпеть далее такое положение вещей было нельзя. Оно грозило не царю — под угрозой оказалось само существование России. После долгих и мучительных колебаний Иоанн Грозный принял единственно возможное для христианина решение: вынести дело на всенародный суд. Царь прекрасно понимал, что заставить человека нести «Божие тягло» силой — нельзя. Можно добиться внешней покорности, но принять на себя «послушание», осмысленное как религиозный долг, человек должен добровольно. Народ русский должен был решить сам: желает ли он быть народом-богоносцем, хранителем Истины и жизни православия — или отказаться от этого служения. Согласен ли народ нести все тяготы, искушения и соблазны, грозящие ему на этом пути? И русский народ ответил царю: «Да!»

В начале зимы 1564 года Иоанн Васильевич покинул Москву в сопровождении верных ему ближних бояр, дворян и приказных людей «выбором из всех городов» с женами и детьми. «Третьего декабря рано явилось на Кремлевской площади множество саней, — рассказывает Карамзин. — В них сносили из дворца золото и серебро, святые иконы, кресты... Духовенство, бояре ждали государя в церкви Успения. Он пришел и велел митрополиту служить обедню. Молился с усердием, принял благословение... Милостиво дал целовать руку своим боярам, чиновникам, купцам. Сел в сани с царицею, с двумя сыновьями...» — и уехал из Москвы.

Поездив по окрестным монастырям, побывав у Троицы, царь к Рождеству остановился в Александровской слободе, 112 верстах от Москвы. Народ ждал, чтобы Иоанн объяснил свое странное

поведение. Царь не заставил себя долго ждать. 3 января нового 1565 года в столицу прискакал гонец Константин Поливанов. Он вез две царские грамоты. В одной из них, врученной послом митрополиту Афанасию, Грозный описывал все измены, мятежи и неурядицы боярского правления, сетовал на невозможность в таких условиях нести служение царя и заключил, что «не хотя многих изменных дел терпети, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь». В другой грамоте, адресованной московскому простонародью, купцам, всем тяглым людям и всенародно читанной на площади, Иоанн объявлял, чтобы русские люди сомнения не держали — царской опалы и гнева на них нет.

Царь не отрекался от престола, сознавая ответственность за народ и страну. Он как бы спрашивал: «Желаєте ли над собой меня, Русского Православного Царя, помазанника Божия, как символ и знак своего избранничества и своего служения? Готовы поклониться под «иго и бремя» Богоустановленной власти, сослужить со мною, отринув личное честолюбие, жажду обогащения, междоусобицы и старые счеы?» Воистину это был один из наиболее драматических моментов русской истории. «Все замерло, — говорит историк Ключевский, — столица мгновенно прервала свои обычные занятия. Лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли...» Странное, на первый взгляд, поведение царя на самом деле было глубоко русским, обращалось к издавна сложившимся отношениям народа и власти. Русский царь не хотел править силой.

Далеко не всегда и не всем правителям России хватало ума и мужества идти на совет к народу. Вспомним хотя бы отречение от престола последнего русского царя Николая Александровича. Столкнувшись с тайным масонским заговором, он растерялся и поддался на обман, и, не задумываясь о дальнейшей судьбе вверенного ему народа и государства, царь подписал трагический для страны документ, заранее подготовленный разрушителями Отечества. Это была недопустимая для Государя слабость, которую он с горечью признавал в последние дни и часы своей жизни.

В отличие от самодержца Иоанна Грозного, пришедшего на совет с народом, Николай II подобного шага, к сожалению, не сделал, как не сделал его и «перестройщик» Михаил Горбачев, разваливший СССР, и ставленник нынешних либералов Борис Ельцин, расстрелявший из танковых орудий в октябре 1993 года законодательную власть. Это была наглядная демонстрация «демократических» преобразований в России по западному образцу.

Но вернемся в Москву 1565 года, когда столица буквально взорвалась народными сходками: «Государь нас оставил, — вопил народ — Мы гибнем. Кто будет нашим защитником в войнах с иноплемениками? Как могут быть овцы без пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от митрополита, чтобы он умилиствовал Иоанна, никого не жалея и ничего не страшась. Все говорили ему одно: «Пусть царь казнит своих лиходеёв: в животе и смерти воля его, но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем. Мы все со своими головами едем за тобою бить челом и плакаться».

То же говорили купцы и мещане, прибавляя: «Пусть царь укажет нам своих изменников — мы сами истребим их!» Митрополит хотел немедленно ехать к царю, но в общем совете положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неопишесом смятении.

Избрали главными послами святителя Новгородского Пимена и Чудовского архимандрита Левкия, но за ними отправились и все другие епископы; все бояре, окольные, дворяне и приказные люди хотели бить челом государю и плакаться.

Народ сделал свой выбор. Осознанно и недвусмысленно он выразил свободное согласие «сослужить с царем в деле Божиим — для созидания России как «Дома Пресвятой Богородицы», как хранильницы и защитницы спасительных истин Церкви». Царь понял это. 2 февраля он торжественно вернулся в Москву и приступил к обустройству страны.

Первым его шагом на этом пути стало учреждение опричнины. Само слово «опричина» вошло в употребление задолго до

Ивана Грозного. Так назывался остаток поместья, достаточный для пропитания вдовы и сирот павшего в бою или умершего на службе воина. Поместье, жаловавшееся великим князем за службу, отходило в казну, опричь (кроме) этого небольшого участка.

Иоанн Грозный назвал опричниной города, земли и даже улицы в Москве, которые должны были быть изъяты из привычной схемы административного управления и переходили под личное и безусловное управление царя, обеспечивая материально «опричников» — корпус царских единомышленников, его сослуживцев в деле созидания такой формы государственного устройства, которая наиболее соответствует его религиозному призванию. Есть свидетельства, что состав опричных земель менялся — часть их со временем возвращалась в «земщину» (то есть к обычной форме управления), из которой, в свою очередь, к «опричнине» присоединялись новые территории и города. Таким образом, возможно, что через сито опричнины со временем должна была пройти вся Россия.

Опричнина стала в руках царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга.

Даже внешний вид Александровской слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было устроено по типу иноческой обители — палаты, кельи, великолепная крестовая церковь. Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный.

Природный народный ум изобрел и достойный символ ревностного служения опричников: они ездили всегда с собачьими головами и метлами, привязанными к седлам в ознаменование того, что грызут лиходеёв царских и метут Россию.

Учреждение опричнины стало переломным моментом царствования Иоанна IV. Опричные полки сыграли заметную роль и в отражении набегов Девлет-Гирея в 1571 и 1572 годах. Двумя годами раньше с помощью опричников были раскрыты и обезв-

режены заговоры в Новгороде и Пскове, ставившие своей целью отход от России под власть Литвы и питавшиеся, вероятно, ересью «жидовствующих», которая пережила все гонения.

В 1575 году, как бы подчеркивая, что он является царем «верных», а остальным «земским» еще надлежит стать таковыми, пройдя через опричное служение, Иоанн поставил во главе земской части России крещеного татарина — касимовского царя Семена Бекбулатовича. Каких только предположений не высказывали историки, пытаясь разгадать это «загадочное» поставление! Каких только мотивов не приписывали царю! Перебрали все: политическое коварство, придворную интригу, наконец, просто «прихоть тирана»... Не додумались лишь до самого простого — до того, что Семен Бекбулатович действительно управлял земщиной, пока царь «доводил до ума» устройство опричных областей.

Был в этом «разделении полномочий» и особый мистический смысл. Даруя Семену титул «великого князя всея Руси», а себя именуя московским князем, Иван Васильевич обличал тем самым ничтожество земных титулов.

Так царствование Грозного царя клонилось к завершению. Неудачи Ливонской войны, лишившие Россию отвоеванных ранее в Прибалтике земель, компенсировались присоединением бескрайних просторов Сибири в 1579—1584 годах. Дело жизни царя было сделано — Россия окончательно и бесповоротно встала на путь служения, очищенная и обновленная опричниной. В Новгороде и Пскове были искоренены рецидивы жидовствования. Церковь обустроена, народ воцерковлен, долг избранничества — осознан.

В 1584 году царь мирно почил, пророчески предсказав свою смерть. В последние часы земной жизни сбылось его давнее желание — митрополит Дионисий постриг государя, и уже не Грозный царь Иоанн, а смиренный инок Иона предстал перед Всевышним Судией, служению Которому посвятил он свою бурную и нелегкую жизнь.

ИГУМЕН ВСЕЯ РУСИ

Вряд ли можно до конца понять течение русской истории, не разгадав личности Ивана Грозного. Историки давно сошлись во мнении, что он был самым даровитым и образованным человеком своего времени. «Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна... есть для ума загадка», — сетует Карамзин, готовый «усомниться в истине самых достоверных о нем известий»... Ключевский пишет о царе: «От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский московский ум».

Характеристики можно множить, они будут совпадать или противоречить друг другу, вызывая одно неизменное чувство неудовлетворения, недосказанности, неясности. Высокий дух и «воцерковленное» мироощущение царя оказалось не по зубам осуетившимся историкам, плотной завесой тайны окутав внутреннюю жизнь Иоанна IV от нескромных и предвзятых взглядов.

Духовная проказа рационализма, лишая веры, лишает и способности понимать тех, для кого вера есть жизнь. Окаменевшие неверием сердца повлекли за собой слепоту духовную, лишив историков возможности увидеть сквозь туман наветов и клевет настоящего Иоанна, услышать его искренний, полный горячей веры голос.

Мягкий и незлобивый по природе, царь страдал и мучился, вынужденный применять суровые меры. В этом он удивительно напоминает своего венценосного предка — святого благоверного Владимира равноапостольного, отказавшегося было карать преступников, боясь погрешить против христианского милосердия. Вот и Иоанн, несмотря на растущие изменения, долго откладывал наказание виновных. Прощал изменения себе, пока было возможно.

Но считал, что не имеет права простить измены делу Божию, строению Святой Руси. Когда в 1565 году в Александровской слободе царь принял решение силой выжить крамолу в России, это решение далось ему страшным напряжением воли. Вот портрет самодержца, каким его знали до этого знаменательного дня: Иоанн был «велик ростом, строен, имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо приятное».

Когда же царь вернулся в Москву и, созвав духовенство, бояр, знатнейших чиновников, вышел к ним объявить об опричнине, многие не узнали его. Он постарел, осунулся, казался утомленным, даже больным. Веселый прежде взор угас, густая когда-то шевелюра и борода поредели. Царь знал, что ему предстоит, какую ответственность он берет на себя и сколько сил потребуется от него.

Да, Грозный карал. По подсчетам советского историка Р.Г. Скрынникова, жертвами «царского террора» стали три-четыре тысячи человек. С момента учреждения опричнины до смерти самодержца прошло 30 лет. 100 казней в год, учитывая уголовных преступников. При том, что периодическое возникновение заговоров никто не отрицал и не отрицает. Чего стоит хотя бы политическая интрига, во главе которой стоял боярин Федоров. Заговорщики предполагали во время Ливонского похода 1568 года окружить царские опричные полки, перебить их, а Грозного выдать польскому королю. Но и при этом царь, сколько мог, щадил своих врагов.

Вот один из примеров. Московские казни 1570 года описаны современником событий иностранцем Альбертом Шлихтингом. Не имея никаких причин преуменьшить масштаб происходящего, Шлихтинг рассказывает, что из трехсот приведенных на казнь 184 человека были помилованы государем и отпущены. При этом надо учитывать, что дело касалось государственной измены, попыток новгородской и псковской знати уйти в подданство иноземного короля. Самодержец не желал казненным зла, прося у Церкви святых молить об упокоении мятежных душ изменников и предателей...

Подвижнический характер имела вся личная жизнь царя. Шумную и суетную Москву он не любил, наезжая туда «не на великое время». А в Александровской слободе он все устроил так, как хотел, вырвавшись из церемонного и чинного порядка государственной жизни с его обязательным сложным этикетом и неизбежным лицемерием. Слобода же была, собственно, монастырем в миру. Несколько сотен ближайших опричников составляли его братию, а себя Иоанн называл «игуменом всея Руси». Кстати сказать, царь не раз хотел постричься, уйти в монахи. И последний раз после смерти сына в 1581 году. Тогда лишь единодушная мольба приближенных предотвратила осуществление этого намерения.

Опричная «братия» носила монашеские скуфейки и черные подрясники. Жизнь в Александровской слободе, как в монастыре, регулировалась общежительным уставом, написанным лично царем. Иоанн сам звонил к заутрене, в церкви пел на клиросе, а после обедни, во время братской трапезы, по древней иноческой традиции читал для назидания жития святых и святоотеческие поучения о посте, молитве и воздержании.

По благочестию в личной жизни с Грозным может сравниться только царь Тишайший — Алексей Михайлович, проводивший в храме по пять часов в день и клавший ежедневно до полутора тысяч земных поклонов с молитвой Иисусовой.

Полно и ясно раскрылся духовный мир Иоанна Васильевича в написанных им богослужебных текстах. Его стихирами Церковь пользовалась на своих богослужениях не один десяток лет. Государь постоянно общался со святыми, преподобными, иноками, юродивыми, странниками. Да и сама жизнь его начиналась при непосредственном участии святого мужа — митрополита Иоасафа, который будучи еще игуменом Свято-Троицкой Сергиевой лавры, крестил будущего государя Российского прямо у реки преподобного Сергия. Другой митрополит, Макарий, окормлял молодого царя в дни его юности и первой ратной славы. Влияние первосвятителя было велико и благотворно. Своим блестящим образованием Грозный во многом обязан Макарию.

Особенно любил Иоанна и его добродетельную супругу преподобный Антоний Сийский, просиявший святостью жизни в тунд-

ре далекого Севера. Он приходил в Москву, беседовал с царем и пользовал его поучениями до кончины своей в 1556 году.

Знаменитый московский юродивый Василий Блаженный хаживал к царю, не стеснялся обличать его в рассеянности при молитве, умерял царский гнев ласковым: «Не кипятись, Иванушка...» Блаженный умер на руках царя, предсказав ему, что наследует государство Российское не старший сын Иван, а младший — Федор.

Можно приводить много примеров отношения Ивана Грозного к святым, праведникам, архиреям и юродивым. И все они подтверждают, что поведение царя всегда и во всем определялось глубоким и искренним благочестием, полнотой христианского мироощущения и твердой верой в свое царское «тягло». Даже в гневе он пребывал христианином. Приняв на себя по необходимости работу самую неблагоприятную, царь, как хирург, отсекал от тела России гниющие, бесполезные члены. Иоанн не обольщался в ожидаемой оценке своего труда, говоря: «Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого. Утешающих я не нашел — заплатили мне злом за добро, ненавистью — за любовь».

В отличие от историков народ верно понял своего царя и свято чтит его память. Вплоть до самой революции и последовавшего за ней разгрома православных святынь Кремля к могиле Грозного царя приходил простой люд служить панихиды, веруя, что таким образом выраженное почитание Иоанна IV привлекает благодать Божию в дела, требующие справедливого и нелицеприятного суда.

БОЯРСТВО И ОПРИЧНИНА

Исследователи русской старины неоднократно сетовали на «загадочность» опричнины, хотя ничего загадочного в ней нет, если рассматривать ее в свете взаимодействия народа и власти, общества и царя. Эти «неправовые» отношения, в основании которых лежало разделение обязанностей, свойственных скорее семейному, чем государственно-му быту, наложили отпечаток на весь строй русской жизни. Словенные обязанности у нас мыслились как религиозные, а сами сословия — как разные формы общего для всех христианского дела: спасения души.

Царь Иоанн IV все силы отдал тому, чтобы «настроить» этот сословный организм Руси точно так же, как настраивают музыкальные инструменты, по камертону православного вероучения. Орудием, послужившим для этой нелегкой работы, стала *опричнина*. Глядя на нее с этих позиций, все можно понять и объяснить. А вот что действительно невозможно, так это понимание действий Иоанна IV (в том числе и опричнины) с точки зрения примитивно-утилитарной, во всем видящей лишь «интересы», «выгоду», «соотношение сил», странным образом сочетая все это с приверженностью «объективным историческим закономерностям».

Для того, чтобы «настроить» русское общество в унисон с требованиями христианского мировоззрения, прежде всего надо было покончить с понятиями «взаимных обязательств» как между сословиями, так и внутри них. Взаимные обязательства порождают упреки в их несоблюдении, взаимные претензии, обиды и склоки — и это ярче всего проявилось в таком уродливом явлении, как боярское местничество. Безобидная, на первый взгляд, мысль о взаимной ответственности порождает ощущение самоценности участников этой взаимосвязи, ведет к обособлению, раз-

делению, противопоставлению интересов и, в конечном итоге, — к сословной или классовой вражде, по живому рассекающей народное тело.

Не разъединяющая народ ответственность «друг перед другом», а общая, соборная ответственность перед Богом, по мысли Грозного, должна была стать основой русской жизни. Ведь перед Богом у человека нет прав есть лишь обязанности — общие всем, и это должно объединять народ в единую соборную личность, где царь находится на особом положении. Помазанник Божий является той точкой, в которой символически соединяются небо и земля, Царствие Божие и человеческое. Перед ним все равны и никто не имеет ни привилегий, ни особых прав. К такому пониманию царской власти и старался привести Россию Иоанн Васильевич. Но на его пути встало боярство.

«...Уже к половине XV века московский великий князь был окружен плотной стеной знатных боярских фамилий, — говорит Ключевский. — Положение усугубилось вступлением на московскую службу князей, покидавших упраздненные удельные земли, где каждый из них считал себя самодержцем. С тех пор во всех отраслях московского управления: в Государственной думе — советниками, в приказах — судьями, то есть министрами, в областях — наместниками, в полках — воеводами становились все князья и князья. Вслед за ними шли в столицу их ростовские, ярославские, рязанские бояре». В этом не было ничего дурного, если бы объединение Великороссии и возвышение Московского великого князя до уровня общенационального государя не изменило роковым образом воззрения боярства на свое место в русской жизни.

В удельные века боярин в Москве служил, и принадлежность к сословию означала для него, прежде всего, признание за собой соответствующих обязанностей. Весь XIV век — это век самоотверженного служения московского боярства общенациональным идеалам и целям. Отношения с великим князем Московским складывались поэтому самые полюбовные. Святой благоверный князь Дмитрий Донской, обращаясь к своим детям, говорил: «Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте, по их службе, без воли их ничего не делайте».

Но к концу XIV — началу XV века положение изменилось. В боярстве, пополнявшемся титулованной удельной знатью, принесшей в Москву понятия о своих наследственных правах, установился взгляд на свое руководящее положение как на «законное» дело — привилегию, не зависимую от воли государя. Число знатнейших боярских фамилий было невелико — не превышало двух-трех сотен, зато их удельный вес в механизме управления страной был подавляющим. Это грозило разрушением гармонии народного бытия.

Положение становилось нестерпимым, но для его исправления государь нуждался в единомышленниках, которые могли бы взять на себя функции административного управления, традиционно принадлежавшие боярству. Эти люди и получили названия «опричников».

Сам указ об опричнине появился не случайно, не вдруг, а стал закономерным завершением длительного процесса поиска Иваном Грозным наилучшего пути решения стоявших перед ним задач. Он ведь не случайно возвысил и привлек на службу людей из самой гущи народной. Среди них был и благовещенский иерей Сильвестр, и сын незначительного служилого человека Алексей Адашев, который стал царскую постель и сопровождал молодого государя в баню.

В 1550 году Иоанн пожаловал Адашева в окольные и при этом сказал ему: «Алексей! Взял я тебя из нищих и из самых молодых людей. Слышал я о твоих добрых делах и теперь выискивал тебя выше меры твоей ради помощи душе моей... Не бойся сильных и славных... Все рассматривай внимательно и приноси нам истину, боясь суда Божия. Избери судей правдивых от бояр и вельмож!»

Адашев и Сильвестр правили от имени царя, «государевым словом», вознесенные выше боярской знати. Царь надеялся таким образом поставить боярское своеволие под контроль. Опричнина стала в дальнейшем лишь логичным завершением подобных попыток. При этом конечным результатом должно было стать не упразднение властных структур, а лишь наполнение их новым, религиозно осмысленным содержанием. Царь не любил ломать без нужды. Однако боярская верхушка сумела «втянуть» Иоанн

новых выдвиненцев в себя, сделать их представителями собственных чаяний, где царю отводилась лишь роль балансира между противоречивыми интересами различных социальных групп. Адашев стал вмешиваться в придворные интриги, сдерживать в угоду удельным интересам создание единого централизованного русского войска. Да и Сильвестр оказался не краше, пристроив сына своего Анфима поближе к государственной казне, где тот ведал таможенными сборами. Лишь после охлаждения отношений царя с прежними любимцами дело двинулось в ином направлении. В 1556 году были приняты царские указы, по которым все землевладельцы, независимо от размеров своих владений, делались служилыми людьми государства. Это был серьезный шаг на пути укрепления самодержавной власти.

«Аз есмь царь, — говорил Грозный, — Божиим произволением, а не многоятежным человеческим хотением». Русский царь не есть царь боярский. Он не есть даже царь всесловный — то есть общенародный. Он — Помазанник Божий. Инструментом утверждения такого взгляда на власть и стал опричный царь.

В опричину людей выбирали особо тщательно. А к тем, кто имел непосредственное отношение к жизни государя, требования были еще выше. В составе опричного двора царя числилось порядка 1850 человек. Чуть менее половины из них составляли охранный корпус, гвардию Грозного (в их числе, кстати, находился в 1573 году молодой еще тогда опричник Борис Федоров сын Годунова).

За исключением гвардейцев, опричники, служившие при дворе, были разделены на четыре приказа: Постельный, ведающий обслуживанием помещений дворца и предметами обихода царской семьи, Бронный, то есть оружейный, Конюшенный, в ведении которого находилось огромное конское хозяйство дворца и царской гвардии, и Сытный — продовольственный.

Опричное войско не было велико — не превышало пяти-шести тысяч человек. Но, несмотря на свою малочисленность, оно сыграло выдающуюся роль в деле защиты России. В ходе Ливонской войны царь неоднократно отстранял от руководства войсками воевод из числа знатных князей и бояр, которые «дело вели не

по государеву наказу». На их место назначались талантливые и деятельные опричники. — Так Иван Грозный пытался «вылечить» боярство от сословной спеси, впрячь его в общее тягло.

К сожалению, процесс «выздоровления» высшей русской знати затянулся на долгие годы. И в царствование Федора Иоанновича (1581 — 1598), и в царствование Бориса Годунова (1598 — 1605) часть бояр продолжала прежнюю политику, раскачивая государственный корабль, стараясь перехватить штурвал, затеявая сговоры и бунты. Это желание не включаться в общенародное дело закономерно привело к откровенному предательству. 21 сентября 1610 года, боясь народного мятежа, боярская верхушка тайно ночью впустила в Москву оккупантов — 800 немецких ландскнехтов и 3,5-тысячный отряд поляков. Да и вообще роль боярства, сыгранная им в подготовке и разжигании первой русской Смуты, схожа с той ролью, какую сыграла русская интеллигенция в организации второй русской Смуты в начале XX столетия. И там, и здесь все начиналось с того, что у части общества мутилось национально-религиозное самосознание, в результате чего большая голова теряла ощущение единства с телом.

Постепенно земщина и опричнина смешались, и последняя тихо отмирала по мере осмысления правящим классом своего религиозного долга, своего места в общерусском служении. Тем более, что мощным фактором становления такого общего мировоззрения стали земские соборы, которые играли в жизни страны особую, присущую только России роль.

ЧЕРТЫ СОБОРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Главными особенностями соборной государственности, отличающими ее от иных способов обустройства человеческого общежития, являются следующие черты:

а) *Единство религиозно-нравственного начала*, положенного в основание державного строительства, государственной идеологии, общественного устройства, семейного быта и личного поведения граждан. «Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне, — сказал некогда Христос своим ученикам. — Я есмь Лоза, а вы ветви: кто пребывает во мне, и Я в нем, тот принесет много плода, ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон и засохнет, а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Иоан.15: 4-6).

Сотни лет наши благочестивые предки как зеницу ока хранили эту заповедь Спасителя, справедливо полагая, что любые междоусобия, смуты и раздоры — порождение грешной и многострадальной природы падшего человечества — можно успешно преодолеть и изжить, опираясь на глубинное мировоззренческое, религиозно-нравственное единство народа. Наученные горьким опытом многих веков, единство это они блюли и пестовали как величайшую святыню, видя в Русской православной церкви «столп и утверждение истины», общее понимание которой есть важнейший залог жизнеспособности и безопасности российского государства.

Пора и нам сегодня, после долгих десятилетий атеистической одури, понять, наконец, что пресловутый «плюрализм» хорош

лишь при обсуждении праздничного меню, но пагубен в области нравственно-религиозной, морально-этической, мировоззренческой. Теперь, после всего случившегося с Россией, какие еще нам доказательства нужны, дабы уяснить, что сладенькая ложь «плюрализма» и «свободы» (понимаемая как нравственный, мировоззренческий произвол) скрывает в себе смертельный яд, разлагающий соборную душу народа и умерщвляющий его державное тело? При этом не стоит бояться упреков в «возрождении тоталитаризма»: насильственно поддерживаемое, искусственное идеологическое однообразие не имеет ничего общего с добровольным единением «в Бозе», с согласным пониманием природы добра и зла, с единодушным стремлением к духовным вершинам нравственной чистоты и святости.

б) *Единство государственной власти* — надклассовой, надсословной, ограниченной в своем повелевающем действии лишь верностью народным святыням, соответствием общественным идеалам, — вторая особенность соборной государственности. Такая ускоренная в «небесных», надмирных, религиозно-нравственных идеалах власть — самодержавна и самодостаточна до тех пор, пока своим действием она защищает соборную душу народа от растлевающих внешних и внутренних влияний, помогая его духовному возрастанию и просвещению.

в) *Единство духовной власти*. Сия христианская церковная власть не имеет орудий принуждения — она есть глас совести народной, глас Божий в нашей земной несовершенной действительности, указующий грешнику спасительный путь возрождения, подвижнику — дорогу дальнейшего совершенствования, каждому — его место в общем соборном служении народа-богоносца, народа-хранителя Божественных истин любви и милосердия, безгневия, верности, смирения и мужества.

г) *Симфония властей* — государственной и церковной, духовной и светской. Под этим разумеется их совместное служение на поприще общественного развития. Такое сочетание — залог справедливости общественного устройства. «Хочешь ли не бояться власти? — вопрошает апостол Павел. — Делай добро, и полу-

чишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч, он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Римл. 13: 3-4). При этом, однако, никоим образом не нарушается самостоятельность, единство и целостность каждой из властей, имеющих единый Божественный источник, но действующих в своих областях совершенно независимо.

СОБОРНОСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Еще в дохристианскую эпоху на Руси неписаное, но общепризнанное право имело в своем основании принципы, в чем-то сходные с ранней эллинской демократией. Верховная власть принадлежала собранию всех взрослых свободных людей племени или селения, которое называлось «вече». Одновременно в систему общественного управления был заложен также и единовластный, монархический принцип, ибо главой государства поставлялся выборный или наследственный князь, утверждавшийся, однако, вечевым собором и подотчетный ему. Наследственность высшей княжеской власти не была оформлена строго, хотя при выборах князя неизменно учитывалось благородство происхождения и подразумевалось старшинство одного рода над другим в делах управления. В итоге старинные византийские и арабские писатели находили в общественном жизнеустройстве славян больше народовластных признаков, чем монархических.

Родоначальник первой общепринятой для восточных славян княжеской династии — Рюрик — был избран на новгородском вече. Вечевой строй, по утверждению историков, был повсеместным для восточнославянских племен, городов и местностей, хотя каждая область — свидетельствует Лаврентьевская летопись — в разные исторические периоды вносила свои особенности в общий порядок.

Вечевые сходы, как система управления, просуществовали до середины XVI века и были отменены указом Ивана Васильевича Грозного, хотя и позже в его царствование случались в Москве сходы, подобные вече. В пору Смуты в начале XVII века народное сопротивление в провинции и в столице также зачастую инициировалось вечевыми сходами, созываемыми по старому образцу колокольным звоном.

История Древней Русской православной церкви, в свою очередь, знала десятки поместных церковных соборов. Они-то и сформировали бесценный опыт принятия общих решений, необходимый для ее самостоятельного существования еще в тот период, когда она формально находилась под юрисдикцией Константинополя. При этом на Руси церковные соборы с первых своих шагов принимали деятельное участие и в вопросах гражданских.

Таким образом, еще на раннем этапе древнерусской государственности соборные принципы были привлечены в гражданское самоуправление и соединены с опытом вечевого строя, решавшего не только единоразовые проблемы: вопросы войны, мира, междугородних договоров, выборов князя, — но имевшего и законодательные функции. Псковское вече, например, утверждая Судную грамоту, приняло ее «по благословению отцов своих попов всех пяти соборов, и священников, и диаконов, и всего Божия священства, всем Псковом на вече, в лето 6905». О важных соборных прерогативах новгородского народного схода говорит тот факт, что долгое время именно вече избирало в Новгороде архиепископа на кафедру правящего архиерея.

«ПРАВО НА ВЕТО»

Историки расходятся во мнении о том, когда был созван первый в России Земский собор — в 1547-м, в 48-м, в 49-м или 1550 году. А советский историк Михаил Николаевич Тихомиров даже считал, что впервые событие, которое можно назвать предтечей земских соборов, имело место в русской истории в 1481 году, вскоре после стояния на Угре, ознаменовавшего собой окончательное освобождение от татаро-монгольского ига. Впрочем, независимо от того, духовное и политическое значение этого нового явления как для России, так и для мировой истории так велико, что детальные расхождения хронологов и скепсис историков-материалистов теряют всякий смысл.

Созыв первого Земского собора стоит в одном ряду с такими судьбоносными для русской жизни событиями, как провозглашение в феврале 1547 года бывшего Московского княжества — Русским царством. В конечном итоге, все эти деяния сыграли роль последовательных звеньев в одной великой исторической цепи, «приковавшей» русский народ к его главному, высшему предназначению — тяжелому и часто неблагодарному труду державного строительства, труду по охранению духовного, «небесного» содержания земного человеческого бытия. С точки зрения развития российской государственности, Собор этот также является событием эпохальным, поскольку им отмечено начало созидания нового русского государственного механизма — ибо существование старого вечевого строя стало опасным бременем, грозящим распадом растущей державе.

В исторической литературе этот Собор называют иногда Примирительным. Совсем еще юный царь Иоанн Васильевич, созывая его, имел горячее желание прекратить сословные распри,

терзавшие Русь, дабы положить в основание державного строительства межсословный договор о сотрудничестве, скрепленный взаимным покаянием и примирением. Специально для Собора, который происходил на Красной площади, было возведено каменное Лобное место, которое и поныне свидетельствует об этом великом деянии. Именно отсюда семнадцатилетний Иоанн зачитал свое покаянное послание «к народу земли русской», содержащее призыв к духовному единству и сословному миру. Это, кстати, единственный документ Собора, который сохранился до наших дней.

Анализ событий, последовавших за Собором, дает основание полагать, что на нем также рассматривались многие задачи гражданского строительства. Некоторые исследователи считают, что именно здесь был принят новый Судебник — свод законов Русского царства.

Соборные корни имеет даже опричнина. Ведь мы уже говорили, что часть российской аристократии лишь лицемерно согласилась с призывом к примирению и сотрудничеству, надеясь на деле по-прежнему отстаивать свои узкосословные интересы. Такая позиция боярства грозила Руси гибелью в новых водоворотах вельможных междоусобиц. Однако, заручившись на Соборе всенародной поддержкой, Иоанн совершенно законно считал себя вправе проводить собственную государственную политику — неуклонно, жестко и даже жестоко подавляя ненасытную боярскую оппозицию.

В результате царь не просто отменил вечевые порядки в обновленной Руси, он сделал гораздо больше — предложил новую форму государственного управления с участием законно оформленного народного представительства, которое продолжало развиваться и совершенствоваться в последующие годы.

Необходимо указать также, что характерная особенность земских соборов заключается в их миротворчестве, в том, что они созываются чаще всего для пресечения нарастающей политической смуты либо для принятия экстраординарного решения, которое должно иметь кардинальные последствия для государственной жизни — чтобы избрать царя или утвердить восшествие на престол законного наследника, принять свод законов, признать

вхождение в Русское царство новых земель и т.д. В силу этих задач в пору бурного строительства Российской империи почти все земские соборы не похожи друг на друга. Неоформленность их составов, отсутствие внутреннего регламента, единого правила для ведения и даже созыва давали приверженцам западной педантичности повод к скептическим оценкам этого самобытного русского явления.

Действительно, если говорить об участии в земских соборах лиц формально выборных (особенно из низших сословий), то их число в процентном отношении было весьма невелико. Однако надо особо подчеркнуть, что, в отличие от парламентов, сеймов и рейхстагов европейских стран, где все решалось простым большинством голосов, у нас каждый соборянин обладал своего рода «правом на вето». Собор не мог быть собором, а решение его законным, если хотя бы один из делегатов не был согласен с мнением других. Будучи огромной евроазиатской державой, Россия, заключая в себе многоцветие различных национальных культур и одновременно являясь главной хранительницей святынь православной церковности, не могла позволить себе западного «плюрализма», грозившего ей ужасами неминуемого распада. Неприемлемыми оказывались на российской почве и европейские политические механизмы, по сути являвшиеся правовым оформлением процесса борьбы за власть среди элитарных сословно-политических группировок.

«По всем этим чертам, — пишет Ключевский, — первый Земский собор в Москве представлялся каким-то небывалым в европейской истории актом. Актом покаяния царя и боярского правительства в политических грехах». Заметим, однако, что покаяние было взаимным — ибо народ тоже каялся в грехах перед властью.

До конца XVI века земские соборы собирались еще три раза — в 1566, 1584 и 1598 годах. Исключая Собор 1566 года, решавший вопросы войны и мира, которые требовали в тех условиях всенародного одобрения, остальные соборы созывались для предотвращения междоусобия и подтверждения религиозно-мистического единства народа и царя.

«БЛАЖЕННЫЙ НА ТРОНЕ»

После смерти царя Ивана IV на «громоносный престол» властителя России взошел его младший сын от первого брака — Федор. Юный венценосец явил поданным пример кротости, сострадательности, глубокой набожности, целомудрия и тихой семейной жизни. Молитвам этого неторопливого в движениях и всегда тихо, ласково улыбавшегося «блаженного на троне» русские люди не без основания приписывали величие и благоденствие державы. По выражению летописца, «Господь возлюбил смирение царево», и дары Божии обильно излились на Федора Иоанновича.

Высота духовной жизни царя не оградила, однако, страну от происков боярской спеси. Зная его необыкновенную кротость, нашлись сановники, считавшие, что со вступлением на престол этот двадцатисемилетний государь станет послушной игрушкой в их руках. В первую же ночь по смерти Иоанна боярская верхушка выслала из столицы многих государственных людей, известных верностью Грозному царю. Некоторых заключили в темницы, а к родственникам вдовствующей царицы приставили стражу, обвиняя их в каких-то злых умыслах. Казалось, дело сделано: нет уж строгого и властного государя, а новый не опасен, наступающий период безвластия как нельзя более удобен для установления боярского правления.

Но на пути осуществления таких замыслов встал народ, осознавший себя соборным и державным, видевший в русском царе олицетворение этих качеств и залог богоугодного жития. Узнав о высылках и заточениях, Москва взволновалась, подозревая боярскую измену. Отряды воинов ходили по улицам, на площадях стояли пушки. Волнение улеглось не ранее, чем бояре торже-

ственно присягнули Федору и на следующее утро письменно обнародовали его воцарение, послав гонцов по всем русским землям с указом молиться о душе усопшего государя и счастливом воцарении нового.

Назначили день царского венчания. Соборною грамотой утвердили его священные обряды. Во избежание попыток вовлечения в интриги членов августейшей семьи, вдовствующую царицу с малолетним Дмитрием послали в Углич, дав ей приличную ее положению свиту — стольников, стряпчих, детей боярских и стрельцов для охраны. Созвали Великую земскую думу из знатнейшего духовенства, дворянства и всех именитейших людей с целью упорядочения государственной жизни, облегчения народных тягостей и рассуждения о благосостоянии державы.

И все же покоя не было. По Москве ходили слухи о беззаконном властолюбии бояр. Указывали на Бельского, отравившего будто бы Иоанна и теперь злоумышляющего на Федора. Так ли все было на самом деле или эти разговоры специально распространяли князья Шуйские, сегодня сказать сложно. Несомненно одно — вокруг трона закручивалась воронка очередной вельможной интриги. И опять боярские склоки грозили России нестроениями и скорбями. Народ почуял новую опасность для самодержавия — и глас всеобщего возмущения раздался в столице.

В мгновение ока составилось ополчение: 20 тысяч вооруженных людей всех чинов и сословий устремились к Кремлю, где едва успели затворить ворота, собрать для защиты горстку стрельцов и думу для совещания. Но горожане не были склонны к переговорам с Боярской думой: захватив Царь-пушку, они подкатили ее к Флоровским воротам и начали приготовления к штурму. Стало совершенно ясно, что лишь царь может успокоить народ.

На вопрос боярской делегации, состоявшей из князя Ивана Мстиславского, боярина Никиты Романовича Захарьина, дьяков Андрея и Василия Щелкаловых: «Что нужно восставшим?» — народ отвечал: «Бельского! Выдайте нам злодея! Он мыслит извести царский корень!» Устрашенный Бельский искал бе-

зопасности в государевой спальне, трепетал и молил о спасении. Повелением Федора он был выслан из Москвы. Тогда народ, крича: «Да здравствует царь с верными боярами!» — мирно разошелся по домам.

Непререкаемым свидетельством единства народа и царя, их сознательного сослужения в деле соборного и державного строительства Православной России стало торжество венчания Федора Иоанновича на царство, состоявшееся 31 мая 1584 года после сорокадневных заупокойных молитв об усопшем самодержце.

Невзирая на тесноту беспримерную на Кремлевской площади, все затихло, когда Федор вышел из дворца со всеми боярами, князьями, воеводами, чиновниками. Государь в одежде небесного цвета, придворные в золотой. И эта удивительная тишина провожала царя до самых дверей храма, также наполненного людьми всякого звания: ибо всем россиянам дозволялось видеть священное торжество России, единого семейства под державою отца-государя.

Царствование Федора казалось современникам милостью Божией, золотым веком, в течение которого Россия наслаждалась неведомым до этого величием и миром. В виде смиренного богомольца ходил русский царь с царицею пешком из монастыря в монастырь — молитвой царской крепла и цвела земля Русская. На страже ее государственных интересов стояло правительство Бориса Годунова, повелевавшего в делах мирских именем царским разумно и смело, восполняя смиренную «неотмирность» царя своей энергией, волей и преданностью делу.

Не раз и не два являл Федор Иоаннович пророческую прорзорливость в судьбах государства и будущем отдельных людей.

В 1594 году крымский хан Кази-Гирей совершил коварный набег на русские земли. В то самое время, когда его послы вели лицемерные переговоры о мире, он вторгся в Россию и почти беспрепятственно дошел до подмосковного села Коломенского. Лишь под самыми стенами Москвы наспех собранное русское войско вступило в бой с татарскими отрядами.

За ходом битвы наблюдал весь город — стены, башни и колокольни были усыпаны вооруженными и безоружными го-

рожанами, исполненными любопытства и ужаса: никогда еще не видели москвичи полевой битвы на пригородных равнинах. «В эти роковые часы, когда сильно трепетало сердце и в столетних старцах московских, — пишет М.В. Толстой, — один человек наслаждался спокойствием души непоколебимой: тот, чье имя вместе с Божиим призывалось русскими воинами в пылу битвы. Тот, за кого они умирали перед стенами столицы — сам государь!»

После долгой молитвы царь смотрел на битву из окна высокого терема, когда за его спиной раздался тихий плач. Плакал один добрый боярин, опасаясь за судьбу столицы и государя. Увидев слезы, Федор со своей обычной тихой улыбкой ласково сказал боярину: «Не плачь, будь спокоен. Завтра не будет хана».

Пророчество царское сбылось в точности. Битва длилась весь день и кончилась с наступлением темноты, не дав решительного перевеса ни одной из сторон. Тем не менее ночью, за час до рассвета, хан со своими полками почему-то бежал. В погоню за беглецом отправилась русская рать под предводительством Годунова, а москвичи, проснувшись, узнали, что хана нет, и опасность миновала. Немудрено, что молитвы царские люди считали защитой более надежной, чем даже пушки и мечи.

Чествуя Годунова как победителя, царь Федор во время праздничной трапезы, в виду собравшихся бояр и духовенства «в умилении признательности», как казалось тогда, снял с себя золотую царскую гривну и надел ее на Бориса.

В 1596 году было решено перенести нетленные мощи святого митрополита Алексия в новую серебряную раку. Во время этого торжества Федор, подозвав Годунова, велел ему коснуться мощей и сказал: «Осязай святыню, правитель рода христианского! Управляй им и впредь с ревностью. Ты достигнешь желаемого, но все суета сует и тление на земле».

В конце 1597 года Федор впал в тяжелую болезнь. 6 января близость смерти стала очевидной для всех, и ближайшее окружение царя собралось у его одра в ожидании последнего самодержавного волеизъявления — завещания о судьбе сиротеющей страны. Патриарх Иов от лица всея земли обратился с этим вопросом к

умирающему: «Свет в очах меркнет, — скорбно возгласил перво-святитель, — праведник отходит к Богу... Государь! Кому приказываешь царство, нас сирых и свою царицу?» Не желая пугать присутствующих грядущей бурей, которую надлежало им пережить, просветленный близостью кончины и приобщением Святых Тайн, Федор ответил: «В царстве, вас и в царице волен Господь Всевышний...» Слова эти стали пророческими, ибо Богу угодно было, чтобы судьбы Руси, окунувшейся вскоре в огненное искушение Смуты, текли вопреки всякому человеческому предвидению.

ТЕНЬ ПРАВДЫ ЦАРЯ БОРИСА

Царица Ирина решительно отказалась от престола, несмотря на письменное завещание самого Федора и мольбы народа. «Сия вестъ, — говорит Карамзин, — поразила Москву: святители, дума, сановники, дворяне, граждане собором пали перед венценосною вдовою, плакали неутешно, называли ее материю и заклинали не оставлять их в ужасном сиротстве. Но царица, дотоле всегда мягкосердая не тронулась молениям слезным, ответствовала, что воля ее неизменна и что государством будут править бояре вместе с патриархом до того времени, когда успеют собраться в Москву все чины Российской державы, чтобы решить судьбу отечества по вдохновению Божию. В тот же день Ирина выехала из Кремлевского дворца в Новодевичий монастырь и под именем Александры вступила в сан инокини. Россия осталась без главы, а Москва — в тревоге и волнении...

Где был Годунов и что делал в это время? — Заключился в монастыре с сестрою, плакал и молился с нею. Казалось, что он, подобно ей, отвергнул мир, величие, власть, кормило государственное и предал Россию в жертву бурям...

Узнав о пострижении Ирины, духовенство, чиновники и граждане собрались в Кремле, где государственный дьяк и печатник Василий Щелкалов, представив им вредные следствия безначалия, требовал, чтобы они целовали крест на имя думы боярской. Никто не хотел слышать о том, все кричали: «Не знаем ни князей, ни бояр! Знаем только царицу! Ей мы дали присягу и другой не дадим никому! Она и в черницах мать России».

Печатник посоветовался с вельможами и снова вышел к гражданам и сказал, что царица, оставив свет, уже не занимается делами царства и что народ должен присягнуть боярам, если не

хочет видеть государственного разрушения. Единогласным ответом было: «И так да царствует брат ее!». Никто не дерзнул ни противоречить, ни безмолвствовать, все кричали: «Да здравствует отец наш Борис Федорович! Он будет преемником нашей царицы!»

Немедленно всем собором пошли в монастырь и стали смиренно просить Бориса принять корону. Он отказался. Но патриарх и бояре не теряли надежды, ожидая Великого собора, которому надлежало быть в Москве через шесть недель по смерти Федора. Борис жил в монастыре, а государством правила дума, советуясь с патриархом в делах важных, но указы писала именем царицы Александры и на ее же имя получала донесения воевод земских. Между тем на местах оказывалось неповиновение и беспорядок. В Смоленске, в Пскове и иных городах воеводы не слушали ни друг друга, ни предписаний думы... Носились слухи о вторжении хана крымского в пределы России, и народ говорил в ужасе: «Хан будет под Москвою, а мы без царя и защитника!». Одним словом, все благоприятствовало Годунову, ибо все было им устроено!» — считает Карамзин, а вслед за ним и большинство историков более позднего времени. Они не желают допустить мысль о благонамеренности поступков Годунова.

Конечно, в натуре человеческой встречаются порой сочетания качеств самых противоречивых и разных, но есть основания считать Бориса Федоровича (по заявлению того же Карамзина) «ревностным исполнителем всех уставов церковных и правил благочиния, трезвым, воздержанным, трудолюбивым, врагом суетных забав и примером жизни семейственной».

К тому же, само желание власти еще не есть порок. Важно каким образом и с какой целью это осуществляется. Разве не стремился к ней Михаил Горбачев, который, под сладострастное пение зарубежных сирен и их подпевал в России, разрушил великую державу, веками с любовью собираемую нашими трудолюбивыми и многотерпимыми предками? В отличие от бывшего Генсека ЦК КПСС, живущего ныне на щедрые подачки его западных покровителей, Борис Годунов в годы своего правле-

ния возвеличил страну. А «первые два года его царствования (по словам того же Карамзина) оказались лучшим временем России».

Настойчивые попытки многих исследователей найти в характере Бориса одну из причин обрушившихся на Россию бед, объясняются довольно просто: не умея или не желая вникнуть в духовную подоплеку событий, историки искали «виноватого». Переноса на пространство истории свой ежедневный бытовой опыт, они стремились найти «того, кто все испортил», ибо это давало разуму, лишенному веры, иллюзию обретенной истины. Возможно, эти мотивы не всегда были осознанны и не у всех одинаково сильны, но они просто неизбежны для современного рационалистического подхода к познанию старины.

Однако, вернемся в Москву, где 17 февраля 1598 года в Кремле открылась Дума земская, или Государственный собор, где присутствовало, кроме всего знатнейшего духовенства, бояр и двора, не менее пятисот чиновников и людей выборных из всех областей для дела великого, небывалого со времен Рюрика: для назначения венценосца России, где дотоле властвовал непрерывно уставом наследия род князей варяжских и где государство существовало государем. Где все законные права истекали из его единственного самобытного права: судить и рядить землю по закону совести. Час был опасный, но оказалось, что «все будто желали одного: как сироты, найти скорее отца и знали, в ком искать его».

Известив Собор, что Ирина не захотела ни царствовать, ни благословить брата на царство и что Годунов также не принимает венца Мономахова, патриарх Иов сказал: «Россия тоскует без царя, нетерпеливо ждет его от мудрости Собора. Вы, святители, архимандриты, игумены, вы бояре, дворяне, люди приказные, дети боярские и всех чинов люди царствующего града Москвы и всей земли русской! Объявите нам мысль свою и дайте совет, кому быть у нас государем. Мы же, свидетели преставления царя и великого князя Федора Иоанновича, думаем, что нам мимо Бориса Федоровича не должно искать другого самодержца». Тогда все духовенство, бояре, воинство и народ единогласно ответство-

вали: «Наш совет и желание то же: немедленно бить челом государю Борису Федоровичу и мимо его не искать другого властителя для России».

Годунов, кроткий и невластолюбивый, принял русскую державу вопреки собственному желанию, благочестиво страшась ответственности и тягот, налагаемых служением государя. Раз за разом отвергал он все приглашения и просьбы, не остановившись перед двукратным отвержением соборно выраженного призвания, давши клятву никогда не искать и не принимать престола царского. Лишь под угрозой отлучения от Церкви удалось сонму архиереев принудить его к принятию венца.

Сбылось, как и предрек государь Федор Иоаннович. Годунов стал царем, возведя Россию на невиданную высоту. Даже пресечение династии, связанное со злодейским убийством царевича Дмитрия, не поколебало мирного течения русской жизни: Борис был призван на престол единодушно и совершенно законно. И все же суетность и тленность мирского величия явили себя в событиях его царствования полно и ясно: последний год был омрачен успехами первого самозванца-Лжедмитрия, а вслед за смертью Годунова внезапно рухнула в пучину Смуты вся земля Русская.

ЦАРЕУБИЙСТВО

Святая Псалтирь начинается словами: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!» (Пс. 1:1,2). Но как отличить самочинное незаконное собрание, бесплодное, несмотря на внешнюю представительность, от благословенного Богом собрания? Вопрос существенный, жизненно важный. Некогда он разрешался в России на протяжении восьми лет — от смерти царя Бориса Годунова в апреле 1605 года по февраль 1613 года, когда был соборно избран родоначальник новой династии — царь Михаил Федорович. Трагический опыт первой русской Смуты не прошел для России даром, многому научив того, кто хотел учиться. Печально сознавать, что за истекшее время мы, похоже, окончательно отказались от него, предпочитая в своей нынешней болезни проверенным отечественным средствам новомодные заморские лекарства.

В середине 1591 года Русь потрясло страшное известие. В Угличе при загадочных обстоятельствах был убит младший брат царя Федора Иоанновича царевич Дмитрий. Заколыхалась земля угрозой жестоких народных волнений. Был пущен слух, что в убийстве повинен глава тогдашнего российского правительства боярин Борис Годунов. Чтобы отвести обвинения в предвзятости, Годунов поручил разбор этого дела своему личному недоброжелателю и политическому противнику князю Василию Шуйскому. Тайна этого преступления, открывшего путь Смуте с ее многочисленными самозванцами, не разгадана до сих пор: кто убил, зачем убил, как убил — эти вопросы так и не получили достойных доверия ответов.

Загадка заключается в том, что убийство малолетнего царевича никому не сулило никаких политических выгод. Не говоря о Годунове, который, разумеется, отношения к преступлению не имел ни малейшего, боярская верхушка тоже со смертью наследника ничего не приобретала: во-первых, у Федора вполне мог родиться сын, его законный преемник на российском престоле. А во-вторых, даже в случае пресечения династии, что казалось весьма маловероятным (кто мог предвидеть постриг Ирины?), боярство не имело практически никаких шансов на власть — народные волнения 1584 года в Москве это ясно доказывали.

Смерть царевича могла быть выгодна только тому, кто стремился уничтожить саму Россию, нанося удар в наиболее чувствительное место ее церковно-государственного организма, провоцируя гражданскую войну и распад страны. В связи с этим небезосновательно выглядит версия о религиозно-символическом характере убийства царевича, олицетворяющего собой будущее православной русской государственности. Косвенными свидетельствами в ее пользу служат сегодня многочисленные доказательства ритуального характера убийства Царственных Мучеников в Екатеринбурге в 1918 году.

Несмотря на очевидные признаки насильственной смерти царевича, следствие под началом Василия Шуйского нашло необходимым объявить, что юный Дмитрий убился сам, напоровшись горлом на клинок при игре в «ножички». Это было ложью, с которой, однако, согласились все — как сторонники Годунова, так и его противники. Скрыть ужасную правду ради спокойствия державы казалось тогда наилучшим выходом из создавшегося положения. Сам Борис, предусмотрительный и осторожный, в силу очевидных политических выгод предпочел кратчайший путь восстановления государственного спокойствия, не подозревая, что впоследствии никакими силами не сможет уже пресечь дальнейших результатов злодеяния и опрометчивой «лжи во спасение».

Законно и единогласно избранный на Всероссийском соборе 1598 года русским царем, Годунов сумел значительно укрепить и усилить русское государство, реализовав почти все внутренние и

внешнеполитические начинания Ивана Грозного. Явным образом Смута стала назреваться лишь к концу жизни царя Бориса, а внезапная кончина монарха 13 апреля 1605 года повлекла за собой стремительный распад властного единства страны, до этого прочно удерживаемого непреклонной волей опытного властителя.

Законный наследник отчего престола, сын Годунова царевич Федор Борисович, от природы наделенный обширным умом и поистине царским миролюбием, мог бы одарить Россию справедливостью и процветанием, если бы русский народ и его вожди в лице князей да бояр со смирением приняли этот Божий дар. Но прискорбное неразумие одних, алчность и властолюбие других, робость и малодушие третьих толкнули общество на путь губельного своеволия, бесчиния и потакания своим разрушительным страстям.

1 июня 1605 года агенты Лжедмитрия и враги Годунова бояре Наум Плещеев и Гаврила Пушкин организовали шумный сход в Красном селе и повели оттуда возбужденную толпу на Красную площадь. Туда же собрались и охочие до возмущения москвичи. Это бесчинное вече и стало началом страшной разрушительной Смуты.

Толпа потребовала на Лобное место князя Василия Ивановича Шуйского, «чтобы он сказал по правде, точно ли похоронен царевич в Угличе». Шуйский будто бы громко объявил: «Борис послал убить Дмитрия царевича, но царевича спасли — вместо него погребен попов сын».

«Обезумевшая чернь с неистовым криком: «Долой Годуновых! Всех их истребить... Буди здрав Дмитрий Иванович!» — ринулась в Кремль, где стрельцы, стоявшие на страже, пропустили ее в царские покои, — пишет историк. — Царь Федор поспешил в Грановитую палату и сел на престол. Царица Мария Григорьевна и царевна Ксения стояли рядом с ним, держа в руках образа. Народ ворвался в палату и стащил несчастного Федора с его трона. Вместе с матерью и сестрой на водовозных клячах он был отправлен в прежний дом Бориса и заключен под стражу. Все родственники Годуновых были также перевязаны, а затем толпа приступила к неистовому грабежу».

Лжедмитрий был торжественно приглашен в Москву.

Еще в 1601 году митрополит Ростовский Иона объявил патриарху и царю, что в Чудовом московском монастыре «недостойный инок Григорий хочет быть сосудом диавольским». И действительно, молодой сын стрелецкий Юрий Отрепьев, принявший по пострижении имя Григорий, вел себя на редкость странно. Проявляя большие способности, шутя Отрепьев усваивал то, что другим не давалось, — он в то же время вольничал в делах веры, вызывая этим подозрения в ереси. Но главное, в моменты откровенности он говаривал монастырской братии, что со временем непременно будет царем на Москве.

Годом позже Годунов велел отправить Григория за ересь на Соловки или в Белозерские пустыни на покаяние. Однако при пособничестве свойственника Отрепьевых Григорий бежал в Литву. Чем только не пришлось ему там заниматься: якишался с сектантами-анабаптистами, разбойничал в казацкой шайке, учился в латинской школе в Гоце. Заимев духовника-иезуита, Отрепьев «открылся» ему в час тяжелого «смертельного» недуга, что он якобы есть Дмитрий, законный наследник русского трона. В 1604 году папский нунций Рангони представил его в Кракове польскому королю Сигизмунду. Тот признал Лжедмитрия сыном Иоанна и обещал поддержку, разрешив шляхтичам помочь восстановлению «законного наследника» на престоле русских государей. Тогда же Лжедмитрий тайно перешел в католичество и подписал брачный контракт с Мариной Мнишек, дочерью сandomирского воеводы, широким жестом «подарив» невесте Новгород и Псков, а будущему тестю — княжества Смоленское и Северское.

15 августа 1604 года, собрав разношерстное войско, Лжедмитрий начал поход на Россию. Полгода погуляв по западно-русским областям и выиграв несколько стычек, 21 января 1605 года он был наголову разбит русским войском под Добрыничами. Казалось, конец его неминуем. Но 13 апреля в Москве внезапно скончался царь Борис. И все вдруг изменилось как по волшебству. Уже 7 мая победоносное московское войско в полном составе перешло на сторону Лжедмитрия. Путь в столицу России, в Кремль был открыт...

Самозванец, однако, все еще страшился законного царя. Прежде всего повелел он «лучшим» людям покончить с Федором Годуновым и только после этого согласился прибыть в столицу. Именно царевубийство, совершенное 10 июня, ликвидировало последнее препятствие для безудержного распространения смуты.

С семьей Бориса покончили два отъявленных негодяя: Михаил Молчанов и Шерефединов. Для верности они взяли с собой трех дюжих стрельцов и в сопровождении князей Василия Васильевича Голицына и Рубца-Мосальского, лично пожелавших присутствовать при этой расправе, отправились в старый дом Бориса, где содержались арестованные. «Царица Мария Григорьевна была скоро задушена, но царь Федор защищался отчаянно и был убит самым ужасным образом... Народу было объявлено, что Федор и его мать от испуга сами приняли яду».

БОЯРСКИЙ ЦАРЬ

После этого остановить грядущий разор стало уже не под силу никому. Кипение страстей усиливалось с каждым днем. Вскоре после прибытия Лжедмитрия I в Москву тот же князь Василий Шуйский стал открыто заявлять, что только что венчанный в Успенском соборе «царь» является самозванцем, а подлинный царевич Дмитрий был все ж таки убит в Угличе.

Пытаясь хоть как-то стабилизировать ситуацию, Лжедмитрий решил прибегнуть к соборным средствам обуздания смуты. Он созвал некое подобие довольно представительного Земского собора для суда над Шуйским и его сторонниками. Этот мнимый Собор приговорил князя к смертной казни, а его единомышленников — к дальней ссылке. Не желая обострять ситуацию, самозванец помиловал Шуйского прямо на плахе, заменив ему казнь высылкой из Москвы.

Казалось, все необходимые внешние атрибуты законности были соблюдены, а милосердие новоявленного властителя России должно было лишь закрепить его политические успехи. И все же прошло только несколько месяцев, как Лжедмитрий пал жертвой очередного боярского заговора и слепой ненависти толпы. Бог поругаем не бывает, и беззаконие, прикрытое для видимости личиной соборного одобрения, дало свои естественные мятежные плоды.

Об этом надо бы помнить и организаторам нынешней смуты. Никакие пропагандистские кампании с массовым подписанием договоров «об общественном согласии», никакие представительные собрания, выносящие резолюции о «гражданском мире», не смогут умиротворить страну, пока под лжесобор-

ной оболочкой скрывается узкогрупповой, корыстный политический расчет. Собор сыграет свою благотворную роль только тогда, когда все его участники осознают бессмысленность и пагубность бескомпромиссного «перетягивания каната», когда они сумеют укротить свои страстные порывы и действительно — не за страх, а за совесть — приступят к поиску взаимоприемлемых решений, направленных к тому же не к личной или клановой выгоде, но во славу Божию и к воскресению Святой Руси.

После свержения и убийства узурпатора в народной массе очевидным было желание созвать настоящий избирательный собор, подобно Собору 1598 года. Однако боярская верхушка, опасаясь неблагоприятных для себя соборных решений, ослепленная близостью вождельной бесконтрольной власти, решительно воспротивилась этому естественному желанию. 19 мая 1606 года на Красной площади были наспех собраны лишь те, кто был заведомо готов поддержать Василия Шуйского. Он стал первым в русской истории царем, который, вступая на престол, целованием креста клялся ограничить свое самодержавие боярской думой. С точки зрения политической это могло означать только одно: государственная власть слабела, теряла силу и авторитет. Ее священный ореол, омраченный клятвопреступлением, боярским произволом и соглашательством с иноверцами, — померк, и новый государь был вынужден искать опоры трону уже не в религиозно-нравственной области, а «в балансе интересов и сил» представителей сословной верхушки, раздираемыми вечными противоречиями и спорами.

Так в жертву властолюбию и алчности была принесена целостность державы, ибо города и окраины, представители которых не принимали участия в «выборах» Шуйского, отказались признать законность его власти.

Смута росла. Прошло лишь несколько месяцев после того, как воцарился Шуйский, а Москва уже была осаждена войсками приверженцев «законной династии», требовавших низложить «самозванного царя Василия». Их предводителем был Иван Болотников — то ли беглый холоп, то ли мелкопоместный тульский дво-

рянин, пришедший в Россию то ли из Венгрии, где он воевал с турками, возглавляя десяти тысячный казачий корпус, то ли из Италии, куда попал, будучи галерным рабом на турецком корабле, взятым итальянцами в плен.

Не успело правительство принять меры против этого мятежника, как на южных рубежах появился Лжедмитрий II, пришедший в Россию во главе отряда польских авантюристов. К нему тут же примкнули остатки войск Болотникова. Через год новый Самозванец уже стоял под стенами Москвы. В поисках союзников московское руководство обратилось за помощью к Швеции, находившейся в состоянии войны с Речью Посполитой. Это было использовано польским королем Сигизмундом III как повод для открытой интервенции.

Участие иноземцев в Смуте придало ей особую остроту. В сентябре 1609 года 12-тысячное польское войско при поддержке 10-тысячного казачьего корпуса вторглось в Россию и осадило Смоленск. Причем надо отметить, что если иноверцы при этом преследовали свои вековые цели — ослабить Россию и уничтожить православие, то казачья вольница под флагом «восстановления законной династии» шла в поход просто пограбить и погулять. Когда же казаки поняли истинные цели поляков, то их пути резко разошлись.

А Смута между тем ширилась, захватывая все новые земли, вовлекая в свой кипящий водоворот все новые сословия. Шуйский попытался остановить ее новым собором, на котором был прославлен угличский страдалец Дмитрий, а народ каялся в грехах строптивости и вероломства. «Но еще недовольно смирился перед Богом царь Василий, — пишет церковный историк М.В.Толстой, — чтобы погасить гнев Божий на Россию за нечистоты сердечные, на клятвопреступление и цареубийство. Повсюду начались волнения, сначала потому только, что Василий избран одною Москвою. Далее стали говорить, что нельзя нарушать клятву Дмитрию (разумея Лжедмитрия I) и что Дмитрий спасся из Москвы во время восстания народного. Появились новые самозванцы».

В 1610 году очередной наспех созванный Собор (опять представляющий столичную знать) низложил царя Василия и теперь

уже открыто передал власть боярской думе. И вновь глас церковного обличения, поданный патриархом Гермогеном о том, что нет спасения там, где нет благословения свыше, не был услышан. Василия свели с престола, постригли в монахи и выдали полякам, которые заточили его в темницу, где Шуйский и скончался два года спустя.

Никто не противился насилию нечестивому, кроме святителя. Патриарх не признавал Василия иноком. Но вопли страстей заглушали голос правды. Дума боярская решила предложить престол Владиславу, сыну польского короля Сигизмунда, хотя патриарх убеждал не жертвовать Церковью для земных выгод и советовал возложить венец на юного Михаила Романова (сына Филарета). Так богомудрый святитель предвестил отечеству волю небес, хотя далеко еще было до избавления! Впрочем, святейший Гермоген успел настоять на том условии, что Владислав до вступления на престол обязан принять православие, прекратив связи с папою, и поставить законом смертную казнь каждому, кто отступит от православия.

Между тем престол царский все еще оставался праздным. Наступили времена ужаса, безначалия, буйства народного. Дума боярская, присвоив себе верховную власть, не могла утвердить ее в слабых руках своих, ни утишить народной тревоги, ни обуздать мятежной черни. Новый Самозванец грозил Москве нападением. Польские войска приближались к ней. Народ вольничал, холопы не слушались господ, и многие люди чиновные, страшась быть жертвою безначалия и бунта, уходили из столицы, даже в стан к Лжедмитрию II, единственно для безопасности личной. Казалось, что русские люди уже не имели ни отечества, ни души, ни веры. Государство, зараженное нравственною язвою русских изменников, издыхало в страшных судорогах. По словам очевидца, добродетельного келаря Сергиевой лавры Авраамия Палицына, «Россию терзали свои более, нежели иноплеменные: путешественниками, наставниками и хранителями ляхов были наши изменники, первые и последние в кровавых сечах. Ляхи с оружием в руках только смотрели и смеялись безумному междоусобию. В лесах, в болотах непроходимых россияне готовили или указывали им путь и числом превосходным берегли их в опасностях,

умирая за тех, которые обходились с ними, как с рабами. Вся добыча принадлежала ляхам. Они избирали себе лучших из пленников, красных юношей и девиц, или отдавали на выкуп ближним и снова отнимали, к забаве русских изменников... Сердце трепещет от воспоминания злодейств: там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любострастие искало одра для своих мерзостных наслаждений... Были женщины, прельщаемые иноплемениками и развратом, но другие смертию избавляли себя от зверского насилия... Сердца окаменели, умы омрачились: вблизи свирепствовало злодейство, а мы думали, оно минует нас, или искали в нем личных для себя выгод. В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания. Рабы хотели быть господами, чернь — дворянством, дворяне — вельможами. Не только простые простых, но и знатные знатных и разумные разумных оболъщали изменою, в домах и в самих битвах. Говорили: «Мы блаженствуем, идите к нам от скорби к утехам!.. «Гибли Отечество и Церковь. Храмы истинного Бога разорялись, скот и псы жили в алтарях, злодеи пили из святых потиров, на иконах играли в кости, в ризах иерейских плясали блудницы. Иноков, священников палили огнем, отшельников, схимников заставляли петь срамные песни, а безмолвствующих убивали... Не светом луны, а пожарами озарялись ночи ибо грабители жгли все, чего не могли взять с собою, — дома и скирды хлеба, да будет Россия пустынею необитаемую...

С соответствующей поправкой на время и нравы, разве не напоминает нам это описание того, что происходило в нашем многострадальном Отечестве в ходе революции и Гражданской войны, что происходит в последние годы? Сменились лишь имена — суть событий осталась прежней: новые ляхи терзают Русь. Новые изменники русского дела богатеют и пухнут на народной беде, новые беженцы бредут по дорогам разорванной страны... В этот ответственный для Родины момент все мы должны понять, что интересы России, интересы нашего многострадального народа должны безусловно превалировать над личными корыстными расчетами. Великий всероссийский молитвенник, святой праведный отец Иоанн Кронш-

тадтский говорил в своих знаменитых проповедях: «Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить...»

Любовь к Родине столь же естественна для нормального здорового человека, как естественна любовь сына к своим родителям. Люди, отвергающие патриотизм, называющие его «последним прибежищем негодяев», нравственно ущербны и духовно опустошены.

Но и патриотам земли Русской всегда надо помнить, что любовь к Отечеству лишь тогда плодотворна и по-настоящему тверда, когда она опирается на прочный духовный фундамент, на многовековые народные святыни, на традиционные религиозные ценности национального самосознания. Одна из наших важнейших задач сегодня — возродить в сердцах россиян это возвышенное и благородное чувство, вернуть русскому человеку понимание того, что без Веры и Родины невозможна полноценная жизнь личности и семьи, общества и государства.

В течение десяти веков русский человек был бессменным державным стражем российской государственности. И ее нынешний кризис в первую очередь обусловлен тем, что жизнеспособность русского этноса в XX столетии была сильно подорвана целой серией грандиозных национально-государственных катастроф. Восстановление жизненных сил русского народа есть вопрос государственной важности, ибо именно русский человек — терпимый, добросердечный и незлобивый — от века обеспечивал этими своими качествами межнациональный мир в стране. И пока имеющиеся сегодня диспропорции, фактически узаконивающие дискриминацию русского народа на собственной земле, в собственном государстве, не будут устранены — тщетны все надежды на преодоление нынешней смуты и возрождение Великой России!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

В дни великой *Смуты* начала XVII века пламенный призыв патриарха Гермогена, поплатившегося за свою нестигаемую стойкость медленной голодной смертью в польских застенках, все же сумел разбудить в русском народе здравый смысл и осознание содеянного. Медленно, но верно начала проявлять себя соборная энергия воссоединения, обретая в провинциях особый размах. Города и области сносились друг с другом грамотами, поощряя сражаться за Веру и Отечество, прося взаимной помощи, денег, ратных людей. Более того, время от времени собирались местные соборы, «на которых граждане совещались между собой, что предпринять, чтобы избавиться от неприятеля». При этом, если московские собрания, возводившие на престол Василия Шуйского и затем низвергавшие его, призывавшие на царство королевича Владислава, приобретали подобие легитимности в основном благодаря участию бояр и некоторой части епископата Русской церкви, то последовавшие во время зарождения освободительного движения местные земские соборы в Подмоскovie, Рязани, Новгороде, Перми, Казани, как правило, отличались широким всесловным представительством. Чиновники и военные, крестьяне и торговцы, ремесленники и священники повсеместно вставали на защиту родной земли.

Эти стихийные сходы стали подлинной школой соборности. В мучительном поиске спасительного единства, в условиях кровавой междоусобицы и нравственного кризиса общества они торили дорогу тому мощному движению, которое в конце концов изгнало иноверцев и восстановило нормальную жизнь в стране. Такова мера народного понимания велений времени и политических требований момента.

Следует сказать и о том, что польско-литовский фактор во внешнеполитической картине русской Смуты был еще осложнен и вмешательством конкурирующей шведской стороны. В то время, когда с помощью предателей-бояр поляки заняли Москву, Швеция начала войну с Россией. Непримиримые соперники, поляки и шведы проявляли трогательное единодушие в деле разграбления русских земель, норовя отхватить у России кусок пожирнее да побольше, пока страна истекала кровью в хаосе смутного безвременья. Летом 1611 года, бояре-изменники впустили шведских интервентов в Новгород, где сформировалась партия, прочащая на московский престол шведского принца Филиппа. Враждующие между собой казаки, несмотря на различие кандидатур в «цари», традиционно желали природного русского царя. В толще национального самосознания исподволь стало складываться представление, что прекращение Смуты напрямую связано с решением вопроса о действительно законной власти в России, которая к тому же в той или иной степени устроит всех.

К лету 1612 года в патриотических, но враждующих между собой лагерях казаков и различных ополчений утвердилось общее убеждение, что в первую очередь необходимо освободить Кремль от поляков и затем созвать Всероссийский собор, который стал бы общепризнанным выразителем воли «всей земли».

Наиболее дальновидные политики (как правило, это были представители института воеводского управления на местах) стали изыскивать временное компромиссное решение о кандидатуре в цари. Ярославский собор в июне 1612 года таким «условным» кандидатом назвал королевича Карла Филиппа — необходимо было исключить реальную вероятность шведской интервенции в глубь страны и привлечь к освобождению Москвы силы Новгорода Великого, который тогда был фактически оккупирован отрядами шведского полководца Якова Делагарди. Именно на почве этого компромисса удалось сформировать второе земское ополчение во главе которого и стал князь Дмитрий Пожарский. Москву очистили от поляков. 27 октября 1612 года капитулировал последний польский гарнизон в Кремле.

В числе других знатных пленников тогда был освобожден и отрок Михаил Романов-Юрьев, который, опасаясь поляков (да и

своих мятежников), вместе с матерью, инокиней Марфой, тут же покинул Москву, уехав в свою костромскую вотчину. В столице же тем временем «бояре и воеводы писали во все города всяким людям» о присылке в столицу выборных из числа «лучших и крепких разумом» для участия в Земском соборе, который должен был решить: как жить России дальше.

В числе претендентов на царский трон назывался тогда и князь Дмитрий Пожарский. Слава победителей и освободителей Москвы от иноземцев как бы предоставляла вождям ополчения «право» решить вопрос о государе тут же, ни с кем не советуясь. Однако на этот раз наши предки проявили завидную осмотрительность и не позволили себе обратить блистательную военную победу в сокрушительное моральное поражение. Выздоровление Руси началось.

РОДСТВЕННИК РЮРИКА

К концу 1612 — началу 1613 года в Москву съехались соборяне. Это были представители российских областей и городов от северного Подвинья до Оскола и Рыльска и от Осташкова до Казани и Вятки. Нижний Новгород, стяжавший славу счастливого зачинщика земского ополчения, по праву выставил значительно более десяти соборян. Священный собор возглавили три маститых архиерея: митрополит Ефрем Казанский, митрополит Кирилл Ростовский и митрополит Иона Сарский. Святое дело требовало сугубой подготовки. Рабочим заседаниям Собора предшествовали три дня строгого поста и молитвы по всей России. Ради полноты и строгости покаяния пост был наложен даже на грудных младенцев и домашнюю скотину. Поэтому, по словам современников, благоговейная духовная внутренняя тишина сопровождалась одновременно горьким детским плачем и стенаниями животных, как бы подчеркивая всеобщность раскаяния.

Многие заседания Собора проводились прямо в кремлевском храме Успения Божьей Матери — главном храме России. Однако, несмотря на столь ревностный зачин, первые заседания были омрачены жесточайшими спорами. Напряжение этих прений было таково, что некоторые светские историки, изучавшие потом Собор, становились в тупик, сомневаясь в его результативности: столь разительно непримиримость начальных заседаний отличалась от заключительной радости, когда не только соборяне, но и весь московский люд с ликованием принял решение о восстановлении законной власти на Руси.

Да, единодушие обреталось постепенно. Это — весьма важное свойство соборного процесса и признак принятия действительно здорового решения. Начало всякой молитвы может быть замутнено как бы внутренними прениями, мысленным столпотворением и сердечной немотой, когда усилием воли должно подавить в себе суету посторонних мыслей и буйство непокорных чувств, дабы целиком сосредоточиться на святом деле богообщения. Невозможное человекам возможно Богу. И действительно, обретение единства на Соборе 1613 года стало настоящим чудом...

Все соборяне в конце концов согласились с тем условием, что государь обязательно должен быть русским, точнее — из православных россиян. Наиболее реальными кандидатами в этой ситуации были князья Голицыны, Трубецкие, Шуйские и Дмитрий Пожарский, но у каждого из них были сильные противники. Показательно, что предложенная в самом начале собора казаками кандидатура юного боярина Михаила Федоровича Романова осталась почти без внимания. И только к 7 февраля соборяне стали понимать, что царем должен быть такой человек, который устроит не простое большинство, а всех. Именно этому качеству наиболее соответствовала фигура юного Романова. Большая часть его сродников умерла вследствие гонений, которые были предприняты против этого рода в царствование Бориса Годунова. Самым главным качеством, приближающим Михаила Федоровича к царскому престолу, стало его родство с последним царем из рода Рюриков — он был племянником Федора Иоанновича.

Мнение о том, что царем должен быть именно он, первым высказал некий дворянин из Галича. Поначалу раздались спорные выклики: дескать, кто он такой, — но следом с решимостью выступил донской атаман. Самим видом своим он показал, что казаки устали от бесконечных прений, навязываемых своекорыстными группировками боярства, и заявил, что считает природным государем племянника последнего царя из рода Калиты.

Решено было провести тайное голосование. Все соборяне подали записки, и при рассмотрении их вдруг выяснилось, что все

до единого поддерживают кандидатуру Романова. Делегация соборян направилась на Красную площадь к Лобному месту сообщить радостное известие народу. Не успела она объявить результаты избрания, как раздались здравицы новому царю.

Сам же новоизбранный шестнадцатилетний государь ничего еще не ведал о своем державном достоинстве, хоронясь в костромской глубинке. Потому для испрошения его согласия было отправлено особое посольство из духовных и светских чинов, с инструкциями и грамотами. Но юный государь долго и упорно отказывался от высокого избрания. Да и старица Марфа не давала на это своего материнского благословения. Она говорила, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили... Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца. Прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли. Дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служивых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?» Потом Михаил и Марфа говорили, что быть ему на государстве, а ей благословить его на государство только на гибель...

Посланники Великого собора со слезами молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часу дня до девятого, просили, чтобы он воли Божией не снимал с себя, но тот не соглашался. И тогда отчаявшиеся послы прибегли к последнему средству, испытанному уже однажды при избрании на царство Бориса Годунова. Они решили поколебать благочестивые сердца Михаила и Марфы напоминанием о великой ответственности за все

могущие последовать для Отечества бедствия. «То ли угодно вам, — спросили они, — чтобы наши недруги торжествовали, попирали нашу православную веру, чтобы православные христиане были в расхищении и пленении? Все это: и поругание веры, и осквернение церквей, и гибель бесчисленного бесгосударного народа, и междоусобные брани, и неповинную кровь взыщет Бог на вас в день Страшного и праведного Своего Суда...» Такое увещание возымело силу. Марфа благословила сына, и Михаил дал согласие на царство, принял посох от архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что поедет в Москву скоро.

В утвержденной единодушно Грамоте Великого Московского собора, скрепленной «своеручными подписями» всех делегатов, говорилось: «Целовали все Животворящий Крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почтенного, Богом избранного и Богом возлюбленного... души свои и головы положить и служить верою и правдою, всеми душами своими и головами».

Не человеку, не «высшему должностному лицу государства», не племенному или сословному вождю клялись наши предки в верности на вечные времена. Нет! Они присягали в верности Помазаннику Божию, хранителю и оберегателю заповедей Христовых на просторах земли Русской. Потому-то и «заповедано», чтобы избранник Божий, царь Михаил Федорович Романов был родоначальником на Руси из рода в род, С ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ В СВОИХ ДЕЛАХ ПЕРЕД ЕДИНЫМ НЕБЕСНЫМ ЦАРЕМ. Здесь — истоки русского самодержавия!

Обратите внимание, сколь глубока воцерковленность сознания соборян! На всем пространстве Грамоты нет ни одного слова ни о национальных, ни о сословных основах декларируемого государственного устройства. Только о религиозных! Пред Богом все равны, а потому «всяк человек... кто пойдет против сего соборного постановления — Царь ли, патриарх ли, да проклянется таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святой Троицы».

Подумайте, люди русские — кто еще не потерял веры и способности к духовному зрению, — не эта ли клятва донныне

тяготет над нами после страшного преступления изуверов в Ипатьевском подвале? Не этот ли доселе нераскаянный грех возбраняет нам возвращение на естественный, исторически преемственный путь развития страны — путь служения истине, путь Святой Руси?

Оглянемся на опыт минувших дней. Прислушаемся к голосам предков. Вопросим собственную совесть. Тогда, может быть, обретем мы и пути выхода из нынешней смуты, как сумели обрести их почти четыре столетия назад «выборные всяя земли» делегаты Великого Московского собора 1613 года...

ТЕХНОЛОГИЯ КАТАСТРОФЫ

Мы часто употребляем слово «смута» применительно к отечественной истории и современному состоянию России, русского народа. И действительно, множество исторических сравнений, подобий и совпадений просто бросаются в глаза. Иными словами, то явление общественной и государственной жизни, то состояние народного духа, которое мы привыкли называть словом «смута», обладает некоей устойчивой совокупностью признаков и характерных черт, которые позволяют безошибочно отличать его на фоне текущих событий в самые разные эпохи, при весьма различных внешних и внутренних условиях.

Итак, что же такое — *смута*?

Словари, по большей части, толкуют значение сего слова весьма неудовлетворительно и поверхностно — как «мятеж», «народные волнения» или нечто подобное. Все это, безусловно, может иметь место (и часто случается) в ходе смуты, но никак не определяет ее глубинных механизмов и фундаментальных основ, являясь лишь внешним следствием, видимым проявлением внутренней сущности, духовного содержания событий. Каково же оно?

Народы, как и отдельные люди, обладают своей индивидуальной исторической судьбой. Судьбы эти вершатся всемогущим Промыслом Божиим в соответствии с премудростью Его, не попирая, тем не менее, свободной воли отдельных человек и соборного волеизъявления целых племен. При этом русской народности Господь определил служение одновременно великое и страшное, высокое и тяжелое. Это служение «народа-богоносца», народа-защитника святых есть одновременно наш тяжкий крест и залог небесной славы для тех, кто устоит в Законе Божиим, невзирая на искушения и соблазны.

Доколе русский народ осознает свое промыслительное служение, доколе он свободно и добровольно несет его, претерпевая встречающиеся на пути скорби, — все бури, кипящие вокруг, все невзгоды, обрушивающиеся на страну, в конечном итоге лишь содействуют духовному развитию русской жизни и государственному величию державы. Но, если россиянин, соблазнившись богатством или внешним могуществом, а может, измалодушествовавшись под грузом великой ответственности, требующей суровой трезвости и здорового аскетизма, порывается сойти с креста, определенного ему Всеблагим Господом, свергнуть с себя «иго и бремя» промыслительного служения, — благодать Божия отступает от Руси, предавая ее на время во власть пагубного произволения и буйства страстей. *Это и есть русская смута.*

Проще сказать, смута означает утерю народом, обществом, государством согласного понимания высшего смысла своего существования.

Не случайно обе великие смуты (начала XVII и начала XX веков) связаны с царевубийством. В первом случае обезумевшая толпа, обманутая Самозванцем, вломилась в Кремль, предав законного государя, сына Бориса Годунова Федора Борисовича с матерью, в руки бессовестных убийц, во втором — у императора Николая II было вырвано отречение от престола, в результате которого полтора года спустя Августейшая семья пала жертвой убийц-изуверов.

Собственно, царевубийство в духовном понимании есть бунт против Бога, вызов Его помыслу, богоборческий порыв сатанинских, темных сил. Вольно или невольно, сознательно или несознательно весь народ соучаствует в царевубийстве хотя бы тем, что допускает его, не стремясь загладить страшный грех богоотвержения покаянием и исправлением. И лишь затем, ввергнутый в пучину нестроений и мятежей, в страданиях и скорбях сознает, наконец, свою ошибку. В начале XVII столетия на это потребовалось восемь лет. В XX веке — на исходе уже восьмое десятилетие смуты...

Духовная, религиозная основа этого явления, определяя сущность, тем не менее, не исчерпывает внешних форм его проявления. Этот недуг, поражающий соборную душу народа, подобен

некоторым тяжким хворям, терзающим человеческое тело во множестве разнообразных болезненных обличий. Он многогранен и многолик.

С точки зрения психологической — смута есть прискорбное помрачение русского самосознания, своего рода «социальная шизофрения», расслаивающая единую историческую личность народа, раскалывающая его единое мировоззрение множеством хаотических, страстных увлечений — несостоятельных, ложных и пагубных. С точки зрения культурной — это судорожный обрыв преемственной многовековой традиции, питающей народную жизнь бесценными соками совокупного опыта многих поколений, разрушение целостности эстетического, художественного восприятия мира, болезненный исход в беспочвенный и бездушный модернизм, паразитирующий на дурных энергиях индивидуалистического извращения. С точки зрения национальной — *смута* представляется потерей естественного иммунитета против разрушительных, космополитических воздействий извне и внутренних болезнетворных тенденций распада. С точки зрения государственной — утерей державной крепости и независимости от внешних корыстных влияний иных стран.

Сведя все воедино, можно сказать, что внешними признаками *смуты* являются следующие ее черты:

1. Отсутствие в обществе единого здравого мировоззрения, всенародного согласия по важнейшим, принципиальным вопросам человеческого бытия и жизни страны.
2. Отсутствие законной власти, происхождение которой не омрачено ни братоубийственной кровью, ни коварной узурпацией, ни ложным, искусственным правопреемством.
3. Отсутствие необходимого духовного содержания государственной формы, являющееся прямым следствием нарушения «симфонии властей» — светской и духовной.
4. Отсутствие действенных механизмов согласования естественных интересов различных социальных групп: словесных, политических, профессиональных.

5. Отсутствие здравого инстинкта самосохранения народа и государства, порождающее возможности для внешнего, постороннего вмешательства во внутреннюю жизнь страны.
6. Отсутствие прочного государственного единства и территориальной целостности державы, раздираемой внутренними противоречиями, недееспособностью центральной власти и агрессивными вожделениями соседей.

Это, разумеется, лишь самые общие, наиболее явные, бросающиеся в глаза характеристики смуты. Ширясь и разрастаясь, она проникает в народную толщу все глубже и глубже, разделяя общество все новыми и новыми конфликтами: имущественными, идеологическими, национальными, сословными... Каков же выход?

Чтобы понять это, надо вернуться к рассмотрению первоосновы нашей печальной болезни. Здравый смысл подсказывает, что неразумно тратить силы и средства на врачевание следствий недуга, его поверхностных проявлений, оставляя главные причины нетронутыми и сильнейшие язвы — неизцеленными.

Это значит, что следует прежде всего безоговорочно признать источник смут — оскудение на Руси врачующей и животворной благодати Божией, оскорбленной нашей гордостью, своеволием и богоотступничеством. Признав это, надо позаботиться о соответствующих лекарствах. Со стороны внутренней, духовной, религиозно-нравственной это, прежде всего, покаяние в согрешениях и перемена жизни. Со стороны внешней, общественно-государственной — незамедлительно принятые меры для восстановления соборной общности народа и державной целостности страны. Тогда — верен Бог! — имеем крепкую надежду, что со временем, преодолев все великие сложности, нестроения и несогласия, мы вернем Святой Руси покой и мир осмысленного, одухотворенного, безмятежного жития.

Иного пути нет!

Смута начала XVII века дает нам хрестоматийный пример того, как народные настроения и мятежи, омраченные царевбийством, едва не ввергли страну в окончательное и полное разоре-

ние, поставив на грань гибели и иноземного порабощения. Затем осознанное соборное покаяние в совокупности с соборным же действием по воссозданию державных устоев России возродили ее буквально из пепла, на три столетия придав государству крепость и величие, о которых, казалось, обесиленная Русь не могла и мечтать. Возникающие при рассмотрении тех давних событий многочисленные исторические и духовные, нравственно-религиозные параллели могут многое прояснить нам в нынешних проблемах страны.

ТОРЖЕСТВО ПРАВДЫ И ЛИКОВАНИЕ ЛЖИ

Одной из непреходящих целей всякого церковно-государственного собора на Руси было уяснение меры согласия и единодушия в народе по тому или иному основополагающему вопросу русской жизни. Искусство государственного управления и духовного окормления паствы издревле заключалось в умении объединить народ вокруг великих созидательных идеалов. Эта задача требует попечения, ибо исторический опыт свидетельствует, что одни и те же люди в разное время в разной ситуации могут являть меж собою мир и согласие, приобщаясь к Правде Божией, но могут стать и вместилищем смуты, раздоров и мятежей — участниками страшных преступлений против ближних и собственной души. И сколько раз наша отечественная история могла свидетельствовать о такой прискорбной двойственности: всенародные подвиги возносили Русь на вершины святости, самопожертвования и самоотвержения, чередуясь с преступлениями, низвергавшими страну в пучину беззакония и самоубийственной смуты, которая нередко начиналась с бесчинного сборища и безумного крика.

Сейчас нам по смыслу, по значимости важнее отрицательные примеры. **Нам необходимо ясно понять истоки и механизмы общественных смут, не раз уже потрясавших Россию. Только тогда мы научимся с ними правильно бороться.**

В 1993 году, не поделив привилегий и почестей, перессорились две «ветви» власти и едва не разделили подвластный им народ на открыто враждующие лагеря. Властители страны спровоцировали судорогу кровавого насилия, чуть не превра-

тившуюся в первый сполох гражданской войны. Затем главных участников не постеснялись наградить высшими государственными наградами.

Святая Церковь устами патриарха и Синода умоляла зачинщиков с обеих сторон остановиться согласием это безумие. Кровь, тем не менее, пролилась (теперь саму же Церковь пытаются винить в этом). И что?! Результат утоления кровавой жажды — не прояснение, а тьма, сродни египетской. Все смешалось, и даже ясные прежде понятия утратили изначальный смысл. Недавние русофобы заявили себя на словах крайними патриотами. Газеты и телевидение, сея хаос и смуту, все не перестают оповещать о заговорах и государственных переворотах, о политических и социальных распрях.

Увы, увы! Как похоже это все, с точки зрения духовной, нравственно-религиозной, на события начала XX века, ставшие кровавым прологом к многодесятилетней трагедии русского народа! Похоже вплоть до мелочей, когда генерал Корнилов от имени Временного правительства награждал Георгиевским крестом убийцу своего командира, а думский депутат священник Петров благословлял предателей из числа воинов-«волынцев».

В начале века (как, впрочем, и сегодня) смуту еще можно было пресечь объединительным соборным действием. Так, церковный поместный собор 1917 года, несмотря на все свои недостатки и огрехи, заложил столь прочную основу православного единства, что его не смогли разрушить даже последовавшие десятилетия жесточайшей богоборческой тирании, когда на просторах огромной страны торжествовал дух братоубийственной злобы, противостояния, разделения и вражды. Отложились Кавказ и Средняя Азия, Украина и Прибалтика, Польша и Финляндия. На Дальнем Востоке появилась нелепая «буферная» республика... В этих условиях революционеры-разрушители, ощутившие вдруг на себе всю полноту бремени державной ответственности, оказались вынужденными — пусть в изуродованной и извращенной форме — вернуться к вековым началам соборности.

Огнем и мечом объединив развалившуюся на глазах империю, большевики не нашли иного способа легализации «завоева-

ний революции»: в конце декабря 1922 года они созвали особое представительное собрание «всех народов России» и на нем провозгласили создание единого государства — Союза Советских Социалистических Республик. Более того — искаженные начала соборности проникали даже во внутривластную жизнь коммунистов, признавших «высшим органом власти РСДРП-ВКП(б)-КПСС съезд, довольно неуклюже имитировавший русскую соборную традицию.

Безблагодатная, богоборческая и русоненавистническая сущность новой власти выхолостила и подавила соборное содержание своих государственных институтов. Но в миг смертельной опасности — во время Великой Отечественной войны — большевистские политики, оказавшись на грани полного политического банкротства, вновь прибегли к единственному спасительному средству — обратились к творческой энергии русской исторической традиции, к духу соборности, единения, всенародного сплочения. Этот же опыт «национал-большевизма» был использован правящим режимом в послевоенные годы для форсированного восстановления разрушенной страны и предотвращения угрозы американского империализма, опиравшегося на ядерную монополию. Наметился отказ от конфронтации с Церковью, возврат к русским национальным ценностям. Перед российскими народами власть на этот раз ставила задачу всемерного укрепления их единства через борьбу с разлагающим космополитизмом, с обезличивающей интеграцией в новый мировой порядок послевоенного мира, устанавливавшийся под эгидой американского экспансионизма и под прикрытием международных масонских структур...

Оглядываясь сегодня на русскую историю, можно уверенно сказать: на всех ее крутых поворотах российские народы делали, в конечном счете, один и тот же выбор в пользу соборного единства. Будем верить, что так будет и в этот раз. Глубоко ошибается тот, кто думает, будто сейчас, в пору очередной смуты, в дни мнимого торжества сил распада и разделения, Русь изменила свое естество, свой характер, свою веру. Пройдет время — может быть, совсем малое — и подлинный выбор России состоится: она вновь вернется к державной соборности, к духовному и государ-

ственному единству. Это может произойти и в ином облики, при ином составе народов Российской империи, но, с Божией помощью, обязательно произойдет — на этот раз уже без ложных, губительных установок коммунистической государственности.

В ожидании этого момента, в предвидении его, наряду с духовным подвигом всенародного покаяния в грехах безбожной, безнравственной жизни, мы должны особое внимание уделить соборному опыту державного строительства — опыту противостояния смуте и возрождения страны, опыту Всероссийского Земского соборного движения.

ДВА ВЕЛИКИХ ГОСУДАРЯ

Самосознания народа не существует в «чистом» виде — это всего лишь отвлеченное понятие, помогающее духовно осмыслить исторический путь России. И все же — оно есть и действует, как реальная, осязаемая сила, особенно ясно и отчетливо являя себя в деятельности исторических личностей переломных эпох, когда вихрь событий выносит на поверхность жизни глубинные пласты народной психики, мобилизует душевные силы народа, его религиозно-нравственные резервы.

Выдвигая на историческую авансцену людей, воплотивших в себе лучшие народные качества, Русь как бы приоткрывает покров таинственности и своего Божественного предназначения. В XVII веке такими людьми, несомненно, являлись царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, драматическая жизнь которого помогает многое понять в непредсказуемой русской судьбе.

Никон, во святом крещении Никита, родился в крестьянской семье в 1605 году в Нижегородской губернии в селе Вельманове (Вильдеманове) Княгининского уезда. Рано лишившись матери, он много горя вытерпел от злой мачехи. Жизнь его тогда украшало лишь чтение церковных книг, которые увлекли смышленного мальчика к аскетической жизни. В двенадцать лет от роду он тайно из дома отца убежал в Макарьевский Желтовский монастырь и восемь лет пробыл там послушником, готовясь принять монашеский постриг. За это время отрок хорошо изучил церковные службы, в монастырской библиотеке приобрел обширные познания, набрался духовного опыта, удивляя братию силой своего характера и строгостью жизни.

Тем не менее Никите пришлось покинуть обитель. Уступая просьбам родственников, он вернулся домой и женился. Вскоре

его пригласили священником в соседнее село, где с молодым умным пастырем познакомилась московские купцы, ехавшие на знаменитую Макарьевскую ярмарку. Они же уговорили багושку переехать в Москву, где отец Никита и прослужил около 10 лет. Когда прижитые в браке дети умерли, он убедил жену принять постриг, а сам удалился на Белое море в Анзерский скит Соловецкого монастыря.

Постригшись там с именем Никона, он предался суровым подвигам благочестия. Несколько лет провел молодой монах на далеком от всякой мирской суеты пустынном острове, где вместо стен одно только море и благочестие служили оградой. Здесь в 1635 году Никон едва не погиб от бури, которая внезапно налетела, когда он плыл на утлой ладье. Только уповая на силу Креста Господня, спасся он, пристав к острову Кию перед Онежским устьем. В память о своем чудесном спасении Никон водрузил там крест с намерением построить в будущем малую церковь или монастырь.

Продолжив свой путь, Никон прибыл в Кожеезерскую пустынь и полюбил это уединенное место. Принятый в число братии, уединился на пустынный остров, построил себе келью, питался лишь рыбой, которую сам ловил. В монастырь ходил только для отправления и слушания Божией службы, а все прочее время проводил в уединении и богомыслии. Избранный братией в сан игумена, поехал в Москву по делам обители. Молва о добродетелях пустынного инока сопровождала Никона по пути в столицу. «Его необыкновенный ум, — отмечал историк и писатель М.В. Толстой, — светлый взгляд на предметы, природное красноречие и величавая наружность довершили впечатление, произведенное им при дворе. Юный царь полюбил его с первого свидания и велел назначить архимандритом московского Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница Романовых».

Алексей Михайлович часто приезжал в обитель молиться за упокой своих предков. В свою очередь Никон должен был каждую пятницу являться к государю для доклада о нуждах бедных, обиженных и угнетенных. Совместная благотворительность сближала их еще сильнее. Редкие душевные достоинства царя, его

набожность и искренняя доброта, радение за страну и вверенный ему народ нравились святому отцу. Кротость, справедливость и добросердечие государя отмечали и русские люди и иностранцы. Говорили, что «при всей своей неограниченной власти «царь Алексей не посягнул ни на чье имущество, ни на чью честь, ни на чью жизнь. Он такой государь, какого бы желали иметь все христианские народы, но немногие имеют».

В домашней жизни Алексей Михайлович являл собой образец умеренности и простоты. Три, много если четыре (не особенно обширные) комнаты рядом — одна возле другой — служили для него вполне достаточным помещением. Внутреннее убранство покоев немногим отличалось от крестьянского: те же лавки вдоль стен, та же утварь, и лишь кресло — роскошь невиданная — выдавало с первого взгляда комнату царя.

«Государь вставал обыкновенно часа в четыре утра, — писал знаменитый исследователь старинного русского бытия Иван Егорович Забелин. — Постельничий, при пособии спальников истрячих, подавал государю платье и одевал его. Умывшись, государь тотчас же выходил в Крестовую палату, где его ожидали духовник, крестовый поп и крестовые дьяки. По совершении молитвы, которая обычно продолжалась около четверти часа, государь прикладывался к иконе, а духовник окроплял его святою водою.

Окончив крестовую молитву, Алексей Михайлович посылал ближнего человека к царице в хоромы спросить о ее здоровье, как почивала? Потом сам выходил здороваться с нею в переднюю или столовую. После того они вместе слушали в одной из верхних церквей заутреню, а иногда и раннюю обедню.

Между тем с утра же рано собирались во дворец все бояре думные и ближние люди «челом ударить государю». Поздоровавшись с боярами, поговорив о государственных делах, царь в сопровождении всего собравшегося боярства шествовал часу в девятом к поздней обедне. Если же тот день был праздничный, то выход делался в храм или в монастырь.

Обедня продолжалась два часа. Едва ли кто был так привержен к богомолью и к исполнению всех церковных обрядов, как русские цари. Один иностранец рассказывал, что в пост Алексей Михайлович стоял в церкви часов до пяти или шести кряду, клал

иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники и того больше.

После обедни государь слушал доклады, челобитные и вообще занимался текущими людскими и государственными делами. Следует заметить, что именно Алексей Михайлович, получивший от современников прозвание Тишайший, окончательно вернул России земли Малороссии, отторгнутые от нее враждебными соседями в годы татарского ига. Именно он вел необыкновенно трудную войну с Польшей и завершил ее блестящей победой. Это он, получив в наследство страну бедную, еще слабую после Смуты, но уже стоящую перед лицом множества государственных и общественных задач, начал эпоху реформ, причем реформ неторопливых и продуманных, захвативших область юридическую и экономическую, военную и религиозную.

Одно лишь знаменитое «Уложение», именуемое еще как «Свод всех законов», могло бы, по словам исследователя XX века, «составить славу целого царствования». А ведь оно — лишь малая толика того, что успел совершить Тишайший властелин России при содействии святого отца Никона, ставшего ему настоящим другом.

Заседание и слушание дел у царя ежедневно оканчивалось около 12 часов утра. Бояре, ударив челом государю, разъезжались по домам, а он шел к столовому кушанию, к которому иногда приглашал некоторых бояр, самых уважаемых и близких.

Подобно государевым покоям, немногим отличался от крестьянского и царский стол. Блюда самые простые: ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага украшали трапезу Алексея Михайловича. А в дни Великого поста он обедал лишь три раза в неделю: в четверг, в субботу и в воскресенье, а в остальные дни довольствовался куском черного хлеба с солью, соленым грибом или огурцом.

После обеда государь обыкновенно ложился спать и почивал до вечерни часа три. После вечерни иногда тоже случались дела и собиралась дума. Но обыкновенно все время после вечерни глава государства проводил в семействе или с самыми близкими людьми. Во время отдыха любимым занятием у него было чтение

книг, в особенности церковных историй, поучений, житий святых, а также летописей.

Оканчивая день, после вечернего кушания, государь снова шел в Крестовую и, точно так же как и утром, молился около четверти часа.

Каким же внутренним умиротворением, каким ясным и покойным сознанием смысла своего существования, пониманием своего долга нужно обладать для того, чтобы жить в таком одновременно неспешном и сурово-аскетическом ритме, зримо являя народу пример благочестия, трудолюбия и сердечной набожности. Первоосновой этого бытия была неложная, глубокая и православная вера. Так жила Россия, так жил и русский царь.

Конечно, были у Алексея Михайловича, как и у каждого человека, свои слабости. Хоть его и называли Тишайшим, но временами становился он весьма резок и вспыльчив. «Осерчав, случалось, давал волю не только языку, награждая провинившегося нелестными эпитетами, но и рукам — оделя чувствительными тумаками». Впрочем, гнев был мимолетным. После вспышки гнева монарх по обыкновению осыпал «пострадавшего» милостями, сам просил мира и слал богатые подарки, стараясь загладить размолвку.

Сближение государя и будущего патриарха, как уже говорилось, началось с их первой встречи. И в дальнейшем, когда Никон стал архимандритом московского Новоспасского монастыря, а затем и митрополитом Новгородским, от монарха он получал особые полномочия. В Новгороде Никон прославился многими благодеяниями: во время бывшего там голода ежедневно кормил на архиерейском подворье несколько сот неимущих, устроил богадельни для престарелых и увечных.

Еще больше он возвысился во мнении царя, когда с опасностью для собственной жизни укротил мятеж голодающих новгородцев, по незнанию принявших хлеб, вывозимый в Швецию в качестве выкупа за русских пленных, за признак боярской измены. Владыка бесстрашно вышел к мятежникам, пытаясь вразумить их. Но чернь стала кидать в него камни и избивала палками до полусмерти. Очнувшись, владыка собрал последние силы, отслужил литургию в Софийском соборе и крестным ходом пошел

на бунтующих. Пораженные его твердостью, они смирились, прекратили убийства, а потом просили прощения и ходатайства о заступничестве перед царем.

«О крепкий воин и страдалец Царя Небесного, о возлюбленный мой и любимый святой владыка, — писал Никону царь двумя годами позже, приглашая его в Москву для избрания нового патриарха взамен почившего Иосифа. — Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам...» Влияние Никона росло, несмотря на боярское недовольство. 22 июля 1652 года на Церковном соборе он был избран патриархом, но его согласие на это последовало далеко не сразу. Понимая тяготы предстоящего служения, зная о враждебном отношении к нему со стороны боярства, Никон долго отказывался. Лишь когда в Успенском соборе Кремля царь и все присутствовавшие пали на землю и со слезами просили его не отречься, он, умиленный, согласился, но потребовал от присутствующих обязательства «содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и законы благочестивых царей». Царь, бояре и освященный собор произнесли пред святым Евангелием и чудотворными иконами обет исполнять предложенное Никonom, после чего он занял место патриарха всея Руси.

«Тесная дружба соединяла Никона с царем. Вместе молились они, рассуждали о делах, садились за трапезу. Патриарх был восприемником детей царских. Ни одно государственное дело не решалось без участия Никона. Великий ум последнего отпечатлен на счастливых годах царствования Алексея», — пишет церковный исследователь, осмысливая роль патриарха в русской жизни. Державные заслуги первосвятителя велики и несомненны. Он сыграл решающую роль в деле воссоединения с Малороссией, которая, изнемогала под польским гнетом. Еще при отце Алексея, Михаиле Федоровиче, просилась она под защиту русского православного государя, но тот, опасаясь за судьбу своего еще не окрепшего после великой Смуты государства, не давал однозначного ответа.

Уповая на Господа, гетман Хмельницкий стал просить ходатайства у нового патриарха Московского. И не напрасно. Никон убедил царя в необходимости такого шага.

Торжество воссоединения Великой России с Малую совершилось 8 января 1654 года. Восторг народа и войска не знал пределов. Бояре московские, принявшие присягу от новых подданных царя Алексея Михайловича, посетили Киев, где митрополит Сильвестр Коссов встретил их словами: «Целует вас в лице моем оный благочестивый Владимир, великий князь русский, целует вас апостол Андрей Первозванный, провозвестивший здесь в прежние времена величие славы Божией...Целуем и мы вас со всем освященным собором, и целуя, с любовью взываем: войдите в дом Бога нашего и на месте первейшего благочестия русского пусть с вашим пришествием, как орла юность, обновится наследие благочестивых великих князей русских».

Вслед за присоединением Малороссии неминуемо должна была начаться война с Польшей. И патриарх благословил царя на этот подвиг. Отправляясь в 1654 году в поход, Алексей оставил Никона правителем государства, несмотря на очевидное недовольство родовитых бояр, которые ежедневно являлись к нему с докладами и без него не могли приступить ни к какому делу. Послы от государя спешили к Никону с известиями о взятии городов. В полгода русские овладели Смоленском, Минском, Витебском, со множеством окрестных земель. В 1655 году была взята Вильна с остальными городами Белоруссии. В то же время прошли всю Волынь и Галицию, разбивая поляков. И здесь первыми в победах становились казаки. Польша была доведена до изнеможения и сама предложила перемирие.

В то время как государь находился во главе войска, в Москве открылась моровая язва, перекинувшаяся затем и в другие города. В столице она свирепствовала с такой силой, что там к ноябрю почти не осталось священнослужителей. Патриарх делал все возможное для облегчения бедствий. Особенно заботился он о сохранении оставленной на его попечение царской семьи. Послав наперед приказание в Калязинский монастырь о приготовлении келий, служб и всего нужного к приезду царицы, Никон отправился с семьей царя в Лавру богоносного Сергия, а затем странствовал с нею из монастыря в монастырь, лично наблюдая за безопасностью мест. От имени царицы он рассылал по городам грамоты об употреблении строгих мер предосторожности: пред-

писывая оградить зараженные места крепкими заставами и жечь костры для очищения воздуха.

По возвращении царя с войны, патриарх передал ему в Вязме из рук в руки дорогое им обоим семейство в целости и сохранности, а государь от радости наградил его титулом «великий государь».

Вслед за блистательными победами над Польшей, когда сердца русские наполнились уверенностью, радостью и отвагой, Никон благословил российское воинство и на поход против Швеции, захватившей обширные территории православной России в Ливонии.

Плодом трудов патриарха было и то, что в начале 1656 года молдавский воевода Стефан через послов своих просил русского государя принять его под свое покровительство, как принят гетман Малороссии. И Молдавия была причислена к владениям царя, хотя и не была удержана.

Таким образом, «отец и богомолец царский», патриарх Московский и всея Руси стал ярчайшим и авторитетнейшим выразителем русского взгляда на «симфонию властей» — основополагающую идею православной государственности. В предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 года по его благословению, говорится, что «господь даровал России два великия дара — благочестивого и христоролюбивого великого государя-царя и святейшего патриарха».

Никон был суров и строг — равно к себе и царю — там, где дело касалось духовного здоровья общества, авторитета Церкви и ее способности благотворно влиять на государственные институты России. Казалось бы, ничто не может омрачить дружбы двух «великих государей», действующих сообща на благо своей страны. Но последующие события напрочь опровергли эти радужные предположения.

РАСКОЛ

В исторической оценке минувших эпох людям свойственно проявлять максимализм и нетерпимость. С высоты прошедших столетий все кажется простым и ясным. Склонность поделить людей на «хороших» и «плохих», «наших» и «чужих» оказывается столь силен, что незаметно для себя живую и сложную историческую ткань русской жизни начинают безжалостно кроить и мять в угоду предвзятой, безжизненной схеме. Боль человеческой души, борьба духа с грешными, страстными порывами надшего человеческого бытия, как правило, не принимается во внимание. А ведь взглядываться в прошлое надо непременно с любовью, с сочувствием. Лишь тогда оно откроет свои секреты, увидев в нас друзей и продолжателей, а не прокуроров и судей.

Все это надо обязательно помнить, когда приступаешь к рассмотрению эпох переломных и беспокойных, где живут и действуют такие крупные и своеобразные исторические личности, какими были царь Алексей Михайлович Романов и патриарх Никон. Они воплотили в себе характер и свойства бурного времени уходящей Московской Руси, с ее растущей державной мощью и соблазнами нарушения симфонии властей. Это было время мощного влияния богоборческого Запада на православный народ, основная масса которого оставалась хранительницей древних родных святынь.

Историки часто сетуют на то, что поведение Никона в споре с государственной властью было политически непродуманным, противоречивым и непоследовательным. Не умея объяснить этого в умном и волевом патриархе, они придумали сказку о его «своенравии» и «тяжелом характере». Слов нет, у каждого человека

свои слабости, и Никон тут не исключение, но вся его деятельность была строго последовательна и ясно осознана. В ней со всей полнотой отразилось самосознание Русской церкви, самосознание духовной власти, твердо разумеющей свое высочайшее призвание и величайшую ответственность перед Богом, Церковью, страной и народом.

Раскол, прошедший через души и мировоззрение людей, разорвал былое единство страны и народа, словно пагубное землетрясение, вызванное движением тектонических плит в глубинах земли. Его сила еще долго сотрясала государственные и церковные устои, сея страх и сомнения в правоте «старой» или «новой» веры. И Русь, словно былинный богатырь у придорожного камня, стояла в неведении: в какую сторону идти, чтоб и самой «живу быти и коня не потерять»?

Так что же все-таки стало первопричиной, толчком к тому, чтобы часть верующих в середине XVII века отделилась от господствующей Православной церкви? Причем отошла так шумно и надрывно, что событие это стало отправной точкой духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности.

Непосредственным поводом для Раскола послужила так называемая «книжная справа» — процесс исправления и редактирования богослужебных текстов. Не один историк останавливается в недоумении перед трудным вопросом: как столь ничтожная причина могла породить столь великие следствия, влияние которых мы до сих пор испытываем на себе? Между тем ответ достаточно прост. Беда в том, что его не там искали. Книжная справа была лишь *поводом*, причины же настоящие, серьезные лежали гораздо глубже, коренясь в основах русского религиозного самосознания.

Религиозная жизнь Руси никогда не затаивалась. Обилие живого церковного опыта позволяло благополучно решать самые сложные вопросы в духовной области. Наиболее важными из них общество безоговорочно признавало соблюдение исторической преемственности народной жизни и духовной индивидуальности России, с одной стороны. А с другой — хранение чистоты

вероучений независимо ни от каких особенностей времени и местных обычаев.

Неизменную роль в этом деле играла богослужebная и вероучительная литература. Церковные книги из века в век являлись тем «замесом», который позволял обеспечить непрерывность духовных традиций. Поэтому неудивительно, что по мере формирования единого централизованного Русского государства вопрос о состоянии книгоиздания и пользования духовной литературой превращался в важнейший вопрос церковной и государственной политики.

Еще Иоанн Грозный в 1551 году созвал Собор, на котором собранию русских пастырей предстояло авторитетом своих решений исправить изъяны народной жизни. Рассуждения собора впоследствии разделили на сто глав, откуда и сам он получил название Стоглавого. Предметом его внимания, среди многих других, стал и вопрос о церковных книгах. Собор вменил в обязанность протопопам и благочинным исправлять ошибки, допущенные переписчиками, по хорошим спискам, а книг непересмотренных не пускать в употребление. Тогда же возникло убеждение, что надо завести вместо писцов типографию и печатать книги.

После Стоглава вплоть до половины XVII века дело исправления книг существенных изменений не претерпело. Более того, прежние ошибки при печати становились еще распространеннее и тверже. К тому же выяснилось, что править книги надо не по славянским спискам, а по греческим оригиналам, с которых когда-то делались переводы.

В ноябре 1616 года царским указом поручено было архимандриту Дионисию, священнику Ивану Наседке и канонарху старцу Арсению Глухому заняться исправлением Требника. Справщики собрали необходимую для работы литературу и принялись за дело с живым усердием и должной осмотрительностью. Книгу исправили, но себе на беду. В Москве их огласили еретиками и на соборе 1618 года отлучили от церкви. Пока происходили соборные совещания, Дионисия держали под стражей, а в праздничные дни в кандалах водили по улицам в назидание народу, кричавшему: «Вот еретик!» — и бросавшему в страдальца чем ни попадя.

Восемь лет томился в заточении архимандрит, пока патриарх Филарет не получил в 1626 году письменный отзыв восточных первосвятителей в защиту исправлений, произведенных Дионисием. Как первый дальний еще раскат грома предвещает грядущую бурю, так этот случай с исправлением Требника стал первым провозвестником Раскола. В нем с особой отчетливостью отразились причины надвигающейся драмы.

В 1652 году, когда патриаршество всея Руси принял митрополит Никон, связанный узами личной дружбы с государем, вряд ли кому могло прийти в голову, что его служение будет прервано столь трагическими событиями: Расколом, борьбой за самостоятельность церковной власти, разрывом с царем, соборным судом и ссылкой в дальний монастырь в качестве простого поднадзорного монаха.

Через два года по вступлении на престол первосвятителя России Никон созвал русских архиереев на собор, где была окончательно признана необходимость исправления книг и обрядов. Когда первая часть работы была проделана, патриарх в 1656 году созвал новый собор, на котором вместе с русскими святителями присутствовали и два патриарха: Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил. Собор одобрил новоисправленные книги и повелел по всем церквам вводить их, а старые отбирать и сжигать. — Казалось бы, все происходит в полнейшем соответствии с многовековой церковной практикой, ее традициями и не может вызывать никаких нареканий. Тем не менее именно с этого момента появляются в среде духовенства и народа хулители «новшеств». Тем более, что Никон приводил в соответствие с греческими первоисточниками не только книги, но и все устройство церковное. Став патриархом, он был поражен теми же беспорядками в московских церквах, какие исправлял в прежней своей Новгородской епархии. Кроме того, он был просто поражен здесь иными, более важными разногласиями и неправильностями. Так, литургию, например, совершали то на шести, то на семи просфорах, употребляя при том просфоры с различными печатями. Образ совершения проскомидии (принесение — первая часть литургии. — *Прим. ред.*) во многих церквах был также различен. Вместо того, чтобы для крестного знамения слагать *три* первых

перста, крестились и благословляли *двумя*, неправильно писали святое имя Господа Иисуса. Были и другие различия, а Никон, строгий во всем, не мог смотреть на это равнодушно и решил ввести то единство в богослужении, которым все должно быть запечатлено в Церкви. Он установил партесное пение греческое и киевское, применяясь к древним напевам. Ввел большее разнообразие в иконной живописи, заботился о стройности богослужения, искоренял обычай читать и петь в несколько голосов, когда ничего нельзя было понять...

«Испуганному воображению приверженцев старины, — отмечает историк Сергей Михайлович Соловьев, — сейчас же представились времена, изображенные в Апокалипсисе, представились действия антихриста. Вследствие влияния западнорусской литературы, возникшей во времена унии, явилось представление о трех эпохах: первая эпоха — от падения Рима папского до православия, вторая — отпадение Западной России в унию, третья — отпадение Восточной России от православия вследствие перемен церковных и гражданских. Все эти представления не могли бы иметь, однако, такой силы произвести раскол, если бы все священство, все пастыри церкви по образованию своему сознавали законность перемен и умели истолковать пастве, что перемены суть исправления, возвращение к древней правильности. Но между священниками, даже самыми видными, между монахами, привлекавшими общее внимание подвижничеством, даже среди архиереев нашлись люди, которые взглянули на церковные новизны и исправления как на нарушение истинной веры и, таким образом, дали вождей и опору движению, направленному против преобразований, против науки».

Царю подавали челобитные, умоляя защитить церковь. Про греков, считавшихся источниками «новшеств», говорили, что они под турецким игмом изменили православию и предались латинству. Никона называли изменником, антихристом, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах. В этой ситуации даже сама царица и родственники ее Милославские, родственники государя по матери Стрешневы и все другие приближенные вельможи сделали врагами патриарха. Общество оказалось на грани новой Смуты.

Патриарх принял свои меры. Павел, епископ Коломенский, отказавшийся безоговорочно подписать соборное определение, одобрявшее исправления, был лишен сана и сослан в Палеостровский монастырь. Другие вожди Раскола — князь Львов, протопопы Аввакум и Иоанн Неров также были разсланы по дальним обителям. Кто в Астрахань, кто в Соловецкий монастырь, кто на берега Байкала. Угроза новой Смуты как будто отпала, но молва о наступлении последних времен, о близком конце света, о патриаршей «измене» продолжала будоражить народ. Тем более, что изгнанные из Москвы защитники старопечатных книг, разносили грубые понятия и ложные нарекания свои в земли отдаленные. Туда, где по судебному приговору им предстояло быть в заточении. Наказание их в связи с делом, которое еще только совершалось и которое не было еще широко известно, возбуждало любопытство народа, привлекало многих слушателей. Старообрядцы пользовались своим положением. И не только в Прикаспии, в Сибири или на Белом море, но и в Москве они представляли дело в соответствии со своими понятиями, прибавляя к этому вымыслы и ложь, выставляя себя мучениками за истину, за «старую» веру. И потому неудивительно, что богохульство быстро распространялось по городам и весям России.

К недовольству некоторой части служителей церкви прибавились боярские интриги, на которые при дворе всегда имелись большие мастера. Они сумели внести разлад в отношения царя с патриархом. Государь, искренне любивший первосвятителя, не нашел в себе сил противиться боярскому нажиму, а Никон не считал возможным подстраиваться под интересы знати, жертвуя — хотя бы на время — интересами Церкви.

В 1658 году царю подали очередную жалобу на патриарха. Благовидным предлогом для нее стало обвинение в неприемлемых нововведениях. Говорили, будто патриарх окружил себя недоступным величием, «возлюбил стоять высоко, ездить широко». Это обвинение в посягательстве на права и целостность царской власти стало мощным орудием, с помощью которого недоброжелатели Никона последовательно и терпеливо разрушали его дружбу с царем. Подозрительность и клевета одних, уязвленное самолюбие и неумное тщеславие других, малодушие и неразумие треть-

их делали свое дело. Постепенно отношения Алексея Михайловича со «вторым государем» стали охладевать. Царь отменил некоторые распоряжения патриарха, стал назначать священников без согласования с ним. Наконец, летом того же 1658 года произошел открытый разрыв.

После длительных молитвенных размышлений Никон решил незаконным притязаниям не подчиняться, в открытое противостояние не вступать (дабы не посеять смуты!), рассчитывая на отречение и покаяние со стороны светской власти, оставить кафедру Московского первосвященника и удалиться в подмосковный Воскресенский монастырь.

Смущенный царь желал успокоить Никона, но их примирение никак не входило в планы боярской верхушки. Народ чисто-сердечно плакал, ибо бывали на Руси и раньше случаи оставления престола иерархами, но такого принародного ухода (и сохранения за собой патриаршеского звания без управления делами) не случалось. Никон становился как бы живым укором для тех, кто настраивал царя против первосвященника.

В своих монастырях патриарх устроил житие образцовое и благочинное. Всех странников и богомольцев приказывал поить и кормить по три дня даром, в монахи принимал безвкладно, всем давал платье за счет обители. В праздники всегда трапезовал с братией, сам лично омывал ноги всем богомольцам и заезжим путникам. Былая дружба с царем время от времени давала себя знать, пугая бояр возможностью возвращения Никона. Царь справлялся о его здоровье, попутно просил простить, если была от него святейшему какая-либо «досада». Никон отвечал монарху сердечным посланием. Казалось, отношения снова налаживаются. Но надежде этой не суждено было сбыться.

В 1666 году состоялся соборный суд над Никоном. Он постановил: лишить старца патриаршеского сана и в звании простого монаха отослать на покаяние в Ферапонтов-Белозерский монастырь. Одновременно тот же собор, что осудил Никона, вызвал на свои заседания главных распространителей Раскола, подверг их «мудрствованию» испытанию и проклял как чуждые духовного разума и здравого смысла. Некоторые раскольники покаялись в своих заблуждениях, Другие — остались непримиримыми.

Те, у кого не хватило терпения, смирения и духовного опыта, решили: все, история кончается, Русь гибнет, отдавшись во власть слуг антихристовых! Нет более ни царства с помазанныком Божиим во главе, ни священства, облеченного спасительной силой благодатью. Что остается? — Спасаться в одиночку, бежать, бежать вон из этого безумного мира — в леса, в скиты. Если же найдут — и на то есть средство: запереться в крепком срубе и запалить его изнутри, испепелив в жарком пламени смолистых бревен все мирские печали...

Таким образом, религиозный раскол в русском обществе стал фактом, который еще долго тревожил души верующих и государственную жизнь Руси. Временной промежуток между Смутой и началом Петровских реформ стал эпохой потерянного равновесия, резких характеров и ярких личностей, громких «идеологических» и мировоззренческих споров, небывалых и неслыханных событий, главный вывод которых: все претерпеть, отринуть все соблазны, пережить все душевные бури, лишь бы не отпасть от Церкви, только бы не лишиться ее благодатного покровы и всемогущего заступления. В этом — главный урок, преподанный России тяжелым опытом Раскола.

КАК ОБРЫВАЛИ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

От XVII века стране досталось тяжелое наследие, которое долго преследовало ее в последующие годы. Судорожная эпоха Петра, разметавшая русскую старину в погоне за европейскими новшествами, сменилась господством чреды временщиков, мало любивших Россию и еще меньше понимавших неповторимые особенности ее характера и мировоззрения.

То был век полного переустройства практически во всех областях жизни. В этой погоне за нововведениями были чрезмерные увлечения. Желали освежить религиозную жизнь народа — и ударились в протестантизм. Желали усовершенствовать монашество — и чуть не разрушили его. Но было бы глубоко несправедливо обвинять императора Петра Алексеевича в недостатке любви к России, в отсутствии религиозных чувств. Нет, Россию он любил пламенно и в отношениях с Европой видел лишь орудие для усиления своей державы. «Европа, — писал он, — нужна нам только на несколько десятков лет. А после того мы можем обернуться к ней задом».

Конечно, Петр был русским человеком, причем глубоко верующим, но в его характере, в его необузданной натуре уже не было духа древнего великорусского благочестия. Учившись всему на ходу, он брал от жизни то, в чем видел практическую пользу. Не блеск богослужений церковных, к чему так лежала душа именитых предков по линии династий Рюриков и Романовых, а крепости, войска, флоты, верфи, пушки занимали его воображение. Большинство прежних русских людей, включая и мать Петра — Наталью Кирилловну Нарышкину не решились бы знаться с еретиками-иностранцами, а юный царь, еще будучи отроком, постоянно являлся в Немецкую слободу, куда его влекла иная, неизве-

стная в России жизнь. Здесь он познавал первые уроки по математике и географии, по геометрии и фортификации.

В Измайлове любознательный царевич, забравшись в амбары, увидел необычное судно иностранное. Спросил у голландца Франца Тиммермана: «Что это? Где его употребляют? Чем лучше наших?» Ответ впечатлил: «Бот этот ходит на парусах не только по ветру, но и против него».

«Против ветру?! Быть не может! Надо бы посмотреть». Сыскали голландца Христиана Бранта. Он починил бот, поставил мачту и паруса, и стал лавировать на Язуе, а потом на Просяном пруду. Испросив разрешения у матушки, Петр начал строить корабли сначала на Переяславльском озере, а потом в Архангельске и под Воронежем перед победным походом на Азов. Желание новизны, движения было в нем так велико, так рвалось наружу, что он уже не мог не «ставить паруса» и не мчаться вперед, даже если ветры судьбы дули в иную сторону.

Да, и прежние цари нередко предпринимали преобразования, но делали это в соответствии с неторопливой дворцовой жизнью и своим исключительно церковным образованием. Они в основном писали грамоты, обличая настроения или выставляя новые требования, направленные не столько на нововведения, сколько на сохранение старых обычаев. Новый царь явился человеком, отрешенным от прежнего быта. Это был уже не ученик риторики, как брат его царь Федор, а корабельный плотник, бомбардир, шкипер, капитан. Религиозного воспитания он не получил ни в правилах киевской схоластики, ни в духе великорусского древнего благочестия. Отсюда и светский характер его реформ, и готовность к восприятию новых понятий в религиозной сфере. Таков был Петр, и таким вышел он отчасти благодаря обстоятельствам.

Он вырос в гонении от родных царевен-теток и царевен-сестер, под страшными впечатлениями кровавых стрельцких бунтов, борьбы приверженцев «новой» и «старой» веры. В XVI веке уже был в России самодержец, воспитанный под такими же впечатлениями. Из него вышел Иоанн Грозный. Из Петра выработывался царь, такой же грозный, с такой же всеокрушающей ревностью к своей исключительной власти, но с болезненной не-

навистью к религиозному суеверию и религиозной исключительности. По жизни у этих двух выдающихся личностей были совершенно разные задачи. Петр считал своей целью образовывать русский народ и посредством этого довести его до возможно высшей степени политического и экономического могущества. Причем сделать это стремился максимально быстро, через колено ломая русский самобытный характер. Потому и реформы его приняли крутой, насильственный, а в чем-то даже и жестокий характер.

С давних пор и до наших дней первого российского императора упрекают в увлечении иноземцами, в поклонении Западу, в пренебрежении русской народностью. А это и так, да не так! Ибо всю кипучую энергию, всю жизнь свою он положил на алтарь Отечества. «О Петре ведайте, — говорил он перед Полтавский битвой, — что ему жизнь не дорога — жила бы только Россия во славе и благоденствии». Опережая ритм времени, он и других заставлял с утроенной энергией крутить вместе с ним колесо истории. «Мы по заповеди Божией, — писал он боярину Стрешневу, — к праотцу Адаму в поте лица своего хлеб едим». Вместе с тем, Петр сознавал, что самые упорные труды могут быть неудачны, если не будет на них Божия благословения. На это указывают его слова: «Быть трудолюбивым и честным — вот лучшая политика человека, власть имущего. Приносит она, однако же, мало пользы, если не сопутствует ей благословение Божие».

В великих обстоятельствах своей жизни Петр всегда помнил о воздействии Провидения. Эта идея о воле Божией, всеми управляющей, о необходимости Божьего благословения для успешного труда и ратного подвига пронизывает всю общественную деятельность царя. Так, по случаю взятия Азова, Петр писал своему сподвижнику князю Шереметеву: «Письмо ваше о пресчастливой победе с превеликой радостью приняли и Господа Бога сердечно благодарили. Ибо таковые случаи Ему единому приписывать достоинств». При известии о заключении мира со Швецией Петр сказал: «Никогда такого полезного мира наша Россия не получала. Правда, долго ждали, да дождались. И за все это будем хвалить Бога, всех благ виновника». А после неудачи в сражении с турецкой армией на берегах Прута монарх писал в Се-

нат: «Так воля Божия благоволит, и грехи христианские допустили. Но мню, что праведный Бог может к лучшему сделать».

В трудных для его совести случаях, которые, впрочем, при определенности воззрений Петра, были у него весьма редки, он считал для себя непременною долгом обращаться к свету закона Божия и освещать им свой путь. Таково было дело царевича Алексея, выступившего против реформаторской деятельности отца и бежавшего за границу, но пойманного там и привезенного для суда в Россию. Петр тогда призывал духовных и светских сановников принять участие в разбирательстве этого трудного для его совести дела: «Хотя довольно власти над сыном по божественным и гражданским правам имею, однако ж боюсь Бога, дабы не погрешить. Ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в их. Тако ж и врачи, хотя б и всех искуснее который был, то не отважится свою болезнь сам лечить, но призывает других. Подобным образом сию болезнь вручаем вам, прося лечения оной, боясь вечной смерти...»

Нельзя сказать, чтобы религиозное сознание, внушавшее благоговение к Закону Божию, было у Петра всегда безошибочно. Строгость перевешивала у него милосердие. Да, он молился Богу, по праздникам ходил в церковь и, по живости своего характера, даже пел на клиросе, читал Апостол. Но все же нельзя сказать, что отличался особой набожностью: постничество, многочисленные земные поклоны (чем отличался его батюшка), много свеч, зажженных перед образами, любовь к звонким колоколам — все это ему не нравилось, было не в его духе. Но порой религиозное чувство вспыхивало в нем с силою, искавшей внешнего выражения. Так было, например, после страшной бури на Белом море, когда Петр чуть не погиб. Пристав на яхте к берегу у Петроминского монастыря, царь с усердною благодарственною молитвою поставил крест в память о чудесном спасении.

Надо сказать, что далеко не все иерархи Православной церкви сочувствовали и, тем более, помогали царю в деле укрепления российской государственности. Большинство высшего духовенства отделялось молчанием. И только весьма немногие из них, такие как Афанасий Холмогорский и Тихон Казанский, помогали монарху. В особенности пользовались его уважением

два современных ему святителя: Иов, митрополит Новгородский и святой Митрофан, первый епископ Воронежский. Иов возвеличил свое имя тем, что в своей епархии открыл два училища для образования достойных священников. А через их выпускников митрополит завел потом до четырнадцати русских школ по уездным городам и монастырям. На иждивении своих вотчинных доходов Иов содержал три больницы и дом для незаконно-рожденных и подкидышей, которых называл своими «найденщиками».

Святой Митрофан знаменит был не школьною ученостью, а святостью жизни своей и содействием Петру в его добрых начинаниях. Когда царь готовился ко второму походу на Азов против турок и строил на воронежской верфи корабли, святитель Божий старался помочь ему не только молитвой и пастырским словом. Было время — из-за отсутствия средств работа на верфи приостановилась. И тогда Митрофан, собрав все деньги, что были у него при кафедре, принес их государю и сказал: *«Всякий сын отечества должен помогать нужде государственной. Прими же, государь, от моих издержек оставшиеся деньги и употреби их против неверных»*. И в последующее время святой Митрофан жертвовал свое достояние на нужды государства.

Со своей стороны, царь-преобразователь, не уступая никому и ни для чего своих нововведений, сделал однажды уступку только для святителя Воронежского. Случилось это в тот год, когда Петр для надзора за постройкой военного флота проживал в Воронеже. Вблизи адмиралтейства стоял его дворец. По обычаю иноземному здание было украшено изваяниями языческих богов. Как-то раз самодержец пригласил к себе святителя. Старец перешел уже мост и вступил на остров реки Воронеж, как увидел изваяния языческие у ворот дворца. Он возмутился и вернулся в свои кельи. Государь, которому сказали, что архиерей был у дворца, но ушел, оскорбился и велел звать святого отца повторно. Архипастырь ответил послу: *«Пока государь не повелит низвергнуть идолов, которые соблазняют народ, не могу явиться во дворец пред царские очи»*. Услышав такое, Петр пришел в негодование и ярость: *«Как смеет, — кричал он, — не слушаться царской власти?!»*. И опять послал сказать святителю, что если тот не

явится сейчас же, то, как преступник царской воли, подвергнется казни. «Жизнь моя во власти царя, — отвечал архиерей, — но для меня лучше умереть, чем нарушить долг святительского сана моего. Лучше умереть, чем присутствием своим или боязливым молчанием одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить языческие болваны и тем соблазнять простые сердца народа».

Гнев Петра, между тем, несколько остыл, а святой Митрофан, зная горячность и строгость Петра, спешил приготовить душу свою к вечности. Он распорядился, чтобы благовестили к всеобщему бдению в большой колокол. Государь, услышав благовест, спросил: «Что за праздник завтра?» Ему отвечали, что нет никакого. Он послал спросить у архиерея. Тот ответил посланному: «Мне, как преступнику, словом царским назначена смерть. Готовясь к смерти, хочу я совершить соборное моление с церковью о прощении грехов моих, чтобы Господь явил надо мною милость свою». Петр изумился решимости святителя умереть, но не изменить Вере и делу Божию. Он тут же послал успокоить Митрофана и просил не тревожить народ необычайным звоном. Затем немедленно приказал снять статуи, оскорбившие пастыря, совершившего свой исповеднический подвиг.

Последний раз их встреча состоялась осенью 1703 года. Узнав, что блаженный старец болен, Петр выехал в Воронеж и застал его уже отходящим к Господу. Сохранилось предание, что царь плакал и лобызал руки больного, оставаясь при нем неотлучно до самой кончины. Петр нес гроб до могилы, а потом сказал окружающим: «Не осталось более у меня такого святого старца».

Но так бывало далеко не всегда. Человек страстного характера, Петр свое небрежение к набожности древнерусского склада, нередко выражал в формах чересчур резких, иногда непристойных и даже кощунственных. Однажды в дни веселья, он учредил «всешутейный и всепьянейший собор», во главе которого поставил пьяницу Никиту Зотова с титулом патриарха Иренбургского, яузского и всего Кокуя. Членам этой шутовской компании были розданы имена диаконов, а сам царь принял на себя должность протодиакона. Такие поступки, а также брадобритие, не-

мецкое платье, празднование нового года 1 января (а не 1 сентября), украшение елок, европейские танцы и заграничный этикет восстанавливали почитателей старины против царя-преобразователя. А преследуемые им раскольники «староверы» принимали его за антихриста.

К чувству оскорбленного национального достоинства, раздраженного и задетого неуместными придатками преобразований Петра, присоединилась и великая экономическая тягота, так как реформы, особенно военная их часть, требовали громадных расходов. Дорого стало русскому народу и построение Петербурга, к которому сгоняли со всей страны плотников, каменщиков, кирпичников, столяров, кузнецов, печатников. Поборы натурою были постоянно. Требовали лошадей, рекрутов и денег, денег, денег для войн, для строительства кораблей, дорог, крепостей. В скорости, с какой Петр преобразовывал Россию, было что-то непосильное для народа, который напрягался из последних сил.

Конечно, царь сознавал причину недовольства и глубоко страдал, видя непонимание своих устремлений, своей жажды быстро, гигантскими шагами двинуть страну вперед. И особенно тяжело ему было видеть несочувствие себе в лицах, стоявших на высоте, всеми видных, задававших общий тон. И первым из таких лиц был патриарх Андриан, который сначала резко высказался против иноземных обычаев и нововведений, а потом замолчал и даже вовсе уехал из Москвы в Перервинский монастырь. Патриарх не мешал реформам, но Петру этого было мало. А когда в октябре 1700 года Андриан скончался, царь решил повременить с избранием нового патриарха. С этого времени начался целый ряд перемен в иерархическом строе Русской церкви. Это был и первый шаг к отмене патриаршества в России.

Говоря о сподвижниках Петра, никак нельзя умолчать Феофане Прокоповиче — личности как выдающейся, так и противоречивой. Он был сыном киевского мещанина, но воспитывался сначала в семье своего дяди, иеромонаха Феофана Прокоповича, а по его смерти был взят в дом киевского мещанина, имя которого осталось неизвестным. Семнадцати лет от роду Элеазар Прокопович уже окончил полный курс академических наук, но жаж-

да дальнейших знаний привела его в Литву, где он назвался униатом и вступил в братство витебского базилианского монастыря под именем Елисея. Блистательные успехи в училище скоро сделали из ученика учителя поэзии и риторики. А еще через некоторое время Прокоповича направили в Римскую академию для изучения философских и богословских наук. Три года пробыл он там, но, боясь разоблачения, мнимый Елисей бежал через Венецию Австрию и Польшу. Прибыв в Почаевский православный монастырь, принял монашество и переименовался в Самуила.

Спустя некоторое время Прокопович был приглашен в Киев, где стал в академии учителем пиитики. В следующем году в память своего дяди он принял имя Феофана. Этот святой отец обратил на себя внимание Петра I приветственным словом в Софийской церкви, когда царь в июле 1706 года приехал в Киев. Через десять лет, будучи ректором академии, Феофан был приглашен в Петербург, где постоянно говорил проповеди, объясняя слушателям политические события и планы Петра, которые он целиком и полностью в этих проповедях одобрял.

В столице Прокопович положил основание новой школе проповедников, заключавшей в себе возможность уклонения в протестантскую односторонность. Он допускал совершенно свободное изъяснение текстов Писания, без авторитета отцов Церкви и, вместе с тем, сильно восставал против влияния католических преданий и ревностно трудился над их искоренением. «Гибкость» Феофановой совести и свободное участие его в пиршествах с иностранцами не могли нравиться иерархам Церкви. Как-то Петру донесли на дурную жизнь Феофана и государь, любивший лично проверять доносы, заехал к Прокоповичу в полночь и застал его среди веселой пирушки. Феофан, увидев царя, не смутился и, поднимая кубок, зашел: «Се жених грядет в полунощи». Это остроумие пришлось по душе Петру Алексевичу, и он принял участие в пире.

Своей властью император сделал Феофана сначала Псковским епископом, а затем и вообще своею правой рукой, более министром, чем святителем Церкви.

По кончине Петра, и особенно при Бироне, Феофан стоял во главе церковного управления и действовал самовластно, нис-

колько не обуздывая страстей своих и мстительности против тех, кто прежде противодействовал ему. Хитрый и дальновидный, он умел устоять и удержать свое влияние в ту страшную пору, когда знатнейшие деятели на поприще политическом кончали жизнь свою в снегах Сибири, когда от пыток и телесных наказаний не избавляли ни личные достоинства, ни высокий сан.

Но все это случилось уже после смерти самодержца, церковная реформа которого стала отправной точкой многих пагубных процессов, завершившихся двумя столетиями позже крахом тысячелетнего русского православного государства. «Петр сам хотел разрыва, — справедливо замечает протоиерей Георгий Флоровский в своем известном исследовании «Пути русского богословия». — У него была психология революционера. Он хотел, чтобы все обновилось и переменялось до неузнаваемости. Он сам привык и других приучал думать о настоящем в противопоставлении прошлому. Он создавал и воспитывал психологию переворота. Именно с Петра начинается великий и подлинный русский раскол... Происходит некая поляризация душевного бытия России. Русская душа раздваивается в напряжении между двумя средоточиями жизни, церковным и мирским. Петровская реформа означала сдвиг и даже надрыв в душевных глубинах...

Изменяется самочувствие и самоопределение власти. Государственная власть самоутверждается в своем самодавлении... И во имя своего первенства не только требует от Церкви повиновения и подчинения, но и стремится как-то вобрать и включить Церковь внутрь себя, ввести ее в состав государственного строя и порядка. Государство отрицает независимость церковных прав и полномочий. Государство утверждает себя самое, как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всякого законодательства, всякой деятельности или творчества.

Все должно стать и быть государственным. У Церкви не остается и не оставляется независимого круга дел, — ибо государство все дела считает своими».

Такое тоталитарное мировоззрение появилось, конечно, не сразу и не вдруг. Исторические корни его лежат в эпохе Реформации, когда «обмирщение» сознания достигло на Западе критической величины. В результате и у части российского правящего

класса, заразившегося модной западной болезнью, потускнело и выветрилось мистическое чувство церковности как благодатного духовного единства.

Мало помалу множилось число «просвещенных» вольнодумцев, привыкших на свою беду, видеть в Церкви лишь одно из общественных учреждений, которое занято рутинной «организацией» нравственной и религиозной жизни народа. С такой точки зрения совершенно недоступным для понимания «рационалистов» стало благодатное качество соборности, примитивно сведенное ими к убогой и ущербной «коллегальности». К сожалению, именно этот взгляд на церковно-государственные отношения был положен в основу политики Петра и торжественно провозглашен в «Духовном Регламенте», который написал Феофан Прокопович. По замыслу царя этот документ должен был стать главным руководством к церковной реформе, но стал на деле программой и манифестом еретической протестантской Реформации в России.

По воле царя, в 1720 году был собран Собор пастырей Церкви Русской. Под председательством самого Петра это высокое собрание решило поручить управление Церковью, вместо патриарха, постоянному духовному Собору, который назывался сначала духовною коллегией, а потом получил наименование «святейшего Правительствующего Всероссийского Синода»

МАЯТНИК СУДЬБЫ

Петр Великий не оставил своим преемникам сколько-нибудь стройной системы державного обустройства земли Русской. Разрушено было больше, чем создано. Тем более, что многочисленные новации «царя-плотника» далеко не всегда оказывались жизнеспособными и часто умирали, едва успев родиться. Среди наиболее явных недостатков государственного управления выделялось отсутствие института, аналогичного Земскому собору, инструмента, который помогал бы самодержцу ощутить острейшие народные нужды, знать «из первых рук» о том, что тревожит его многочисленных подданных.

Этот невосполнимый пробел обнаружился сразу же после смерти Петра. С его уходом страна напоминала плот, крутящийся в водоворотах норовистой реки. Никто не знал, к какому берегу его прибьет и чей, собственно, будет это берег. Многие люди тогда говорили, что все петровские преобразования держатся лишь на воле царя, а в дальнейшем эти нововведения разрушатся сами собой, и восстановится прежний порядок вещей. И в самой России и в Западной Европе с интересом смотрели: куда качнется маятник истории? Кто будет преемником императора: его жена Екатерина или малолетний наследник престола, великий князь Петр Алексеевич? За него был не только простой народ, но и представители знати. Все те, кто надеялся отстранить ненавистную толпу выскочек во главе с Меншиковым. А те, прекрасно понимая, что их может ждать впереди, быстро сгруппировались вокруг Екатерины и объявили ее императрицей, заручившись поддержкой гвардии, предварительно выплатив ей жалованье сразу за полтора года. «Но знаменитая ливонская пленница, — отмечал С.М. Соловьев, — принадлежала к числу тех людей, которые кажутся способными к правлению, пока не принимают правле-

ния. При Петре она светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, спутницей которого она была. У нее доставало умения держать себя на известной высоте, обнаруживать внимание и сочувствие к происходившему около нее движению. Она была посвящена во все тайны, тайны личных отношений окружающих людей. Ее положение, страх за будущее держали ее умственные и нравственные силы в постоянном и сильном напряжении. Но вьющееся растение достигало высоты благодаря только тому великану лесов, вокруг которого обвивалось». А между тем жизнь ставила перед императрицей массу вопросов, которые надо было решать безотлагательно. Среди них — проблема сокращения подушной подати, которую уже не выдерживало население. Крестьянский вопрос был тесно связан с финансовым, так как серьезно грозил убылью доходов и, следовательно, требовалось сокращать расходы на армию, на содержание государственного аппарата, на строительство флота. К тому же ревизии, проведенные на местах, ошеломили величиной казнокрадства и взяточничества со стороны чиновников, кормившихся за счет народа. Это было зло, от которого страдала еще Древняя Русь.

Верховный тайный совет, учрежденный при Екатерине, обсудил и поправку денежного дела, решив с величайшей осторожностью опять начать чеканить медные пятикопеечные монеты, но так, чтобы об этом до поры до времени ничего «не узнали в других государствах и никакого предосудительного для России рассуждения не имели». Сенат представил проект решения «о необходимости допустить в компанию к русским корабельным компанейщикам иностранца Борста для содержания порядочной конторы и заморской корреспонденции». Тогда же решался вопрос о посылке 15 000 солдат для окончания строительства Ладожского канала, начатого во времена Петра I.

Удивительное дело! Минуют века, приходят и уходят люди, развивается технический прогресс, а коренные проблемы страны, по сути, не меняются. Та же бедность населения, то же казнокрадство, воровство. Та же коррупция, взяточничество и бессовестное давление «аппарата управления». То же

заискивание перед иностранцами, которые и по сей день сидят «советниками» у министров российского правительства. Ничего не изменилось за три столетия со стороны верховной власти и в отношении людей, работающих на благо отечества. Историк свидетельствует: «Знаменитый начальник олонецких, а потом и сибирских заводов Геннин приехал в Петербург и был оскорблен оказанным ему невниманием. «Я вынужден напомнить вам, — писал он секретарю императрицы, — что мне стыдно так здесь шататься за мою государству радетельную через 26 лет службу. Я обруган и обижен, мой чин генерал-майорский в Военной коллегии и в артиллерии не вспоминается, не числится. Живу без жалования и не знаю: откуда получать, чем питаться в таком дорогом месте, ежели долго волочиться за резолюцией. И понеже я истинно признаю, что от моих сильных недругов принужден я терпеть печаль и ругательство, разве за то, что я его величеству верно радел...»

Надеюсь, что бог и всемилостивейшая государыня императрица не оставит меня в моем прошении...»

Думаете, помогли? Как бы не так! А ведь сколько подобных прошений приходило и оставалось лежать безо всякого на то удовлетворения в канцеляриях воевод, губернаторов, премьер-министров, царей и нынешних российских президентов, столоначальникам которых как-то невдомек, что за каждым таким письмом стоит чья-то жизнь, чья-то боль, чья-то история. Да, именно история, потому что она обозначена не только датами войн и походов вождей, их династических браков и колокольным звоном по случаю рождения наследников. История — это жизнь народа, где важно все — и мысли, и дела, и быт, и культура, и традиции. И даже то, что в это время люди ели и пили, какие платья и сапоги носили, как дома и города строили, чем землю пахали, чьи книги читали и о чем песни пели. И подобно тому, как из мелких фрагментов смальты составляют мозаичное полотно, так и история народа непременно должна включать в себя все, что было, — и хорошее, и плохое. Без этого многоцветная картина эпохи будет выглядеть неполной.

Программа петровских преобразований без самого императора показалась его бывшим сподвижникам слишком многогранной обширной, и неподъемной. И они не раз отступали от нее. К счастью, не отступили от программы относительно нравственных средств народа, которые находились еще в зародыше, но обещали хотя и медленное, но все-таки движение вперед. Так обстояли дела и в сфере развития (как бы сказали сегодня) средств массовой информации. Известно, что при Петре стала выходить газета «Ведомости», в которой печаталось все «надлежащее к ведению народному». Информация для этого должна была поступать в типографию из всех коллегий и канцелярий. Когда царь умер, то чиновники сочли излишним делать хлопотную работу и прекратили ее. Однако императрица Екатерина, узнав об этом, снова приказала доставлять информацию, объявив в указе, что доставление это прекратилось невежливо для чего.

В декабре 1725 года была исполнена идея Петра об учреждении Академии наук, президентом которой назначили лейб-медика Блюментроста. Школы, находившиеся прежде под надзором различных ведомств, для лучшей организации учебного процесса и сокращения расходов препоручили Синоду. Верховный тайный совет в это же время командировал Татищева в Швецию не только наблюдать за горным делом и политическим состоянием страны, но и для сбора материалов по русской истории. «Ежели б я деньги имел, — писал он оттуда, — то б и все здешние до российской истории касающиеся книги купил, на которые надобно до 100 червоных, и ежели б занять мог, то б не жалел, ибо многое нам неизвестное в древности здесь находится».

Татищев с большим старанием собирал книги и рукописи за границей, а в самой России заботились о написании подробной истории Петра Великого, об организации архивного дела. Вотчинной коллегии было приказано все имеющиеся государственные документы переписать в специальные тетради и «переплесть их в дестевые книги и впредь более никуда из государственного архива не брать, а содержать их в сохранном сухом месте».

Хотели, как отмечали современники, «поддержать начатки распространения образования» с помощью печатных изданий и книг. Для этого нужно было позаботиться о типографии, которая

больше других учреждений терпела недостаток в деньгах из-за того, что многие тогда еще смотрели на нее как на заведение вовсе не нужное. В начале царствования Екатерины I директор типографии Михайла Аврамов доносил, что типографским служителям вместо денег заплатили казенными товарами — приказным камками (*тканью для переплета. — Прим. ред.*), а мастеровым людям — книгами, и то за вычетом четвертой части. Бумаги и прочих припасов купить не на что, отчего типография пришла в очень худое состояние. Люди терпят несносную нужду, платьем и обувью весьма обносились, вследствие чего и на работу им впредь ходить будет невозможно».

Петербург — новая столица, основанная Петром, несмотря на неблагоприятные климатические условия, в XVIII веке отличалась чистотой воздуха «вследствие незначительности народонаселения и лучшего, чем в Москве соблюдения полицейских правил».

Заботилось правительство и об исправлении грубости нравов, замеченных среди низших городских слоев. В июле 1726 года был издан специальный указ ее императорского величества, в котором, «дабы прекратить многочисленные убийства и увечья», запрещались кулачные бои в Петербурге без дозволения главной полицейской канцелярии.

Таким образом, можно сказать, что реформы, начатые Петром, после его смерти не погибли. Они продолжились, хотя, конечно, значительно потеряли в скорости, которую прежде придавал им сам император. Однако и это неспешное движение, скорее по инерции, чем по уму, продолжалось недолго. С приходом на русский престол герцогини Курляндской Анны Иоанновны и ее фаворита герцога Курляндского Эрнста Бирона маятник истории резко качнулся в противоположную сторону. Началось десятилетие реакционного режима, получившего название «бироновщина», когда все русское отвергалось и запрещалось. Началось засилие иностранцев, разграбление страны, ширилась всеобщая подозрительность и шпионаж. Это было время особо благоприятное для разного рода интриг, доносов и жестокого преследования недовольных властью.

Император Петр I (при его неоднозначном отношении к традициям веры отцов) был, вместе с тем, строг к иностранцам,

желавшим распространять свои учения в России. За соращение православных в иную веру при нем была установлена смертная казнь. Совсем не то стало при Бироне.

Архиепископ Тверской Феофилакт для предохранения православных от протестантской пропаганды решил издать сочинение Стефана Яворского под названием *«Камень веры»*. Успех его у русского читателя был огромен. Начиная с 1728 года, книга выдержала подряд три издания. Достоинства ее доказываются и той ненавистью, которую она вызвала у протестантов. В Первопрестольной было написано и издано *«Послание против Стефана Яворского к другу в Москве»*. Феофилакт написал *«Ответ на послание»*, защищая *«Камень веры»*. Императрица разрешила его издать, но вдруг архиепископу было объявлено: не только не издавать этого возражения, но и под страхом смерти вообще не говорить о нем. Защитникам православия попросту закрыли рот, а, между тем, нападки протестантов продолжались беспрепятственно. По требованию весильного Бирона *«Камень веры»* был запрещен, и оставшиеся экземпляры его конфискованы. Феофилакту сначала исключили из состава членов Святейшего Синода, а затем вызвали в Тайную канцелярию. Были подготовлены *«доказки»*, обвинявшие его в оскорблении Величеств. Три раза подымали архиепископа на дыбу, били батогами. Три года содержали его под тайным караулом на подворье, лишили сана, монашества и бросили в Петропавловскую крепость. Так сводили счеты иностранцы при дворе императрицы с хранителями русской веры.

После свержения Бирона правительница Анна подписала указ *«снова признать Феофилакту в сане архиепископа»*. Петербургский архиепископ Амвросий перевез его из каземата в свой дом, где собрались члены Синода и где ему, уже недвижимому, был объявлен указ, восстанавливающий его в прежнем достоинстве. Все рыдали.

Здесь же мученика за православную веру посетила цесаревна Елизавета. Она спросила его: *«Знаете ли вы меня?»* *«Знаю, что ты искра великого Петра»*, — отвечал он. Цесаревна отвернулась, заплакала и дала деньги на лечение негнибавшего архиепископа. Когда Феофилакт почил, она уже стала императрицей России.

«РЕБЯТА, СТУПАЙТЕ ЗА МНОЮ!»

Воцарение Елизаветы Петровны русский народ воспринял с величайшей радостью и надеждой. И действительно, после владычества немцев при дворе стали видны почти исключительно русские люди. За 20 лет правления дочери Петра Россия, не смущаемая никакими заграничными влияниями и прогрессами, отдохнула, наконец, от всех пережитых ею тягот. И русское общество и Русская православная церковь узнали спокойные дни.

Надо сказать, что Елизавета отличалась набожностью, которая во многом объяснялась жизненными обстоятельствами. Ее положение при Анне Иоановне было крайне щекотливо. Императрица, очень ревнивая к своей власти и желавшая оставить престол потомству своей сестры Екатерины Мекленбургской, не могла сочувственно относиться к своей двоюродной племяннице, полной жизни и обаяния, привлекательной и легко располагающей к себе. Малейшая неосторожность — и Елизавете угрожало невольное пострижение и заточение в монастырь.

От постоянного страха за себя, за своих родственников и приближенных, она, несмотря на свою страсть к увеселениям, балам, спектаклям и нарядам, нашла утешение в чувствах религиозных. Цесаревна была по-настоящему предана Церкви и всем ее обрядам, как и любая русская девушка того времени. Она довольно часто ездила в Александровскую слободу, где когда-то жил Иван Грозный и где иночествовала одна из ее теток, интересовалась внутренним бытом монастырей, вникала в назначение настоятелей, пешком ходила из Москвы на богомолье к Троице.

Вместе с тем в ней текла кровь ее могучего отца, и потому со всей решимостью в ночь на 25 ноября 1741 года Елизавета,

заручившись поддержкой части гвардии и, надев доспехи прямо на обычное платье, явилась в казармы Преображенского полка. «Ребята! — сказала она гренадерам. — Вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною!» Потом взяла крест, встала на колени, а за нею и все присутствующие встали на колени. Цесаревна посмотрела на солдат и офицеров: «Клянусь умереть за вас. Клянётесь ли вы умереть за меня?» — «Клянемся!» прогремела толпа. «Так пойдемте же, — приказала Елизавета, — и будем только думать о том, чтоб сделать наше отечество счастливым во что бы то ни стало».

Приехав в Зимний дворец, она обратилась к караульным: «Друзья мои, хотите ли вы мне служить, как служили отцу моему? Самим вам известно, каких я натерпелась нужд и теперь терплю, и народ весь терпит от немцев. Освободимся от наших мучителей» — Магушка, — отвечали солдаты, — да мы этого давно дожидались, и что велишь, все сделаем!»

Весть об аресте Остермана, Миниха, Левенвольда и о воцарении на престоле дочери Петра Великого моментально разнеслась по Петербургу. Несмотря на то, что ночь была темная и морозная, улицы быстро наполнились народом. Полки гвардии шеренгами стояли неподалеку от дворца. Солдаты раскладывали костры для обогрева. Знакомые и даже незнакомые люди, пренебрегая этикетом, на радостях обнимали и целовали друг друга. Кто-то потчевал вином, кто-то шутил. И среди этого шума и ликования раздавались частые здравицы в честь русской императрицы Елизаветы Петровны.

Переворот 25 ноября произвел новизну в правительственных кругах, где на первые роли выдвинулись братья Бестужевы, князь Никита Трубецкой и самый близкий императрице человек, граф Алексей Разумовский, возведенный ею на вершину государственной власти из придворных певчих.

Не имея блестящих способностей, образования, опытности и привычки к делам государственным, Елизавета не могла иметь самостоятельных мнений и взглядов. Она выслушивала своих министров и канцлера, день ото дня меняя свое мнение, чем приводила в раздражение людей, желавших, чтобы именно их мнение восторжествовало. При чем как можно быстрее.

Из ссылок стали возвращать людей, невинно пострадавших от прежней власти, возобновили, как было при Петре, Берг- и Мануфактур-коллегии, а также Главный магистрат, учрежденный преобразователем для «собрания рассыпанной храмины». При всей своей неопытности в государственных делах, новая императрица, однако, хорошо понимала экономический интерес и из-за этого нередко отступала от отцовских нововведений. И только там, где дело шло о религиозном интересе, Елизавету нельзя было соблазнить никакими выгодами. Когда Сенат подал ей доклад о том, что от ее указа о недопущении жидов в империю торговля на уменьшение пошла, а с нею и казна потерпела большой ущерб, императрица наложила резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли».

Для увеличения доходов сочли нужным устроить особое управление казенными рыбными промыслами на Нижней Волге, выделив для этого из казны 55 тысяч рублей.

Для россиян, живущих в XXI веке, которым иностранные советчики и их друзья-экономисты внутри страны все уши прожужжали о том, что только частные фирмы и компании могут быть рентабельными, должен быть интересен тот факт, что правительство императрицы Елизаветы Петровны еще в середине XVIII столетия «приходило к печальному убеждению, что в некоторых отраслях промышленности передача казенных заводов в частные руки повредила производству». Мудро сочетая пропорции, наши предки специальными указами и государственными дотациями поддерживали как государственные, так и частные компании, обещавшими и приносящими хорошую прибыль государству, торгуя своими товарами не только на родине, но и за границей. Императрица, в отличие от нынешних апологетов «свободного рынка», не чуждалась государственного регулирования цен и в Сенате приказывала Коммерц-коллегии рассматривать вопросы роста цен на те или иные товары.

«Царствование Елизаветы Петровны, — подчеркивал в своем фундаментальном исследовании С.М. Соловьев, — оставило в

народе приятное воспоминание, несмотря на то, что за ним почти непосредственно следовало блестящее екатерининское время. Этому, разумеется, содействовало печальной памяти предшествовавшее царствование Анны, бироновщина и слабое, бестолковое правление Анны Леопольдовны, не давшее обеспечения ни в чем. Елизавета подняла славное знамя отца своего и успокоила оскорбленное народное чувство ясным для всех стремлением неуклонно следовать главному и самому важному для народа правилу — нисколько не ослабляя связей с Западной Европою, давать первенствующее значение русским людям, в их руках держать судьбу государства».

ИМПЕРИЯ И ЗЕМСТВО

Говоря об истории России, никак нельзя обойти вопроса об эпохе земских соборов, которая хотя и заняла по арифметическим подсчетам менее полутора столетий, но сыграла при этом особо выдающуюся роль в жизни страны. Тем более, что это явление никак нельзя ограничить временными рамками от самого первого Собора, созванного царем Иоанном в 1550 году и до последнего, в 1689 году, Петровского, призванного осудить царевну Софью. Являясь одним из основополагающих свойств нашего национального бытия, *русская соборность* в разных формах, разными путями и с разной степенью интенсивности определяла его течение неотступно на протяжении всей истории Руси, с момента крещения и до наших дней.

«Золотой век» земских соборов пришелся на время царствования Михаила Федоровича — первого русского царя из рода Романовых. А со второй половины XVII столетия их деятельность потихоньку стала затихать. Собор 1653 года, где принималось историческое решение о присоединении Малороссии к России, по мнению части ученых, явился последним Земским собором, где в полной мере были представлены все сословия, где обсуждались вопросы действительно общегосударственной важности. Всего же общее число земских соборов, заседавших на Руси, превышает три десятка, и лишь эпоха обвальных Петровских реформ окончательно подвела черту под их законотворческой деятельностью. Между прочим, и сам Петр (еще в десятилетнем возрасте) был избран на царство именно Земским собором в 1682 году.

О причинах упадка соборного управления среди ученых до сих пор единого мнения нет. Одни считают, что это произошло в конце XVII — в начале XVIII веков из-за отмирания этого госу-

дарственного института, жизнеспособного лишь во времена смут и слабости державы. Но это верно лишь отчасти, хотя надо признать, что пик соборной активности действительно приходится на время крутых боярских междоусобиц, когда необходимо было ликвидировать их тяжкие последствия.

Но все же их роль была значительно шире. Нельзя забывать, что эпоха земских соборов есть одновременно эпоха напряженного державного строительства на Руси, эпоха ее активного геополитического становления, в результате которого Великое княжество Московское из татарского данника превратилось в крупнейшую империю мира. И в том, что это произошло, несмотря на все препятствия и противодействия, — несомненно и заслуга земских соборов.

Другие историки утверждали, что земские соборы стали уникальным по своей эффективности инструментом становления общенационального нравственно-религиозного единства, важнейшим орудием его защиты и гарантом тесной связи верховной власти с народом, гарантом того, что важнейшие народные нужды станут одновременно и важнейшими приоритетами государственной политики, главными заветами русского православного царя. В соответствии с такой точкой зрения, ликвидация Петром этой самобытной государственной структуры знаменовала собой разрыв с живой народной традицией, отход от исконного «русского пути развития» и ставила московское самодержавие на путь превращения в «петербургский абсолютизм», выстроенный по чужому, западноевропейскому образцу.

В такой точке зрения, несомненно, много правды. И все же представляется, что истина где-то посередине.

С одной стороны, соборы, сыгравшие решающую роль в бурных событиях XVII столетия, стали для Российской империи слишком медлительными и неповоротливыми. Московская старина, дышавшая в них, любила последовательность и постепенность, плохо сочетаясь с возросшим темпом жизни, быстро и неожиданно ставящей перед русской государственной властью все новые и новые задачи. Кроме того, в условиях стабильности потребность в соборном разрешении многих проблем сама по себе отпадала. В рабочем порядке такие дела решались и скорее, и проще.

Но, с другой стороны, все эти недостатки относились лишь к внешней, организационной форме земских соборов в том виде, в каком она сложилась за время их активной деятельности. Они ни в коей мере не затрагивали благотворную сущность христианской соборности, не касались ее духовного, мистического основания. Русское народное представительство, столь ярко и действенно явившее себя под покровом благодатного соборного начала, нуждалось, возможно, в некоторых внешних исправлениях и поправках. Но его полное упразднение стало одной из тех роковых ошибок, которые предопределили беспрецедентную трагичность русской истории, распад российской православной государственности и нашу нынешнюю разруху...

Надо, однако, ясно понимать, что упразднение земских соборов как таковых вовсе не оборвало саму соборную традицию русской жизни. В зависимости от исторических обстоятельств может исчезнуть тот или иной государственный институт, но никакими силами нельзя изменить многовековую преемственность исторического бытия многомиллионного народа, основополагающие принципы его общественной самоорганизации. Да, земские соборы исчезли, но соборный идеал, родившийся в глубинах нравственно-религиозной жизни Руси, остался. Остался, как единственный способ достичь извечной цели стремлений русского человека — «смирить всех в любовь», достичь «единства в многообразии».

Соборность, как идеал русского державного бытия и как неустранимый факт реальной жизни народа, диктовала условия даже такому радикальному реформатору, каким был Петр Великий. Государь, который «уздой железной Россию вздернул на дыбы», хотя и находился под мощным влиянием европейской культуры, но так и не смог до конца порвать с традиционной основой самоорганизации российского общества.

Будучи по широте натуры и образу чувств подлинно русским человеком, Петр не мог не видеть положительных сторон соборного строя и понимал силу его благотворного влияния на систему государственного управления. Но европейское умственное иго привело к тому, что преобразователь России попытался, по образцу «просвещенной» Европы, заменить соборность коллегияльностью.

При некотором внешнем сходстве внутреннее содержание двух этих форм общественной самоорганизации совершенно различно. Если соборность предполагает в качестве своей необходимой основы наличие органической общности мировоззрения, то коллегиальность являет собой простое «механическое», внешнее сотрудничество.

Если соборность предусматривает нравственную цельность и монолитность соборян, которая одна лишь делает возможным доверие нации к самодержавному монарху, дает ощущение гражданского долга как религиозного переживания, то коллегиальность, напротив, представляет собой систему тотального недоверия. В основе такой рационалистической системы лежит убеждение в том, что все люди по природе своей недобросовестны и лишь взаимный контроль членов коллегии друг над другом позволяет избежать печальных последствий людских пороков и страстей.

В области государственного управления (да и не только в ней) есть вопросы, которые лучше всего решать коллегиальным путем. И потому не следует огульно отрицать целесообразность коллегий как одного из инструментов государственной власти. И все же надо ясно видеть, как ограничены возможности коллегиального принципа там, где ситуация требует не рутинной, механической работы, а душевного труда и сердечной зрелости. Недаром (практически сразу после смерти Петра и едва ли не до конца XVIII века) одна за другой предпринимались безуспешные попытки разработать и принять новое Уложение, новый Основной Закон государства, который мог бы заменить «устаревшее» Соборное уложение 1649 года. С этой целью неоднократно пытались созвать представительную комиссию, где были бы отражены интересы всех сословий. Однако чиновничьи бюрократические методы всякий раз приводили к тому, что собрать требуемое число делегатов не удавалось, а если, наконец, это все же получалось, то очередной дворцовый переворот сводил на нет все предыдущие труды. Выборы новых делегатов на местах проводили спустя рукава. Уже выбранных посылали в столицу неохотно. И в результате ни одна комиссия даже не приступила к работе.

Так продолжалось до Екатерины Великой, которая не замедлила воспользоваться внутривластной стабильностью, чтобы

в очередной раз попытаться восстановить разрушенную связь между престолом и широкими народными массами. За время царствования Екатерины II произошли два события, которые несли на себе несомненный ответ идеи соборного народного представительства: созыв Уложенной комиссии и реформа местного самоуправления.

14 декабря 1766 года императрица издала манифест, которым призвала представителей различных сословий «не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но допущены они быть имеют в комиссию, которой Мы дадим наказ для изготовления проекта нового Уложения». И действительно, в отличие от предыдущих комиссий, оставшихся только на бумаге, эта была собрана и приступила к работе.

В ее деятельности приняли участие 564 депутата: 28 от правительства, 161 от дворянства, 208 от горожан (в основном купцы), 54 от казаков, 79 от государственных крестьян и 34 от иноверцев. Единственным сословием, не допущенным к работе комиссии, стало крепостное крестьянство, ибо предполагалось, что их интересы смогут достаточно полно представить помещики, кровно заинтересованные в том, чтобы их кормильцы не оскудели и не разорили своих хозяев.

Необходимо отметить и тот факт, что никакого ущемления прав ни по национальному, ни по религиозному признаку не было! Иноверцы участвовали в работе комиссии совершенно наравне с русскими православными делегатами. И это никому не мешало, ибо стержневая, фундаментальная роль традиционных русских святынь в деле державного строительства была очевидна для всех.

Представители других народов прекрасно понимали, что, соединив свою историческую судьбу с судьбой России, они будут процветать лишь в том случае, когда будет силен, един и жизнеспособен русский православный народ. Нам бы сейчас побольше такого понимания!

По своему составу и задачам комиссия, созванная Екатериной II, являлась почти полной копией Земского собора. Но были

у них и весьма существенные различия. В первую очередь это касалось участия представителей духовенства. Если раньше на соборах были широко представлены как епископы, так и рядовое духовенство, то теперь единственным представителем Церкви оказался митрополит, защищавший интересы Святейшего Синода.

Полтора года делегаты работали довольно продуктивно, но в самом начале войны с Турцией (1768 г.) комиссия была временно распущена. И больше в полном составе она никогда не собиралась. Новое Уложение, вопреки всем стараниям, так и не было составлено. Однако, по словам Екатерины, эта работа принесла немалую пользу, ибо подала «свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пецись должны».

Можно почти наверняка утверждать, что именно труды этой комиссии помогли императрице осуществить реформу местного самоуправления, в результате которой были восстановлены (применительно к новым историческим условиям) традиционные для Руси начала сословной и территориальной самоорганизации.

И все же, несмотря на очевидную необходимость, Земский собор на Руси в XVIII столетии так и не был созван. Это стало следствием целого ряда причин. Одна из них — бурный процесс экономического и политического расслоения российского общества, сопряженного с постепенным, но неуклонным разрушением той сословной организации, которая из века в век являлась становым хребтом русского государства.

Социальные реформы Петра и его последователей носили весьма однобокий характер. Стремление сделать из дворянства главную опору престола привело к тому, что социальная политика правительства была направлена на освобождение дворян от всякой государственной повинности и дарование им многочисленных льгот и преимуществ. А это, в свою очередь, привело к тому, что равновесие сословных прав и обязанностей между крестьянством и дворянством, которое долгое время цементировало всю сословную пирамиду российского государства, придавая ей устойчивость и крепость, было грубо нарушено, а затем и вовсе упразднено.

В результате последовательных и целенаправленных реформ Анны Иоановны, Елизаветы Петровны, Петра Федоровича и Ека-

терины Алексеевны дворянство постепенно превратилось из служилого сословия в сословие привилегированное, главной особенностью которого стали исключительные права на владения землей и людьми. И вполне понятно, что такие перемены вызвали серьезное недовольство крестьян, которые были согласны безропотно переносить тяготы крепостного права, лишь твердо зная, что государство обязывает их работать на помещиков именно потому, что помещики сами обязаны служить государству.

Освобождая помещиков от служилой повинности, верховная власть должна была ради социальной справедливости освободить и крестьян от их крепостного состояния. Однако никаких шагов в этом направлении в течение всего XVIII столетия не предпринималось, что порождало сильное недовольство земледельцев, видевших в этом явную несправедливость.

В результате катастрофически разрасталось отчуждение между двумя основными общественными сословиями, росла пропасть взаимного недоверия и непонимания, углублялись различия в культуре, мировоззрении, быте и образе мыслей.

Не прошло и полутора столетий после окончательного закрепления за дворянством его привилегированного статуса, как страшные последствия нарушения сословной справедливости завершились крахом Российской империи, революцией и кровавой Гражданской войной.

Другой причиной того, что соборный процесс в России на общегосударственном уровне в XVIII веке был прерван, стала законодательная неотрегулированность процессов, связанных с престолонаследием. Это порождало постоянную политическую нестабильность. В 1722 году Петр I издал указ, согласно которому царствующий император произвольно назначал себе наследника, которым мог стать всякий, кого он сочтет достойным этого высокого звания.

Конфликт Петра с сыном, ставшим политическим противником реформаторского курса отца, закончился казнью царевича Алексея, законного наследника, обвиненного в государственной измене. Да и детские воспоминания Петра, бывшего с малых лет заложником дворцовых интриг, тоже подталкивали императора к тому, чтобы разорвать устоявшуюся на Руси традицию передачи

власти. Но по иронии судьбы первой же жертвой нового порядка престолонаследия стал сам Петр, а с ним и весь российский народ, переживший трудную и многолетнюю чехарду «восхождений» и «свержений» многочисленных претендентов на власть в России.

В XIX веке характер сословной политики государства определили два ключевых события, решающим образом повлиявших на взаимоотношения верховной власти и высших общественных слоев России. Первое из этих событий — убийство в 1801 году императора Павла Петровича. Расследование выяснило, что ядро заговора составляли представители наиболее привилегированной части дворянства — гвардейские офицеры. Второе событие — мятеж «декабристов» в 1825 году.

Суть этих событий очевидна. Как и боярство, превратившееся когда-то из главной опоры княжеской власти в источник бесконечных междоусобиц и жестоких смут, так и дворянство к началу XIX столетия перестало быть опорой государства и активно пилило тот сук, на котором сидело.

Таким образом, соскочив однажды с благодатной соборной колеи, российская государственность лишила себя единственного инструмента, позволявшего с безупречной точностью настраивать державный механизм империи.

Смириться с таким положением не мог ни один русский государь. Ведь императоры Всероссийские оставались олицетворением власти Божией, а значит — надсословной, беспристрастной и равно внимательной к нуждам всех своих подданных. Так же, как цари московские ни при каких обстоятельствах не соглашались стать царями «боярскими», венценосные вожди Российской империи не собирались становиться императорами «дворянскими». В реальной политической жизни это означало, что надо было быстро найти или воспитать другую силу, которая нарушила бы дворянскую монополию на участие в государственном управлении и создала бы дополнительную опору верховной власти в ее стремлении остаться выразительницей общенародных нужд.

Это понудило верховную власть к новым реформам, в результате которых новая элита общества должна была быть сформирована на основании государственного чиновничества. Пред-

полагалось, что эта новая бюрократия станет надежной опорой российскому трону, внося свежую струю в высшие эшелоны власти и ограничив исключительность дворянских привилегий.

В первой половине XIX века эта замена была практически завершена. Великий консерватор государь Николай I создал целую систему разветвленных государственных учреждений. Но и она, со всеми своими очевидными достоинствами, имела и вполне очевидные недостатки. Ее главной слабостью было то, что она по-прежнему не предусматривала ни Земского собора, ни какого-то другого соборного органа в структуре государственной власти. Царь находил вполне достаточным и удобным для себя общаться со своим народом через облеченных его высоким доверием чиновников, что было опасным заблуждением.

В этом ряду эпоха «великих реформ» Александра II отличалась удивительным благородством замыслов и не менее удивительным отсутствием ожидаемых результатов. Впрочем, другого и ожидать-то было трудно. Ибо реформаторы, с легкой руки Петра I, решили преобразовывать «косную» российскую действительность по западноевропейскому образцу. Итоги оказались весьма плачевными: общественная стабильность была окончательно подорвана, а долгожданные «свободы» стали лишь питательной средой для политического терроризма, одной из первых жертв которого стал сам августейший реформатор Александр II.

Бомбисты-народовольцы развернули настоящую охоту на императора, даровавшего своим подданным права и свободы, о которых они раньше и мечтать не могли. Цареубийство состоялось 1 марта 1881 года. Оно поставило кровавую точку в деле «либерально-демократического» реформирования Российской империи.

Вместе с тем, надо заметить, что идея соборности в дни царствования Александра II нашла свое воплощение в двух важнейших событиях эпохи. Во-первых, была восстановлена нарушенная еще в прошлом столетии сословная справедливость. Крестьянство было полностью освобождено от крепостной зависимости, поставлено в положение, позволявшее ему напрямую сноситься с верховной властью, и уравнено в гражданских правах со всеми прочими сословиями страны.

Во-вторых, несмотря ни на что, продолжалось развитие местного самоуправления. Учреждение выборных земских должностей стало косвенным признанием того очевидного факта, что чиновничья бюрократия не способна в одиночестве выполнять роль державной опоры и связующего звена между престолом и подданными русского православного царя.

Но разрушительные последствия почти двухвекового рабского копирования западноевропейского политического устройства уже сказались на общественной организации Руси столь глубоко и сильно, что почти полностью парализовали благотворные следствия реформирования страны. Упадок дворянского сословия, утратившего понятие о долге служения царю и державе, с одной стороны, и недостатки тоталитарной системы с другой — привели к тому, что главной действующей силой стала удивительная по своей вульгарности помесь из обуржуазившихся дворян и разночинцев-интеллигентов. Сила эта сразу же заявила о себе как об антимонархической, и антицерковной по своей направленности. С течением времени земства все больше и больше политизировались и в итоге начали откровенно претендовать на участие в государственном управлении, предполагая, таким образом, радикально способствовать переделке на европейский лад «отсталой» России.

Кризис русской государственности стал несомненным фактом политической жизни страны. Это хорошо понимал император Александр III, вступивший на престол в 1881 году. Злодейское убийство отца произвело на нового царя неизгладимое впечатление. Эпоха Александра III, знаменательная небывалым взлетом русской державной мощи, может быть названа эпохой «исправительной реакции». Главные усилия правительства того времени были направлены на то, чтобы исправить губительный крен в либерализм, столь явно обозначившийся в годы предыдущего царствования. Очередная попытка реанимировать отмирающее дворянство, превратив его в прочную опору верховной власти и орудие для ее связи с народом, — не удалась. И потому в качестве основной силы снова выдвинулась бюрократия.

Весьма показательно, что именно в годы царствования Александра III была предпринята неудачная попытка созыва Земского собора. Душой этого предприятия стал славянофил И.С. Акса-

ков, а подготовительные документы готовил один из лучших знатоков истории земских соборов П.Д. Голохвастов, действовавший под покровительством министра внутренних дел графа П.Н. Игнатьева.

Манифест о созыве Собора планировалось обнародовать 6 мая 1882 года, в день Вознесения Христа, совпадавший с двухсотой годовщиной отпусковой грамоты, которой царь Петр Алексеевич распустил Земский собор, избравший его на царство.

Заседания Собора должны были открыться через год в Москве, в день Христова Воскресения, совпадая с датой начала торжественного венчания на царство нового императора Александра III. Однако ничего из всех этих задумок не вышло. Обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев, будучи идейным противником созыва в тех условиях Земского собора, считал, что если он и соберется, то неизбежно вырождается в банальный европейский парламент.

Таким образом, разработанный в высших чиновничьих сферах проект Земского собора был благополучно похоронен силами другой части бюрократии, насколько здраво консервативной, настолько же творчески бесплодной...

КРУШЕНИЕ

В годы царствования последнего императора Всероссийского Николая II Александровича идея созыва Земского собора была весьма популярна. С одной стороны ее активно поддерживали консерваторы, ратовавшие за восстановление «традиционных форм общения царя и народа». С другой стороны, ее пропагандировали славянофильствующие либералы, которые видели в таком Собрании возможность получить российскую копию законодательного собрания парламентского типа.

Создание Государственной думы лишь подлило масла в огонь, не удовлетворив никого: ни «левых», ни «правых». Либералы и демократы считали ее полномочия недостаточными, сетовали на «интриги придворной камарильи», а на деле — рвались к власти, требуя «ответственного министерства» и фактического устранения самодержца из политической жизни страны. Черносотенцы и националисты, в свою очередь, видели в Думе «рассадник революционной заразы» и гнездо крамолы, которое необходимо уничтожить, дабы затем беспрепятственно приступить к масштабным реформам в «истинно русском духе».

Сам Николай II, пожалуй, как никто другой из его венценосных предшественников, понимал жизненную необходимость восстановления соборного единства русской жизни. Хорошо зная историю, он видел, что ни дворянство, ни чиновничество, ни органы земского самоуправления не могут стать опорой царю в стремлении «смирить всех в любовь». Сначала надо было залечить те глубокие духовные раны, которые мешали восстановлению былого мировоззренческого единства народа, единства его нравственных и религиозных идеалов, его национального самосознания и чувства долга.

Главной силой, способной на это, была Православная церковь. И государь совершенно правильно решил, что сперва должны быть восстановлены соборные начала в церковной жизни, а затем уж, опираясь на ее мощную духовную поддержку, — и в общественно-государственной области. Сначала собор церковный, а уж затем — земский: таковы были планы Николая II. Государь уже был готов произвести грандиозные перемены во всем строе церковно-государственной жизни. «Речь шла о перестройке всего государственного здания на духовных началах, причем успех намеченного плана всецело зависел от удачного выбора патриарха, так как, помимо своих прямых обязанностей по возглавлению Церкви, он привлекался также, вместе с лучшими выборными людьми Русской земли в лице Земского собора, и к участию в управлении государственными делами, как это было в старину».

В марте 1905 года государь сообщил членам Святейшего Синода о своем решении. Вот как описывает этот судьбоносный момент российской истории, со слов архиереев, известный церковный писатель С.А. Нилус: «Когда кончилась наша зимняя сессия, мы — синодалы, во главе с первенствующим Петербургским Митрополитом Антонием (Вадковским), как по обычаю полагается при окончании сессии, отправились прощаться с Государем и преподать Ему на дальнейшие труды благословение, то мы, по общему совету, решили намекнуть Ему в беседе о том, что не худо было бы в церковном управлении поставить на очереди вопрос о восстановлении патриаршества в России (уничтоженного Петром Первым. — *Прим. ред.*). Каково же было удивление наше, когда, встретив нас чрезвычайно радушно и ласково, Государь с места сам поставил нам этот вопрос в такой форме:

— Мне, — сказал Он, — стало известно, что теперь и между вами в Синоде и в обществе много толкуют о восстановлении патриаршества в России. Вопрос этот нашел отклик и в моем сердце и крайне заинтересовал меня. Я много о нем думал, ознакомился с текущей литературой этого вопроса, с историей патриаршества на Руси и его значении во дни великой смуты междуцарствия и пришел к заключению, что время назрело, и что в России, переживающей новые смутные дни, патриарх и для Цер-

кви, и для государства необходим. Думается мне, что и вы в Синоде не менее моего заинтересованы этим вопросом. Если так, то каково ваше об этом мнение?

Мы, конечно, поспешили ответить Государю, что наше мнение вполне совпадает со всем тем, что Он только что перед нами высказал.

— А если так, — продолжал Государь, — то вы, вероятно, уже между собой и кандидата себе в патриархи наметили?

Мы замялись и на вопрос Государя ответили молчанием.

Подождав ответа и видя наше замешательство, Он сказал:

— А что, если я (как вижу, вы кандидата еще не успели себе наметить или затрудняетесь в выборе), что, если я сам его вам предложу — что вы на это скажете?

— Кто же он? — спросили мы Государя.

— Кандидат этот, — ответил Он, — я. По соглашению с Императрицей я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из Государыни Императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагаю себя вам в патриархи. Угоден ли я вам, и что вы на это скажете?

Это было так неожиданно, так далеко от всех наших предложений, что мы не нашли, что ответить, и... промолчали. Тогда, подождав несколько мгновений нашего ответа, Государь окинул нас пристальным и негодующим взглядом. Встал, молча поклонился нам и вышел, а мы остались, как пришибленные, готовые, кажется, волосы на себе рвать за то, что не нашли в себе силы и не сумели дать достойного ответа. Нам нужно было бы Ему в ноги поклониться, преклоняясь перед величием принимаемого им для спасения России подвига, а мы...промолчали!»

«С той поры, — продолжает С.А. Нилус уже от себя, — никому из членов тогдашнего высшего церковного управления доступа к сердцу цареву уже не было. Он, по обязанностям их служения, продолжал, по мере надобности, принимать их у себя, давал им награды, знаки отличия, но между ними и Его сердцем утвердилась непроходимая стена, и веры им в сердце Его уже не стало, оттого, что сердце цареву, истинно, в руке Божией, и благодаря происшедшему въяве открылось, что иерархи своих си

искали в патриаршестве, а не яже Божиих, и дом их оставлен был им пуст».

На заседании 22 марта Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества и за созыв Всероссийского церковного собора, но в связи с возникшими со стороны видных богословов разногласиями государь 31 марта начертал на докладе Синода следующую резолюцию: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее спокойствия и обдуманности, каково созвание поместного собора. Представляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по давним примерам православных Императоров, дать сему делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления».

В конце того же года, 27 декабря, царь обратился с рескриптом на имя митрополита Антония Санкт-Петербургского: «Ныне я признаю вполне благовременным произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви... Предлагаю Вам определить время созвания этого собора».

Предусмотрительность государя позволила, несмотря на революционные бури, созвать знаменитый Поместный собор 1917 — 1918 годов. Собор этот, приведя церковное устройство в соответствие с многовековой канонической традицией Вселенского православия, предопределил духовную стойкость Руси перед лицом жестоких богоборческих гонений советской эпохи. Но противостоять катастрофе, поглотившей Россию, не смог даже он.

Рухнуло грандиозное здание православной российской государственности, которое на протяжении девяти столетий возводилось многими поколениями русских людей под благодатным покровом живой веры. И пока в народе сохранялась верность Богу, своему промыслительному призванию, никакие исторические катаклизмы не могли разрушить храм Святой Руси, основанный на заповедях Христовых. Когда же тлен безверия, богоборчества и космополитизма мало-помалу источил монолитный духовный фундамент русского общества, а воинствующий индивидуализм разрушил некогда прочную основу России в песок и труху — сбылось страшное пророчество и держава пала в великую пучину братоубийственных междоусобиц.

Первым серьезным предупреждением о возможности новой, еще небывалой по силе *Смуты*, стали Русско-японская война и революция 1905 года, развязанные с помощью средств международных финансовых кругов Англии, Франции, Германии и США. Только американские банкиры выделили японскому правительству кредитную линию в сумме 400 миллионов долларов, а главным спонсором этой кровавой акции был американец Яков Шифф. Как позднее отмечалось в еврейском альманахе «Джиуш коммюнал реджистер», Шифф «финансировал врагов России с денежного рынка Соединенных Штатов». Но он давал огромные деньги не только на войну, которая должна была значительно ослабить самодержавие, но и на революционные и масонские организации, действующие в России.

Американский политический деятель Д. Киннен в одном из своих докладов рассказывал, как он во время Русско-японской войны был в Токио и ему разрешили посетить находившийся там 12-тысячный контингент русских военнопленных. Все они как один умоляли дать им что-нибудь почитать, и его посетила замечательная мысль посеять среди этих несчастных русских революционную пропаганду. Японцы отнеслись к идее весьма благосклонно и охотно дали на то свое разрешение. Киннен тут же написал в Америку, чтобы ему срочно выслали все, что только сыщется из русской революционной литературы. Это предприятие сразу же нашло финансовую поддержку у того же нью-йоркского банкира Якова Шиффа. И вскоре из США в Японию было послано полторы тонны различной революционной литературы, а в результате к концу войны 50 тысяч русских солдат и офицеров вернулись на родину горячими революционерами. «Друзья свободной России» посеяли 50 тысяч семян «свободы» в сотнях русских полков.

Октябрьский манифест и Конституция 1905 года придали русской государственности либеральный характер, способствуя тем самым дальнейшему сползанию страны к новым потрясениям. Многие русские люди сразу почувствовали это. Сознавал это и государь. Зато триумфатором чувствовал себя С.Ю. Витте, выступавший против предложения некоторых членов Государственного совета о созыве Земского собора. По мнению председателя

Кабинета министров, лавировавшего между «правыми», «левыми» и царем, такой шаг был неприемлем «ввиду полного анахронизма этого государственного института».

После подписания конституции обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев немедленно подал в отставку, не согласившись поддерживать новые порядки «России несвойственные». Осудил ее и святой проповедник Иоанн Кронштадтский, видевший в этой конституции, созданной под руководством Витте, победу сил, подрывавших устои православной страны.

К сожалению, несмотря на все бесчисленные скорби и беды, выпавшие на долю русского человека после развала православной России, несмотря на страшные кровавые испытания, следовавшие за революцией 1917 года, значительная часть общества по-прежнему бесконечно далека от здоровой оценки событий отечественной истории XX столетия. Более того, сама эта история настолько мифологизирована, что даже специалисту порой бывает трудно понять: где же правда?

«Государственный переворот в феврале — марте 1917 года осуществился для большинства русских людей совершенно неожиданно, — свидетельствует епископ Григорий (Габбе), известный церковный деятель русского зарубежья. — Он всех застал врасплох, в том числе, конечно, и святейший Правительствующий Синод. Большинство членов его, к тому же, были в отлучении, уехав из Петрограда в свои епархии с наступлением Великого поста...

Тщательно подготовленный заговор неожиданно поставил Государя в такое положение, что он, не чувствуя ни в ком твердой опоры, а видя вокруг только «измену, трусость и обман», счел себя вынужденным подписать отречение от престола. Это сразу же вызвало быстрый развал всей государственной и общественной жизни.

Мало кто в тот момент понял все значение происшедшего. События оценивались в обществе только с политической точки зрения... Религиозно-нравственная сторона не могла быть представлена ни в одном органе печати. Неограниченная свобода предоставлялась только для критики и осуждения всего, связанного с Церковью».

Сегодня общеизвестна решающая роль русского и международного масонства в подготовке и проведении так называемой «февральской революции» (только в Петербурге в 1909 году были организованы три ложи: «Полярная звезда», «Феникс» и «Военная ложа»). Уже не является секретом и то, что Верховный совет российских вольных каменщиков находился в тесной связи с международными масонскими организациями в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Из Германии он получал финансовую поддержку от Макса Варбурга, возглавлявшего банк Ротшильдов-Варбургов во Франкфурте-на-Майне. В Англии лидером подрывной работы против России был банкир лорд Альфред Мильнер, а в США Яков Шифф и его родственник Лоеб, который на одном из митингов в Филадельфии открыто призывал бороться с русским православием. «Подлюю Россию, — кричал Лоеб, — которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим стать на колени перед избранным от Бога народом».

Известна также и яростная антихристианская, антиклерикальная позиция масонства. Поэтому не удивительно, что едва ли не первыми действиями Временного правительства, чуть не сплошь состоявшего из масонов, стали действия по дезорганизации церковного управления.

«Когда самодержавная Россия останется последней цитаделью христианства, — писал в 1871 году духовный вождь международного масонства Альберт Пайк, — мы спустим с цепи революционеров-нигилистов и безбожников и вызовем сокрушительную социальную катастрофу, которая покажет всему миру во всем его ужасе абсолютный атеизм, как причину одичания и самого кровавого беспорядка... Тогда все бесчисленное множество разочарованных в христианстве, жаждущее в душе своей Божественного идеала, примет просвещение через всемирную проповедь чистейшего люциферианского (т. е. сатанинского. — *Прим. авт.*) учения, к тому времени уже открытую и всенародную». Похоже, в 1917 году в российских «верхах» последователей и учеников главы международного масонства было более чем предостаточно.

Александр Федорович Керенский (возглавлявший в то время Временное правительство. — *Прим. ред.*), в своих мемуарах

«Россия на историческом повороте», написанных в США, был вынужден признать, что лично он предложение о вступлении в масоны получил еще в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. «После серьезных размышлений я пришел к выводу, — говорит он, — что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение».

Что же касается заговора по свержению царя, то тот же Керенский утверждает, что их было несколько. Лидеры «Прогрессивного блока», куда входили Родзянко, председатель 3-й и 4-й Государственной думы, Гучков, Некрасов и Милюков — все будущие министры Временного правительства, намеревались с помощью дворцового переворота сместить правящего монарха и заменить его 12-летним наследником престола Алексеем, назначив при нем регента в лице великого князя Михаила Александровича. В своих мемуарах Гучков утверждал, что заговорщики не намеревались прибегать к физической силе или убивать царя. «Мы не собирались, — писал он, — совершать переворот, в котором брату и сыну уготовано бы было переступить через тело брата и отца».

Среди другой части правящей элиты тем временем вызревал еще один сговор, осуществление которого первоначально было намечено провести в Ставке царя. Этот план разработали князь Львов (в марте — июле 1917 года глава Временного правительства) и генерал Алексеев, начальник штаба Ставки. Однако позже, дабы не вызвать кровопролития, было решено заставить царя отречься от престола не в Ставке и уж тем более не в Царском Селе, а в поезде — где-нибудь между Ставкой и Петроградом, что в конечном итоге и было осуществлено.

ПЛАЧ ПО РУСИ ВЕЛИКОЙ

Крушение Российской империи в результате заговоров и революционных бурь 1917 года с поразительной и страшной ясностью подтвердило непреложность Евангельских предостережений и пророчеств.

Раствление сердец и умов «либерально-демократической» западной заразой зашло столь далеко, что по сути, в хаосе Гражданской войны друг другу противостояли две равно далеких от русского идеала, равно бездуховных и враждебных Святой Руси идеологических модели: христорборческий коммунизм с его чело-веконенавистническими призывами к «классовой ненависти» и — западноевропейский либерализм с его безбожным культом индивидуализма, самодовлеющей гордыни и безудержного потребительства. Это были две головы одного дракона, рожденные и вскормленные Западом в течение его многовекового духовного перерождения, превратившего некогда христианский мир Западной Европы в рассадник безбожия и «гуманизма».

Безусловно, и на одной, и на другой стороне было множество людей лично честных и благонамеренных, искренне заблуждавшихся или не видевших для себя в сложившейся ситуации иного выхода. Тем не менее факт остается фактом: ожесточенно истребляя друг друга, русские люди полярных политических убеждений в равной степени содействовали крушению исторической России.

Однако и революция, и *смута*, ставшие следствием глубочайшего кризиса соборного единства русского общества, показали, тем не менее, что, несмотря на всю его глубину, на Руси все же не пресеклось здоровое понимание происходящего и не оскудела тяга к восстановлению разрушенного мировоззренческого единения. При этом особенно отрадно, что люди, олицетворявшие

собой подобное здравомыслие, нашлись во всех сословиях России — среди духовенства и крестьян, военачальников и казаков, дворян и университетских профессоров. Они, на беду, оказались в меньшинстве и не смогли остановить волну реформаторского безумия, хлынувшего на страну. Их травили со всех сторон равно большевики и либералы. И все же те немногие хранители и оберегатели традиционных национальных святынь и исконного русского духа сумели не только выстоять, выжить, сохранить веру и идеологию движения — они своими самоотверженными действиями в период Гражданской войны засвидетельствовали пред Богом и всем миром, что русский народ, несмотря на тот страшный недуг, который пленил его, не побежден и не сломлен. Что Русь не смирилась с торжеством богоборчества и развалом своей соборной государственности. Что победа сил хаоса и зла не окончательна, сколь бы убедительной и полной она ни казалась на первый взгляд.

Одним из самых замечательных представителей этого богоспасаемого «малого стада» стал генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс. С его именем связаны два важнейших события в новейшей русской истории, значение которых для будущих судеб России трудно переоценить: расследование в 1919 году убийства государя императора и августейшей семьи в Екатеринбурге и последний в отечественной истории Земский собор во Владивостоке, заседавший летом 1922 года. На нем была подтверждена приверженность русского народа православному самодержавию как единственной богоугодной форме существования российской государственности. Тогда же генерал Дитерихс был избран верховным правителем Приамурья, Временное правительство которого, свергнув власть большевиков, в своем воззвании к населению констатировало:

«Все расхищено, растрчено и уничтожено. Государственная касса окончательно опустела. От несметных богатств, находившихся в казенных и таможенных складах, ничего не осталось. Железная дорога влачит жалкое существование. Морское судоходство сократилось на 70 процентов, и печальные остатки его требуют фундаментального ремонта при отсутствии на то каких-либо средств. Казенные предприятия дают огромные, ничем не оправданные убытки.

Государственные учреждения дезорганизованы, значительная часть населения — развращена преступной демагогией власти, безработица растет не по дням, а по часам. Возрастающая бедность для массы населения становится неизбежной и неотвратимой...»

Столь разительное соответствие результатов Гражданской войны и последствий нынешней «перестройки» и «реформ» объясняется довольно просто: все эти явления одинаково чужды России, одинаково разрушительны в отношении к русскому самосознанию и соборному единству общества, одинаково космополитичны и антинациональны, а потому — равно вредоносны, губительны для государственного устройства страны и схожи по своим катастрофическим последствиям.

Независимый Приамурский край просуществовал очень недолго — чуть более двух месяцев. Надежды на то, что он станет опорным пунктом для восстановления соборной государственности, не оправдались. Господь судил иначе — и тяжкое ярмо боготорческой власти надолго сковало Россию, в самом корне подорвав творческие силы согрешившего, ослепленного и обманутого русского народа. «Силы Земской Приамурской Рати сломлены, — гласит последний указ Дитерихса, датированный 17 октября 1922 года. — Двенадцать тяжелых дней борьбы героев Сибири и Ледяного похода — без пополнения, без патронов — решили участь Земского Приамурского Края. Скоро его уже не станет.

Он как тело — умрет. Но только как тело.

В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской нравственно-религиозной идеологии — он никогда не умрет в истории возрождения Великой Святой Руси.

Семя брошено. Оно сейчас упало на еще неподготовленную почву. Но грядущая буря ужасов советской власти разнесет это семя по широкой ниве великой Матушки-России, и приткнется оно в будущем по бесконечной милости Господней к плодородному и подготовленному клочку земли Русской, и тогда даст желанный плод.

Я верю в эту благодать Господню... Я верю, что Россия вернется к России Христа, России Помазанника Божьего. Мы были недостойны еще этой милости Всевышнего Творца».

Таким образом, последняя отчаянная попытка восстановить соборные начала на уровне политическом, земском, закончилась на Дальнем Востоке неудачей вследствие военного поражения в Приморье. Но даже сама попытка эта — пусть и неудачная — стала возможной лишь потому, что четырьмя годами раньше в Москве, на Поместном соборе 1917—1918 годов чудесным успехом завершилась деятельность ревнителей восстановления благодатных соборных начал в жизни Церкви. Самым насущным и злободневным в те мятежные дни был вопрос о высшем церковном управлении. Работа именно этого отдела проходила наиболее бурно и многолюдно. Больше двухсот членов Собора приняли участие в борьбе за восстановление патриаршества — судьбоносный для Русской православной церкви вопрос никого не оставил равнодушным.

«Русская жизнь в те дни представляла собой море, взбаламученное революционной бурей, — вспоминал митрополит Евлогий. — Церковная жизнь пришла в расстройство. Облик Собора по пестроте состава, враждебности течений и настроений, поначалу тревожил, печалил, даже казался жутким... Некоторых членов Собора волна революции уже захватила... Но — о, чудо Божие! — постепенно все стало меняться... Толпа, тронутая революцией, коснувшаяся ее темной стихии, стала перерождаться в некое гармоническое целое, внешне упорядоченное, а внутренне солидарное. Люди становились мирными, серьезными работниками, начинали по-иному чувствовать, по-иному смотреть на вещи... Дух мира и единодушия поднимал всех нас»...

В огромном храме Христа Спасителя, переполненном народом, Патриархом Московским и всея Руси был избран Тихон.

Когда депутация Собора во главе с митрополитом Вениамином явилась в Троицкое подворье, чтобы сообщить преосвященному Тихону об избрании его патриархом, просветитель ответил: «Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «Плач, и стон, и горе», и какой свиток должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно — в настоящую тяжелую годину».

Эти скорбные слова патриарха оказались пророческими. Впереди его ожидал тяжкий крест исповедничества перед лицом воинствующего богоборчества большевиков, провокации, аресты, суды, допросы и покушения, борьба с церковными расколами. Скорби не покидали Святейшего в его служении вплоть до самой кончины, последовавшей 7 апреля 1925 года и ставшей, по мнению некоторых церковных историков, результатом отравления, организованного советскими спецслужбами.

Нам же, нынешним, сегодня как никогда важно прислушаться ко вразумляющему гласу патриарха-исповедника, к отеческому церковному предостережению, доносящемуся до нас из глубины великой русской Смуты XX столетия, по сию пору терзающей многострадальное тело Руси:

«Возлюбленные о Господе братие и чада!

Долг архипастырской любви, объемлющей болезни и скорби всего православного народа русского, повелевает Нам обратиться к вам Наше отеческое слово. Вместе с вами Мы страждем сердцем при виде непрекращающихся бедствий в нашем Отечестве, вместе с вами молим Бога о том, чтобы Он укротил Свой гнев, донныне поедаящий землю нашу.

Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. Изнемогает наша Родина в тяжких муках, и нет врача, исцеляющего ее. Где же причина этой длительной болезни, повергающей одних в уныние, других — в отчаяние? Вопросите вашу православную совесть, и в ней найдете ответ на этот мучительный вопрос.

Грех, тяготеющий над нами, — скажет она вам, — вот сокровенный корень нашей болезни, вот источник всех наших бед и злоключений. Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей. Грех сделал то, что Господь, по слову пророка, отнял у нас и посох и трость, и всякое подкрепление хлебом, храброго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливого, и старца (Ис. 3: 1-3). Грех помрачил наш народный разум, и вот мы ошущью ходим во тьме, без света, и шатаемся, как пьяные (Иов. 12:25). Грех разжег повсюду пламень страстей, вражду и злобу, и брат восстал на брата, тюрьмы наполнились узниками, земля упивается неповинною кровию, проливает

мою братскою рукою, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою. Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных благ, которыми и прельстился наш народ, забыв об едином на потребу. Мы не отвергли этого соблазна, как отверг его Христос Спаситель в пустыне. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготуем в земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших. Грех — тяжкий нераскаянный грех — вызвал сатану из бездны, изрыгающего ныне хулу на Господа и Христа Его и воздвигающего открытое гонение на Церковь.

О, кто даст очам нашим источник слез, чтобы оплакать все бедствия, порожденные нашими всенародными грехами и беззакониями — помрачение славы и красоты нашего Отечества, обнищание земли, оскудение духа, разорение градов и весей, поругание храмов и святынь и все это потрясающее самоистребление великого народа, которое сделало его ужасом и позором для всего мира. Где же ты, некогда могучий и державный русский православный народ? Неужели ты совсем изжил свою силу? Как исполин, ты великодушный и радостный совершал свой великий, ukazанный тебе свыше путь, благовествуя всем мир, любовь и правду. И вот, ныне ты лежишь, поверженный в прах, попираемый своими врагами, сторяя в пламени греха, страстей и братоубийственной злобы. Неужели ты не возродишься духовно и не вступишь снова в силу и славу своей? Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посесть тебя, как бесплодную смоковницу? О, да не будет сего. Одна мысль об этом повергает Нас в трепет.

Плачьте же, дорогие братья и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах нашего Отечества, пока оно не погибло до конца. Плачьте о себе самих и о тех, кто по ожесточению сердца не имеет благодати слез. Богатые и бедные, ученые и простецы, старцы и юноши, девы, младенцы, соединитесь все вместе, облекитесь, подобно ниневитянам, во вретище и умоляйте милосердие Божие о помиловании и спасении России».

Услышит ли Господь такие молитвы — зависит сегодня только от нас самих...

БИТВА ПРОТИВ РОССИИ

Рассуждая о причинах русских *смут*, которые в разные времена имели свою подоплеку, нельзя не сказать и о том, что помимо внутренних истоков их возникновения (как уже было замечено) всегда имелись и внешние «движители», обусловленные стремлением недругов России (в каком бы облике они ни выступали), подмять под себя православную страну и ее непокорный народ. Недаром бывший помощник президента США по национальной безопасности, один из главных западных стратегов, известный и влиятельный идеолог современного мондиализма Збигнев Бжезинский высказался о причинах и результатах нынешней русской смуты весьма откровенно:

«Россия — побежденная держава, — сказал он. — Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США (читай — Западному миру. — *Прим. авт.*) и была побеждена. Сейчас... не надо подпитывать иллюзий о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей».

Да, злобная сила, жаждущая нашего уничтожения, обладает в современном мире огромной мощью и властью. Да, на службу ей был поставлен многовековой опыт разрушения, дьявольское искусство растления и обмана. И сегодня нам как никогда важно понять, что все происходящее ныне со страной есть лишь эпизод в этой многовековой битве за Россию как за духовный организм, хранящий в своих недрах живительную тайну религиозно осмысленного, просветленного верой бытия.

В 1054 году христианский мир испытал страшное потрясение. От вселенской полноты Православной церкви отпал католический Запад, прельстившись суетой и обманчивой славой мир-

ского величия. Русь сохранила верность православию. С этого момента берет свое начало не прекращающаяся по сию пору война против России.

Русскому народу пришлось воевать без конца. Уже с 1055-го по 1462 год историки насчитывают 245 известий о нашествиях на Русь. С 1240 по 1462-й почти ни одного года не обходилось без войны. Из 537 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до момента окончания Первой мировой войны, Россия провела в боях 334 года. При этом надо особо отметить, что подавляющее число русских войн всегда были оборонительными. Те же, которые можно назвать наступательными, велись лишь с целью предотвращения нападений и для уничтожения международных разрушительных сил, непрерывно грозивших странам Запада страшными потрясениями. Год от года Россия на зависть своим врагам становилась все более могучей. Молдавские господа и грузинские цари, украинские гетманы и владыки кочевых народов Средней Азии смиренно просили — иные по сто лет кряду — о принятии их государств в российское подданство, под «высокую руку» русского царя.

Но и недруги Руси не дремали, многократно составляя хитроумные планы ее порабощения. Самым верным способом для этого они считали путь, который позволит лишить Россию ее религиозной самобытности, ее православных святынь, «растворив» их в западном католичестве. Эти попытки начались еще на заре российской государственности. При равноапостольной княгине Ольге в середине X века Рим направил своих первых послов с предложением «о соединении». Оставшиеся без ответа «отеческие чувства» Ватикана проявили себя затем в организации мощного военного давления на западные рубежи Руси. Против православной страны они последовательно направляли оружие датчан, венгров, военизированных монашеских католических орденов, шведов и немцев. Не брезговал Запад и антирусскими интригами при дворе хана Батыея.

И все же, вопреки всему, Русь выстояла, отразив восточные орды кочевников и западные — крестоносцев. Однако желающие испытать ее прочность не переводились. За дело взялись при-

знанные профессионалы — иезуиты, монахи католического «общества Иисуса». Отцы-иезуиты дали своему воспитаннику, самозванцу Лжедмитрию I, занявшему русский престол, следующие инструкции по присоединению русской Церкви под власть папы римского с помощью так называемой «унии»:

«...Самому заговаривать об унии редко и осторожно. Пусть русские сами первыми предложат некоторые преобразования в делах церковных. Намекнуть черному духовенству о льготах, белому — о наградах, народу — о свободе... Учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей ученых, хотя и светских...»

Вам это ничего не напоминает? Похоже, идеологи «перестройки» в конце XX века поменяли только терминологию, а суть оставили прежней. Впрочем, тактика лицемерия и коварства всегда одна и та же.

Прошло еще 300 лет. В отношении Запада и России мало что изменилось. Разве что ее враги (явные и тайные) обрели еще большую силу и власть, позволившие ставить вопрос об уничтожении русской государственности и включении поработенной страны в систему международной наднациональной диктатуры. Соответственно изменились идеологические, политические и экономические методы достижения целей. И вот на свет появился любопытнейший документ под названием «Протоколы сионских мудрецов». В нем детально и одновременно сжато изложен циничный и подлый план завоевания мирового господства. Одни историки безусловно признают подлинность «Протоколов». Другие — столь же безусловно ее отрицают. Нам, впрочем, интересно другое: 80 лет, прошедшие со времени их первого опубликования в России, дают обильный материал для размышления, ибо мировая история, словно повинувшись приказу невидимого диктатора, покорно прокладывает свое прихотливое русло в удивительном, детальном соответствии с планом, изложенным на их страницах. Не миновала на этот раз общей участи и Россия.

Судите сами.

«Наш пароль — сила и лицемерие, — провозглашают анонимные авторы документа. — Насилие должно быть принципом,

хитрость и лицемерие — правилом... Чтобы скорее достигнуть цели, нам необходимо притвориться сторонниками и ревнителями вопросов социальных... особенно тех, которые имеют задачей улучшение участи бедных, но в действительности наши стремления должны тяготеть к овладению и управлению движением общественного мнения... Действуя таким образом, мы сможем, когда пожелаем, возбудить массы. Мы употребим их в качестве орудия для ниспровержения престолов и для революции, и каждая из этих катастроф гигантским шагом будет подвигать наше дело и приближать к цели — владычеству над всей землей».

Тем, кому памятна страшная разрушительная роль, сыгранная средствами массовой информации в нашем недавнем прошлом, небезынтересно будет ознакомиться со следующими строками, написанными «сионскими мудрецами» сто лет назад: «Если золото первая сила в мире, то пресса — вторая. Мы достигнем нашей цели только тогда, когда пресса будет в наших руках. Наши люди должны руководить ежедневными изданиями. Мы хитры, ловки и владем деньгами, которыми умеем пользоваться для достижения наших целей. Нам нужны большие политические издания — газеты, которые образуют общественное мнение, уличная литература и сцена. Этим путем мы шаг за шагом вытесним христианство и продиктуем миру, во что он должен верить, что уважать, что проклинать. С прессой в руках мы сможем неправое обратить в правое, бесчестное в честное. Мы можем нанести первый удар тому, до сего дня еще священному учреждению — семейному началу, которое необходимо довести до разложения. Мы тогда уже будем в состоянии вырвать с корнем веру в то, пред чем до сего времени благоговели... и взамен этого воспитать армию увлеченных страстями... Мы можем открыто объявить войну тому, что теперь уважают и перед чем еще благоговечат наши враги.

Мы создали безумную, грязную, отвратительную литературу, особенно в странах, называемых передовыми... Мы затронули образование и воспитание, как краеугольные камни общественного быта. Мы одурачили, одурманили и развратили молодежь...»

Для приверженцев конкретных фактов скажем, что «Протоколы» предсказали мировые войны, политическую форму устройства государств на десятилетия вперед, ход развития мировой экономики, черты кредитно-финансовой политики и множество других деталей жизни «мирового сообщества» с потрясающей точностью. Вот картина политической гибели независимого национального государства, описанная «Протоколами» в конце XIX века. Сравните с тем, что происходит сейчас в России.

«Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся его политическая комплекция изменилась: государства заболели смертельной болезнью — разложением крови. Остается ожидать конца их агонии. От либерализма родились конституционные государства, а конституция, как вам хорошо известно, есть не что иное, как школа раздоров, разлада, споров, несогласий, бесплодных партийных агитаций — одним словом, школа всего того, что обезличивает деятельность государства. Парламентская трибуна не хуже прессы приговорила правительства к бездействию и бессилию... Тогда мы заменили правительство его карикатурой — президентом, взятым из толпы, из среды наших карикатур...

Все государства замучены, они зывают к покою, готовы ради мира жертвовать всем, но мы не дадим им мира, пока они не признают нашего интернационального Сверхправительства открыто, с покорностью».

Выводы каждый разумный человек сделает сам. А мы лишь отметим, что разрушительные принципы, отраженные в цитируемых выше документах не только не устарели, но получают уточнение и развитие до наших дней. Причем порой это происходит вполне открыто, на самом высоком политическом уровне.

Пережив революцию и страшную братоубийственную бойню Гражданской войны, ужас массовых репрессий и террор коллективизации, Россия явила на полях Второй мировой — Великой Отечественной войны чудеса героизма и мужества, спасая своих западных союзников. Казалось бы, времена взаимной вражды должны были уйти в прошлое. Но нет. Не успел стихнуть гул

последних боев, как западные союзники круто изменили свое отношение к России. Самостоятельная и сильная — она никому не была нужна.

«Посеяв в России хаос, — сказал в 1945 году американский генерал Аллен Даллес, руководитель политической разведки США в Европе, ставший впоследствии директором ЦРУ, — мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать...

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

«Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной церкви, — писал русский философ Иван Ильин, раньше и яснее других почувствовавший, в чем дело. — Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас: и для самоуспокоения внушают себе, что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости, что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов...

Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему. Угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчлениить. Завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее. Реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма. Хозяйственно несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии».

Как же все повторяется в мире! «Попробуйте вразумить просвещенную Западную Европу насчет России, — писал в XIX веке русский публицист и общественный деятель Иван Сергеевич Аксаков. — Не вразумите! У нее нет даже органа для понимания России». Об этом же говорил и другой русский социолог и публицист Николай Яковлевич Данилевский: «Европа Россию не знает, потому что не хочет знать, или лучше сказать, знает так, как знать хочет, то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению... Не надо себя обманывать. Враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолюбии того или другого государственного мужа, а в самых основных ее интересах».

Пережив эпоху Сталина, Запад не получил желанного успокоения и в годы хрущевской «оттепели». Несмотря на возврат к интернациональному коммунизму и отказ от опоры на русское национальное самосознание, СССР оставался для «свободного мира» источником сильнейшего стресса по нескольким причинам. Во-первых, образование «мировой системы социализма», а проще говоря — мощного советского геополитического блока, надежно прикрытого «ядерным щитом», исключало возможность силового изменения баланса сил на мировой арене. Во-вторых, сталинский рывок в сторону «русского шовинизма» показал идеологическую непрочность режима и неминуемо должен был рано или поздно вновь повториться. В-третьих, само существование Советского Союза служило непреодолимым препятствием на пути становления «нового мирового порядка» — единой планетарной системы государственного управления под руководством национальных международных структур.

Естественно, что в сложившихся условиях все усилия противников российского возрождения были направлены на то, чтобы «взорвать» Советский Союз изнутри, причем как можно скорее, — ни в коем случае не допустив его «русификации» и возрождения нашего традиционного национального самосознания.

Результат этих беспрецедентных по своей интенсивности усилий в полной мере явил себя в годы горбачевской «перестройки», «гласности» и «нового мышления».

Оглянемся вокруг: какие еще нам доказательства нужны, чтобы понять, что против России, против русского народа ведется подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Но, вместе с тем, стоит, пожалуй, сказать, что главные причины всех русских бед нам надо искать в самих себе. Что никакие злоумышленники (как бы они ни были сильны и организованны) не смогли бы раскатать русскую государственность, если бы мы сами не ослабили ее, подточив духовные основы державной мощи России. Это мы превратили стариков — отцов и матерей наших, вынесших на себе неимоверную тягость русской истории последних десятилетий, — в голодных, нищих побирушек, грошовой пенсии которых не

хватает даже на то, чтобы их похоронить по-божески! Мы изуродовали души наших детей отравой потребительства и грязного разврата, растлили целое поколение молодежи, лишив его радости полноценной жизни, низведя до скотского уровня тупого, биологического прозябания. Мы промотали великое державное наследие, купленное безмерной ценой героизма и самоотверженности народа, миллионов и миллионов простых русских людей, павших в боях на бескрайних просторах многострадальной России.

Какой же мерой бесстыдства и цинизма надо обладать, чтобы этот позор, это преступление, эту вселенскую трагедию называть «торжеством демократии», «движением по дороге прогресса и цивилизации»!

ЦИВИЛИЗАЦИИ ДУХОВНЫЕ И ЧУВСТВЕННЫЕ

Колеблясь в широких пределах от глухой враждебности до жестокого военного противостояния, отношения России и Запада несомненно имели и имеют в своем основании нечто более глубокое, чем обычные политические и экономические противоречия, что практически постоянно возникали и возникают между различными странами.

Религиозная, межконфессиональная вражда — фактор, конечно, более серьезный и значимый, но и он не годится для всеобъемлющего объяснения причин драматической истории XX столетия, отмеченного наиболее ожесточенным противостоянием.

Наконец, борьба за сферы влияния «в третьем мире», столь характерная для нашего века, тоже никак не объясняет длительную и бурную предысторию конфликтов России с Западным миром. Возможность практически реализовать проекты глобального политического господства в масштабах всей планеты появилась лишь недавно. Попытки ее воплощения в жизнь могут в какой-то мере объяснить эпоху «холодной войны», когда в смертельной борьбе столкнулись два взаимоисключающих проекта мирового объединения — социалистический и «либерально-демократический» — но и только...

В общем, для того, чтобы удовлетворительно объяснить российский феномен, привычных исторических стереотипов явно недостаточно. Православное сознание легко минует это препятствие, обосновывая своеобразие русской судьбы исчерпывающе просто — промыслительным назначением России стать последним препятствием на пути всемирной ипостаси. Отсюда — вся трагичность нашей истории, становящейся ареной борьбы добра и зла, спасающей благодати Божией и губительных сатанинских со-

блазнов, высших порывов добродетельной души с низкими страстями и грязными пороками, терзающими падшую человеческую природу. В такое объяснение легко укладывается вся русская история с момента крещения Руси и до наших дней. Вся ее жизнь на протяжении долгих столетий была пронизана ДУХОМ и СВЕТОМ соборности.

Казалось, что она уже навсегда легла краеугольным камнем в основание земного созидания Святой Руси. Но, увы! — история распорядилась иначе. Великий преобразователь русского бытия, крутой, страстный и мятежный государь Петр Великий, «прорубая окно в Европу», сделал это так грубо и неаккуратно, что существенно повредил защитные механизмы православной России. В результате на протяжении XVIII — XIX веков на Руси постепенно складывались две культуры, две цивилизации — традиционная, соборная цивилизация православного большинства и модернистская, индивидуалистическая культура «просвещенного» безбожного меньшинства. Непримируемая борьба между ними в конечном итоге и определила трагедию русской судьбы в XX столетии.

Лишь величайшее напряжение всех народных сил да милость Божия позволили России «переварить» отраву коммунизма, в значительной мере нейтрализовать его разрушительную сущность, буквально утопив в собственной крови богоборческие порывы марксистской квазирелигии. Более того, даже после учиненного всероссийского погрома русская цивилизация, заключенная в уродливую «советскую» форму, осталась все же стихийно духовной. Жестокими антихристианскими гонениями была загнана в подполье лишь ее «сознательная», церковная часть. В то же время мощное инстинктивное стремление сохранить «надмирные» идеалы русской жизни столь сильно деформировало коммунистическую идеологию, что даже она приобрела в России характер религиозной веры, выдвинув на первый план все ту же задачу воплощения в земную жизнь абсолютных ценностей справедливости, братства и им подобных.

Наша нынешняя *Смута* — закономерный результат того страшного духовного истощения, которое стало неизбежным следствием невероятных испытаний, искушений и скорбей, перене-

сенных русским народом за последнее столетие. И все же, если мы сумеем правильно оценить религиозные, духовные причины великой русской трагедии, сумеем изжить ересь гуманизма-человекобожия, обрядившегося ныне в «либерально-демократические» одежды, — сегодняшний кризис станет для Руси лишь преддверием нового ярчайшего духовного расцвета и высочайшего державного взлета.

Пока, впрочем, духовная оккупация России в полном разгаре. Общественное мнение раздроблено, как никогда раньше, люди подавлены и дезориентированы отравой мировоззренческого «плюрализма», а средства массовой информации ведут против собственного народа настоящую психологическую войну.

Государство и Церковь остаются носителями полярных культурных архетипов — чувственного и духовного, усугубляя раздирающие общество противоречия. И Запад, находящийся ныне в расцвете своего политического могущества, выигравший сорокалетнюю «холодную войну», всеми средствами усиливает российский хаос, стараясь ни в коем случае не допустить возрождения традиционного русского национального самосознания. И если мы не найдем в себе сил своевременно восстановить свою былую самобытность, грядущий катаклизм неумолимо захватит нас своим водоворотом, и Россия — историческая, тысячелетняя Россия, многовековой оплот христианской духовности и государственности — погибнет окончательно и навсегда.

СЦЕНАРИИ НЫНЕШНЕЙ СМУТЫ

В современном мире ни одна религиозная конфессия, за исключением православия, не обладает необходимой духовной мощью для успешного сопротивления архитекторам «нового мирового порядка». Ни одна страна, кроме России, не имеет достаточного культурного, научного, экономического и военного потенциала для успешного противодействия им. И потому именно против нашей страны прежде всего была развернута длительная и всесторонняя кампания по устранению ее с мировой арены в качестве активного субъекта геополитики. Первым успешным результатом для гегемонистов стали спровоцированные в начале XX века на территории России социальные *смуты*, завершившиеся катастрофой 1917 года. Исторически сложившуюся традиционную русскую православную государственность удалось разрушить.

В то же время революция не смогла решить всех стоявших перед ней задач.

Во-первых, страну не удалось использовать в качестве плацдарма для разжигания всемирной *смуты*. Вброшенные с этой целью в массовое сознание лозунги «мировой» и «перманентной» революции не оправдали себя, а после политического поражения Троцкого в СССР были и вовсе сняты с повестки дня. Лозунг «пролетарского интернационализма», предназначенный для разрушения русского национального самосознания, оказался недостаточно эффективен, будучи интерпретирован обществом в русле традиционных христианских ценностей «всечеловечности».

Во-вторых, не удалось уничтожить Россию в качестве самостоятельного геополитического субъекта. Теория «классовой борьбы», служившая сердцевиной и пропагандистским прикрытием

механизма широкомасштабного, официально санкционированного геноцида русского народа, с течением времени утерьяла свою первоначальную эффективность, превратившись в очередную, далекую от практики догму.

Более того, несмотря на репрессии, голод, разруху и богоборческий террор властей, ценой величайшего напряжения всех народных сил, ценой блестящей победы в Великой Отечественной войне страна обрела в мировой политике значение и вес, сведшие на нет все «достижения» Октября в этой области. Возникла реальная возможность постепенного перерождения СССР в духе российских национальных интересов с перспективой эволюционного возвращения страны на путь ее естественного исторического развития.

Лишившись рычагов прямого политического, экономического и военного контроля над процессами, происходившими в Советском Союзе, «интеллектуальная мировая элита» сохранила в своих руках мощные средства идеологического воздействия. С одной стороны, марксистско-ленинское мировоззрение, запущенное однажды в России как орудие разрушения традиционного духовного, культурного, религиозно-нравственного фундамента русской жизни, продолжало оставаться официальной идеологической доктриной СССР.

С другой стороны, ее очевидная гнилость и бессодержательность заставляла общество — частью сознательно, частью несознательно — стремиться к обретению нового, осмысленного взгляда на мир. Сочетание таких двух факторов давало уникальную возможность уничтожения советской империи путем идеологического «взрыва». Этот сценарий, запущенный сразу после Второй мировой войны, предполагал последовательную внутреннюю дискредитацию господствующего мировоззрения, затем его резкий шоковый «сброс» и быструю замену на новое — либерально-демократическое — внешне привлекательное, но для России не менее разрушительное по сути.

Ставка опять делалась на разрыв исторической преемственности. В современной, сверкающей упаковке обществу навязывалось «второе издание» революции 1917 года. Этот процесс получил название «перестройки».

Сама по себе она стала возможной лишь благодаря отсутствию в стране здоровой, национально осмысленной идеологии и связного, целостного, непротиворечивого государственного мировоззрения. Из-за этого весь гигантский аппарат управления Союзом оказался беззащитным перед кучкой руководителей-ренегатов и пятой колонной агентов влияния «интеллектуальной элиты и мировых банкиров». Более того — отсутствие ясно понимаемой собственной позиции не позволяло (и до сих пор многим не позволяет) даже увидеть реального противника, не говоря уже о том, чтобы распознать его истинные намерения.

На этом стоит, пожалуй, остановиться особо. Маскировка и дезинформация — фундаментальные свойства той власти, которая стремится сегодня утвердиться в России под вывесками «демократии» и «рыночной экономики». Стремительное развитие средств массовой информации, дающее возможность целенаправленно манипулировать общественным сознанием, позволяет использовать их как идеологический наркотик, лишаящий людей понятия о политических реальностях окружающего мира. Общество, находящееся под наркозом средств массовой информации, утрачивает инстинкт самосохранения, теряет государственный, религиозный, культурный иммунитет, становится слепым и беспомощным перед лицом грозящих ему опасностей.

Появляется возможность скрыть от посторонних глаз не только центры реальной (а не показной) власти, но и надежно замаскировать их настоящую идеологию. В результате сегодня не только «простой» человек, но даже подавляющее большинство представителей официальных властей находятся в полнейшем неведении относительно того, кто же в действительности контролирует развитие ситуации в стране и каковы истинные цели этого «кого-то». Такая маскировка позволяет сделать власть «интеллектуальной элиты и мировых банкиров» практически неуязвимой. Мало того, она сама остается вне поля зрения своих потенциальных противников, загадкой становится уже то, зачем, почему и как она принимает те или иные действия.

И все же, говоря о событиях последних лет, можно с высокой степенью достоверности утверждать, что по отношению к России параллельно реализуются оба сценария ее устранения с гео-

политической арены. Оба они не новы и уже применялись при разрушении Российской империи в начале XX века.

Сценарий первый. Эпиграфом к нему могут служить два высказывания видных мировых политиков. Одно принадлежит Генри Киссинджеру, бывшему госсекретарю США, заявившему: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народов в единое, крепкое, централизованное государство». Автором другого является Збигнев Бжезинский. Он так определил цель русской политики мирового сообщества: «Россия будет раздробленной и под опекой».

Этот сценарий можно назвать жестким, силовым или революционным. Он предполагает поэтапный развал сначала Советского Союза, а затем — России (возможно по югославскому варианту), провоцирование экономического и политического хаоса, межнациональных конфликтов, социальных столкновений и гражданских войн. Давно разрабатываемая теория «вялотекущих социальных катастроф» в сочетании с изощренной политической практикой должна при этом обеспечить сценаристам стратегический контроль над ситуацией, исключая перерастание локальных конфликтов в ядерные столкновения. Но в оптимальном варианте Россия должна выгореть дотла, так и не взорвавшись. То, что от нее останется, будет легко встроено в объединенную всемирную политическую конструкцию.

Именно по такому сценарию развивались события в России после Октябрьской революции. То, что он тогда не сработал до конца, не меняет дела. Вспомните экономические, политические и духовные последствия революционного хаоса — возможно, это хоть немного поколеблет наше безмерное благодушие, дав понять, что нас ждет в случае успешной реализации жесткого варианта антирусской политики.

Сценарий второй. В сравнении с предыдущим его можно назвать мягким или эволюционным. Он предполагает захват политической власти в стране сторонниками «интегрирования в мировое сообщество» и последующее активное реформирование государственной, экономической, военной и демографической структуры общества с целью внутреннего перерождения России, ее полного и окончательного отрыва от своей духовной и куль-

турной исторической традиции. В конечном итоге это должно привести к превращению страны в плацдарм «нового мирового порядка», когда весь ее сохранившийся потенциал будет направлен на ускорение международных интеграционных процессов под негласным руководством мирового правительства.

Историческим аналогом такого сценария является осуществление Февральской революции 1917 года. Его развитие было прервано радикальным Октябрем.

Надо, конечно, отдавать себе отчет, что эти гипотетические сценарии — всего лишь грубая схема. Действительность всегда много сложнее и разнообразней. На практике обе стратегии могут осуществляться одновременно, причудливо переплетаясь и дополняя друг друга. Возможно, что «мягкий» вариант служит всего лишь прелюдией для «жесткого» продолжения, как это случилось в России в начале прошлого века. В любом случае, их рассмотрение дает обильную пищу для размышлений и хотя бы приблизительно показывает степень реальной опасности, нависшей ныне над нашей Родиной.

СМЫСЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Конечно, ход истории зависит не от нас. Но от нашего выбора зависит то место, которое мы зайдем в ее течении. То ли примкнем к «тайне беззакония», то ли, руководимые законом Божиим и совестью, осознаем свой личный долг как частицу всенародного служения.

Религиозный смысл русской истории выходит далеко за рамки национального значения. «На костях мучеников. — пророчествовал задолго до революции о. Иоанн Кронштадтский, — как на крепком фундаменте будет воздвигнута Русь новая — по старому образцу, крепкая своей верой в Христа Бога и Святую Троицу». Сейчас, когда Отечество наше, народ наш переживают лютые времена смуты и безначалия, необходимо вернуть человеку понимание истинного смысла его существования. Но одного этого мало: нужно вернуть смысл и нашему соборному народному бытию.

Сегодня народ русский, прошедший в нынешнем столетии через тяжелейшие испытания и скорби, сумевший ценой величайших бед и лишений сохранить свою тысячелетнюю державу, стоит перед выбором: вновь выступить в традиционной роли «собирателя земель» и «хранителя устоев» российской государственности или — прекратить свое существование в качестве великого народа, в качестве культурного, религиозного и геополитического субъекта мировой истории.

Оглядывая отечественную историю, непредвзятый наблюдатель повсюду найдет несомненные следы промыслительного Божьего попечения о России. Чудо сопровождает Россию сквозь века. Вот и ныне — по всем планам закулисных дирижеров современной русской трагедии наше национально-религиозное самосознание давно должно было захлебнуться в смрадном и мут-

ном потоке пропаганды насилия и бесстыдства, космополитизма, богоборчества и животных страстей. Наша государственность должна была давно рухнуть под грузом бесконечных предательств и измен, внутренних интриг и внешнего давления. Наши дети давно должны были убивать друг друга на полях новой братоубийственной гражданской войны, для разжигания которой было приложено столько усилий мнимыми «миротворцами» и лукавыми «посредниками». Наша хозяйственная жизнь должна бы давно замереть, опутанная удушающей сетью «реформ», ввергнувших страну в экономический и политический хаос.

Ан нет — хранит Господь! Гнется Русь — да не ломается, и зреет в народе понимание своей великой судьбы, своего подлинного призвания: быть народом Божиим, неся жертвенное, исповедническое служение перед лицом соблазнов, искушений и поношений мира.

Теперь все больше людей в разных слоях общества печется о создании нового Соборного единения народа, для которого Россия не «эта страна», а отчий дом, разрушение которого грозит величайшими катаклизмами не только для россиян, но и для всего мирового сообщества. Центром такого патриотического движения, начиная с 1993 года, стал Всемирный Русский Народный Собор, вставший на защиту русской нации с ее историческими и духовными ценностями, в основе которых лежит православие, и потому не случайно, эту общественную организацию возглавила Русская православная церковь. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II подчеркнул при этом: *«Мы были и будем оставаться силой, способствующей становлению национального духа России, созидающей ее духовную культуру, заботящейся о ее единстве и целостности как национально-государственного организма. Любовь к Родине — патриотизм — изначально благословлялся церковью».*

Ныне Собор становится народной трибуной, где обсуждаются самые злободневные и болезненные проблемы современности, многие из которых под напором общественных сил включаются в национальные государственные программы. Это касается вопросов образования, здравоохранения, науки, экономики, культуры, демографии. Начало диалога «общество и жизнь» положено.

Сделаны первые шаги на пути возрождения русской соборности. И потому всем, кто действительно любит Россию, а не плод собственной фантазии, пора прекратить поиск «современной русской идеологии», искусственное конструирование идеологических и мировоззренческих систем «для русского народа». Русская идея существует в неизменной своей нравственной высоте и притягательности уже многие столетия. Она, по милости Божией, пережила века, смуты и войны, революции и «перестройки» и не нуждается ни в замене, ни в поправках, ибо имеет в своем основании абсолютную праведность Закона Божьего и Его святых заповедей.

Эта благодатная опора русской жизни: личной и общественной, семейной и государственной — сегодня ничуть не менее прочна, чем во времена святого Дмитрия Донского или патриарха Гермогена. Нужно лишь духовно «вернуться» в настоящую, непридуманную, историческую Россию, опереться на незыблемое основание православного мировоззрения — и тогда будет найдена точка опоры, позволяющая очистить нашу сегодняшнюю жизнь от бесовщины, нечисти богоборчества и русоненавистничества. Здесь — ключ к решению всех наших проблем.

Содержание

Русь соборная. <i>Введение</i>	4
От язычества — к православию	7
Три крещения Руси	11
Креститель Владимир	16
Торжество православия	21
Меж монголами и латинами	25
Державная юность России	32
Иоанн Васильевич Грозный	36
История царствования	41
Игумен Всея Руси	56
Боярство и опричнина	60
Черты соборной государственности	65
Соборность в Древней Руси	68
«Право на вето»	70
«Блаженный на троне»	73
Тень правды царя Бориса	78
Цареубийство	82
Боярский царь	87
Выздоровление	93
Родственник Рюрика	96
Технология катастрофы	101
Торжество правды и ликование лжи	106
Два великих государя	110
Раскол	118
Как обрывали связь времен	126
Маятник судьбы	136
«Ребята, ступайте за мною!»	142
Империя и земство	146
Крушение	157
Плач по Руси великой	165
Битва против России	171
Цивилизации духовные и чувственные	180
Сценарии нынешней смуты	183
Смысл русской истории	188

РУСЬ СОБОРНАЯ
Исторические вызовы России

Руководитель проекта *П.Я. Добрынин*
Составитель *В.В. Тяботин*
Координатор проекта *Н.А. Александров*
Главный редактор *А.Ф. Косенков*
Верстка *О.Н. Санбельгина*
Корректор *В.И. Янков*

Сдано в набор 15.03.2007. Подписано в печать 10.04.2007.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Тираж 3000 экз.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
Тел./факс (383) 221-96-28. E-mail: id-ins@sn.ru

Отпечатано в ГУП СИПКП «Наука»
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25